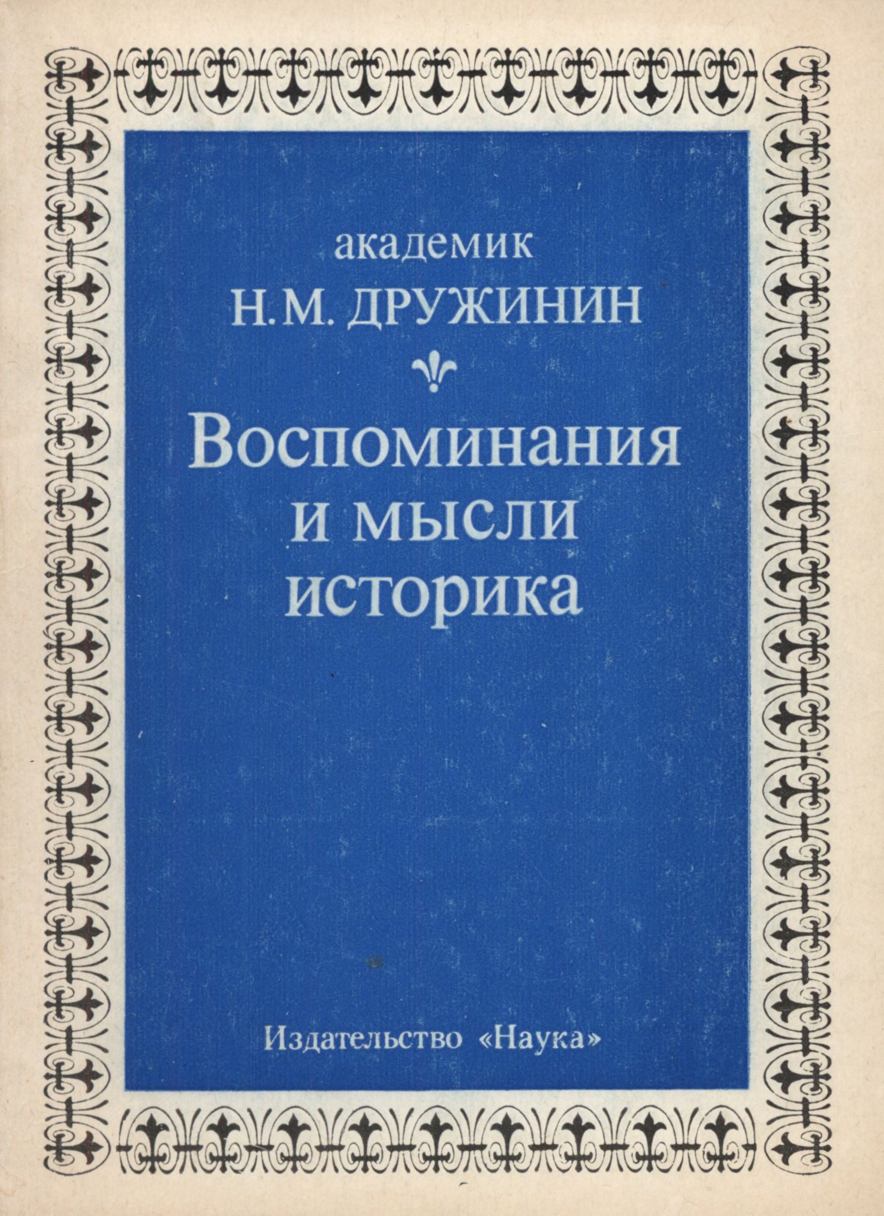
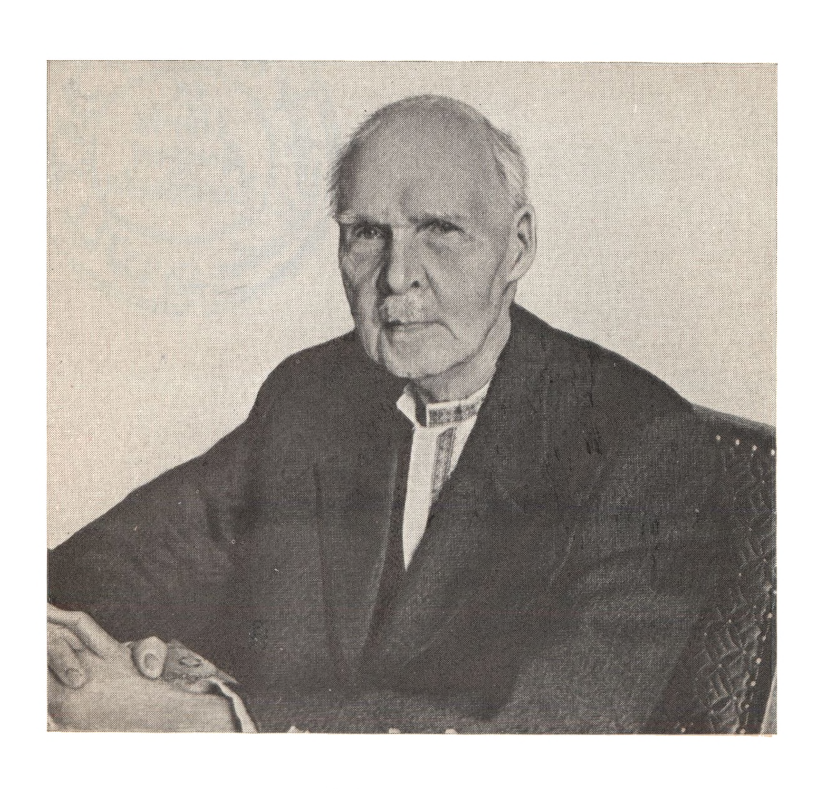

академик
Н. М. ДРУЖИНИН

Воспоминания и мысли историка

Издательство «Наука»

Н. Дружинин

Академия наук СССР
Институт истории СССР

академик
Н. М. ДРУЖИНИН

Воспоминания и мысли историка

Издание второе, дополненное

Издательство «Наука» • Москва 1979

В связи с фактами общественно-политической жизни начала XX в. и советского периода автор показывает процесс своего формирования как историка и основные этапы своей научной деятельности. Особый отдел отведен методам исследовательской работы историков, выработанным автором на основе лично го опыта. Книжка заканчивается советами молодым историкам в соответствии с задачами советской исторической науки.

Д $\frac{10604-383}{042(02)-79}$ —26—80—0505000000

Среди разнообразных форм личных воспоминаний автобиография ученого занимает особое место. Обмен научным опытом всегда помогает «отцам» — подвести итоги своим исканиям и достижениям, а «детям» — уяснить себе эволюцию творческой мысли и, следовательно, поднять науку на новую, более высокую ступень. «Дети» обыкновенно обгоняют своих родителей: они воспитываются в более сложных условиях, над ними меньше тяготеют тормозящие традиции прошлого; но и «отцы» могут очень многому научить молодое поколение, облегчая ему задачу быстрее усвоить проверенные жизнью методы, избежать старых, иногда труднопреодолимых ошибок. Именно поэтому, подводя итог пройденному пути, я решил поделиться с читателями воспоминаниями о процессе моего формирования и деятельности как историка. К счастью, у меня сохранились необходимые материалы, которые нейтрализуют возможные ошибки памяти: ежедневные записи умственных занятий, которые я вел с 1906 г., университетские и аспирантские конспекты, черновики выписок и собственных исследований.

Мне придется подробнее остановиться на первоначальном, подготовительном периоде научной работы, так как в силу определенных причин он растянулся на продолжительное время. Свою университетскую и аспи-

рантскую подготовку я совмещал с большой педагогической работой. Прежде чем пройти курс историко-филологического факультета Московского университета, я закончил экономическое отделение юридического факультета. Моя научная подготовка прерывалась три раза: в 1905—1906 гг. я активно участвовал в революционном движении, в 1916—1917 гг. был мобилизован и служил в царской армии, в годы гражданской войны был снова мобилизован по постановлению профсоюзной организации и назначен заведовать лекционной работой в частях московского гарнизона. Эти перерывы обогащали меня жизненным опытом, помогали теснее связать теорию с практикой, но не могли не замедлить хода моей специальной научной подготовки.

Часто в основе ясно осознанного призвания лежат ранние впечатления отрочества и юности, в частности влияние школьного преподавания. Так было и со мной. Я получил среднее образование в московской 5-й гимназии, которая сохранила классический профиль и после учебной реформы Ванновского. Мы изучали латинский и греческий языки, дважды проходили курс древней истории, в подлиннике читали Гомера, Овидия, Цезаря, Тита Ливия, рассматривали изображения памятников античного искусства. Сопоставление политических судеб Греции и Рима было предметом моих первых исторических размышлений. Однако система одностороннего классицизма, введенная в реакционных целях, возбуждала резкую критику передовых кругов общества, и это отражалось на нашем отношении к официальной учебной программе. Изучению древних авторов мы предпочитали

чтение художественной литературы, с увлечением разыгрывали на самодельных гимназических подмостках пьесы Гоголя, Островского, Тургенева, Сухово-Кобылина, декламировали перед публикой стихотворения Пушкина, Алексея Толстого, Некрасова, по воскресеньям разбирали под руководством нашего любимого учителя С. Г. Смирнова повести и романы Тургенева. Но и здесь, в произведениях русских писателей, перед нами раскрывалась история минувшей жизни, правда, сохранявшей свои следы даже в наши школьные годы, на рубеже XIX и XX вв.

С этими историко-литературными восприятиями гармонировали впечатления московской культурной жизни, которые имели не меньшее, а большее влияние на мое умственное развитие. Картины передвижников, особенно Репина и Сурикова, в Третьяковской галерее, лекции для учащихся, организованные в аудитории Исторического музея, оперные и драматические спектакли на исторические сюжеты наслаивали в сознании образы различных эпох и народов. Особенно велико было воздействие театра, который с ранних лет был для меня источником самых ярких и сильных переживаний. Сидя на «галерке» московских театров — Малого, Нового, Корша, я пересмотрел Фонвизина, Грибоедова, Гоголя и почти всего Островского; мне удалось видеть последнее выступление Ермоловой в «Орлеанской деве» и слышать одно из первых выступлений Шаляпина в «Псковитянке». Оперы Бородина, Мусоргского, Римского-Корсакова, даже «Тушинцы» Бларамберга и «Дубровский» Направника действовали на меня не только музыкой оркестра и пением артистов, но и всей сценической обстановкой, воспроизводившей картины далекого прошлого.

Когда открылся Художественный театр, я получил, благодаря содействию сестры, ученицы В. И. Немировича-Данченко по Филармонии, свободный доступ на основные спектакли. Наряду с пьесами Чехова и Ибсена я с восхищением смотрел «Антигону» Софокла, поставленную с соблюдением всех особенностей древнегреческого театра, трагедию «Венецианский купец» Шекспира, чаровавшую внешней красотой Возрождения, и, конечно, драматическую трилогию Алексея Толстого, ярко передававшую внутренние коллизии и бытовой стиль России конца XVI — начала XVII столетия. Книжные и театральные впечатления дополнялись непосредственным созерцанием Московского Кремля, его соборов, башен и теремов, архитектурных памятников XVII—XVIII вв., разбросанных по всему городу, и еще сохранявшихся остатков старинного русского быта.

В такой обстановке родились первые опыты моих исторических сочинений — о возникновении и развитии Москвы, о «забитых людях» крепостной эпохи, о крестьянском вопросе в мировоззрении Тургенева. Конечно, ученические обработки прочитанного и продуманного страдали наивностью и подражательностью, так же как рассказы и стихотворения в выпускавшихся нами гимназических журналах. А главное, на них лежал отпечаток пассивно-созерцательной передачи прошлого без всякой попытки связать его с настоящим и будущим, пронизать изучение истории собственной критической мыслью. На этом раннем этапе Александр Македонский и Цезарь в освещении Плутарха казались мне такими же вдохновляющими героями, как Эгмонт и Гёц фон Берлихинген в поэтическом воссоздании Гёте: в моих психологических оценках тонуло различие социально-политических мотивов и исторической роли этих деятелей. Первые

реакции на восприятие источников только свидетельствовали о пробудившемся интересе к историческим знаниям.

Критика настоящего и мысли о будущем появились позднее, в старших классах гимназии, под сильным воздействием нараставшего общественного подъема 1902—1904 гг. Уже приближалась революционная гроза. Отовсюду приходили вести о студенческом движении, о рабочих стачках, о крестьянских волнениях. Разнообразными путями в наше сознание проникали идеи борьбы за политическое освобождение и завоевание социализма. Я и мои товарищи с увлечением читали ранние произведения Горького, по нескольку раз смотрели его демократическую пьесу «На дне», следили за успехами германской социал-демократии, искали ответы на возникавшие запросы в нелегальной литературе. В эти годы завязывались живые связи между учащимися разных гимназий, возникали кружки, в которых спорили на мировоззренческие и социально-политические темы, рождалось желание непосредственно соприкоснуться с народом, ближе узнать его мысли, чувства, страдания. К этому времени относятся мои летние поездки по Волге, Днепру и Черному морю, пешеходные путешествия по Центральному промышленному району и Крыму. Идя от Ярославля до Москвы с путиловскими рабочими, выброшенными с завода, ночуя в деревенских избах и ведя долгие беседы с крестьянами, я приоткрывал завесу, отделявшую меня от реальной действительности. Современность властно вторгалась в духовную жизнь, подчиняя себе желания, планы и действия. История начинала интересовать меня иначе, чем раньше,— сквозь призму рождающихся политических стремлений. Я зачитывался романами о героях итальянского Risorgimento, о национально-освобо-

дительном движении болгарских патриотов, о пробуждении пролетариата, о революционной борьбе с самодержавием. То здесь, то там возникали группы для совместного чтения интересующих нас книг. Помню одно из таких собраний в одноэтажном особняке моих гимназических товарищей Пестелей, где я впервые по литографированным лекциям Ключевского узнал подробности о восстании декабристов. «Записки революционера» П. А. Кропоткина, «Подпольная Россия» С. М. Степняка-Кравчинского, «Сибирь и ссылка» Д. Кеннана, известная книга А. Туна о революционном движении в России, сборник историко-революционных документов «За сто лет» не только знакомили с минувшими событиями, но и звали на борьбу за будущее. История вдохновляла, открывала широкие горизонты, давала опору для выработки собственного действенного мировоззрения.

Незадолго до окончания гимназии я впервые получил в свои руки книжку нелегального журнала «Заря» со знаменитой статьей В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма»;» через некоторое время мне удалось прочесть ленинскую брошюру «Что делать?». И здесь история была исходным пунктом для анализа настоящего и предвидения будущего, основой для безошибочного определения революционного образа действий. В том же направлении воспитывали мое сознание «Коммунистический манифест», работы Бебеля, книги по истории социализма. Теоретические вопросы истории — о закономерности исторического процесса, о роли материального фактора, о личности и массах, о взаимоотношении эволюции и революции — занимали нас в это время не меньше, чем философские вопросы о смысле жизни, о познаваемости вселенной, о личном призвании. «Очерки реалистического мировоззрения», выпущенные

марксистами в противовес либеральному сборнику «Проблемы идеализма», имели в нашей среде такой же успех, как книжки «Образования» с яркими статьями А. В. Луначарского и полемика с теорией Риккерта, которую вел московский журнал «Правда» с участием М. Н. Покровского, Н. А. Рожкова и других передовых историков.

Так закладывались основы моих взглядов на историческое прошлое и на его связь с настоящим и будущим. Меня увлекала мечта об активной политической деятельности, но при условии предварительного глубокого научного образования. Я не колебался в выборе факультета: история представлялась мне универсальной наукой, которая вмещает в себя исследование всего развития человеческого общества на всех его этапах и во всех его проявлениях. Меня особенно увлекала эта широта открывающегося познания истории человечества во всем многообразии ее конкретных форм и во всей цельности ее внутреннего закономерного единства.

Поступая в 1904 г. на историко-филологический факультет Московского университета, я не обольщался иллюзией, что он целиком ответит на мои запросы: наше отношение к казенной высшей школе, ее учебным требованиям и преподавательскому составу было проникнуто значительной дозой скептицизма. Действительность вполне подтвердила наши прогнозы: Московский университет продолжал жить на основе реакционного устава 1884 г. — с окаменевшими программами, узкоформальными правилами, придирчивой инспекцией и изрядным процентом реакционной, сугубо «академической»

профессуры. В аудиториях историко-филологического факультета, особенно на лекциях филологов или маститого историка В. И. Герье, царила достаточно затхлая атмосфера. Но и здесь современная жизнь вторгалась в замкнутые двери отгороженного «храма науки» и наполняла новым содержанием его устарелые формы. На лекции В. О. Ключевского собирались студенты различных факультетов — не меньше, чем на лекции К. А. Тимирязева, которые слушали естественники. Н. А. Рожков и А. А. Кизеветтер читали параллельные курсы на тему «Отмена крепостного права», первый — в экономическом плане, второй — в либерально-конституционном духе. Даже доцент И. И. Иванов, вовсе не отличавшийся радикальными взглядами, объявил курс на заманчивую тему «История германской социал-демократии». Но самыми интересными показались мне два исторических семинара — Р. Ю. Виппера, посвященный анализу Фукидида, и М. М. Богословского по Русской Правде: на занятиях обоих профессоров я впервые узнал, что такое широкий и тонкий анализ источников, какие важные научные обобщения можно построить на детальном разборе и толковании древних текстов.

С самого начала я выработал себе программу учебных занятий, не вполне совпадавшую с официальным планом: наряду с обязательными лекциями Любавского по древней русской истории и Ключевского по XVIII веку, я слушал параллельные курсы Рожкова и Кизеветтера, но перенес центр тяжести на самостоятельные занятия. Закончив историю первобытного общества, начатую еще в летние месяцы, я перешел к истории Греции (входившей в учебный план факультета) и одновременно — к изучению экономических и культурных предпосылок Французской революции XVIII в. При этом я широко

пользовался «Программами домашнего чтения» — этой своеобразной попыткой прогрессивных деятелей Русского технического общества создать некую форму демократического заочного университета. Рекомендации и проверочные вопросы этого издания очень помогали моим самостоятельным занятиям и до, и во время университетского курса. Выбор темы «Французская революция» не был случайным: и мне, и моим близким товарищам опыт этого великого буржуазного переворота представлялся наиболее важной научной опорой перед лицом грядущей буржуазно-демократической революции в России. Так началась моя университетская жизнь, вскоре, через четыре месяца, оборвавшаяся на полтора года.

Осень и начало зимы 1904 г. проходили под знаком растущего политического подъема. После поражения под Ляояном исход русско-японской войны наметился совершенно отчетливо. Критика самодержавно-полицейского строя приняла широкие, до тех пор небывалые формы. С ослаблением цензуры появились новые, радикальные органы печати. Началась серия либеральных банкетов, на которых временами звучали более смелые речи. Оживилась и расширилась подпольная работа революционных партий. Бакинская стачка стала преддверием январских событий 1905 г. В такой обстановке усиливалось и политическое возбуждение передового студенчества. Медицинский факультет, особенно чайная Анатомического театра, стали центром притяжения революционных элементов. Созывались межфакультетские собрания, вспыхивали стихийные сходки и уличные демонстрации. Еще в начале осени, после одной из лекций Ключевского, в Богословской (ныне Коммунистической) аудитории состоялся митинг протеста против избиения

студентов на политической демонстрации при проводах мобилизованных новобранцев. После страстных политических речей студенты высыпали на улицу, быстро смастерили красное знамя и плакат с надписью «Долой войну!» и с пением революционных песен двинулись по Никитской и Малой Бронной в направлении рабочих кварталов. Импровизированная демонстрация была разогнана отрядом городовых и дворников, но подобные избиения только подливали масло в разгорающийся огонь. В начале декабря после лекции Тимирязева студенческая толпа взломала двери запертого актового зала, находившегося рядом с физической аудиторией, и после горячих речей вынесла постановление организовать в воскресенье уличную демонстрацию, призвав на нее рабочих. Демонстрация состоялась 5 декабря около дома генерал-губернатора на Тверской, но была быстро рассеяна конными отрядами жандармов и казаков. Вместе с близкими товарищами я участвовал в этих сходках и выступлениях, с волнением слушал на квартире Леонида Андреева его антивоенный рассказ «Красный смех», посещал подпольные словесные поединки социал-демократов и эсеров по аграрному вопросу, вместе со своим сверстником Лунцем развивал на собраниях молодежи идеи исторического материализма.

Расстрел 9 января 1905 г. повлек за собой организованную забастовку студентов и закрытие университета. Вскоре я принял предложение своей знакомой Инессы Федоровны Арманд взять на себя функции библиотекаря Московского комитета партии и вместе с Н. М. Лукиным (в то время студентом 2-го курса) стал посредником в обслуживании пропагандистов нелегальной литературой. В начале февраля я был задержан на квартире И. Ф. Арманд с перечнем нелегальных книг, $2^1/_2$ месяца

провел в тюремном заключении, был исключен из университета и весной 1905 г. выслан до суда в Саратов. Сидя в одиночной камере, я продолжал заниматься историей Греции, но еще больше времени посвящал политической истории современной Европы и начаткам политической экономии: мне было ясно, что без учета политического опыта западноевропейских стран и без теоретического освоения хозяйственных процессов невозможно сознательное отношение к происходящим событиям. И в Бутырской, и в Таганской тюрьмах поддерживалось непосредственное общение между заключенными: начавшаяся революция сломала преграды, воздвигнутые тюремным режимом; шли переговоры через открытые окна, с помощью гуляющих передавались записки, а при содействии выбранных заключенными старост и приходивших «невест» регулярно поступали газеты и свежая нелегальная литература. Мы были в курсе всех событий и революционно-тактических споров. Читая «Вперед», я окончательно оформил свои политические взгляды, а знакомясь с французскими революциями XIX в., убедился, что и студенты могут принести некоторую пользу в революционном движении. С помощью явок я установил связь с Саратовским комитетом РСДРП и приступил к активной работе в качестве организатора, а позднее агитатора большевистского крыла местной организации. Как известно, летние месяцы 1905 г. сопровождались дальнейшим подъемом рабочего, крестьянского и солдатского движения. Широкие пролетарские массы все больше приобщались к развертывавшейся революции; в Саратове движение охватило не только передовые слои типографщиков, ремесленников, металлистов, но и самых отсталых рабочих мельничных предприятий. Мы созывали пропагандист-

ские кружки и загородные митинги, распространяли партийные листовки и брошюры, проводили заводские и районные собрания, создавали профсоюзные и боевые ячейки, руководили экономическими стачками.

Крупицы времени, остававшиеся от интенсивной организационной работы, поглощались чтением марксистской литературы, которая пробивала себе дорогу и в виде дешевых подцензурных изданий. В конце июля я был арестован как десятник дружины вооруженной самообороны, созданной Саратовским комитетом партии против грозившего еврейско-интеллигентского погрома. Для меня вновь наступила небольшая передышка, которую я постарался использовать для пополнения своих экономических и политических знаний. Октябрьская стачка открыла двери нашей тюрьмы и обеспечила широкие возможности для развертывания революционной агитации. Критика самодержавия и капитализма переплеталась с очередными лозунгами вооруженного восстания, созыва Учредительного собрания и учреждения республики. Я выступал с речами в заводских цехах, на «Пешке», куда стекались наиболее обделенные и отсталые прослойки трудящихся, в фельдшерской школе, где собирались передовые рабочие и представители интеллигенции; свои выступления я старался обосновать экономическими данными и историческими фактами. Это были счастливые дни моей жизни, когда я чувствовал могучую силу революционного слова, когда на моих глазах пробуждалось сознание у самых отсталых слоев аудитории.

Декабрьское вооруженное восстание не получило в Саратове активной боевой поддержки. Избегая ареста, я вынужден был покинуть Саратов и, пользуясь ранее опубликованной амнистией, возвратился в Москву.

Здесь возобновилась моя партийная работа сначала в роли организатора Рогожского района, позднее — в качестве общегородского организатора. Мы успешно провели кампанию бойкота первой Государственной думы, разоблачали конституционные иллюзии, посеянные кадетами, подготовляли выборы на IV съезд РСДРП, участвовали в организации безработных, использовали загородные массовки, народные дома, обычные или случайные скопления рабочих на окраинах и в центре для революционного разъяснения текущих событий и очередных партийных лозунгов. На одном из пропагандистских собраний я был захвачен полицией, но благодаря содействию заводского организатора счастливо отделался несколькими часами ареста и безрезультатным домашним обыском.

Моя дальнейшая научная подготовка вытекала из богатого политического и житейского опыта буржуазно-демократической революции. Осенью 1906 г. возобновились занятия в реформированном автономном университете, и передо мной встал вопрос, вернуться ли к научным занятиям или, пожертвовав высшим образованием, перейти на положение профессионального революционера? В тогдашних условиях подпольной работы среднего пути, с моей точки зрения, не было. Положение осложнялось материальными затруднениями, которые требовали поисков заработка. Проверив самого себя, я пришел к выводу, что по своим внутренним склонностям я не отвечаю идеалу политического деятеля и что мое призвание — научно-просветительная работа, преимущественно в рабочих массах. Мое влечение к истории возоб-

новилось с прежней силой, но осложнилось новыми планами: в свете всего пережитого и продуманного я осознал огромное значение экономических наук для понимания исторического процесса, всю необходимость систематических и глубоких знаний для истолкования общественных явлений. На юридическом факультете Московского университета наряду с отделениями государственного, гражданского и уголовного права открылось особое экономическое отделение с программой специальных хозяйственных дисциплин. Я решил предварительно, ранее, чем приступить к истории, основательно изучить экономику и в соответствии с планом отделения овладеть также общими правовыми науками: революция показала не только могущественное влияние экономического фактора, но и громадную роль юридических норм в процессе ломки старых институтов и возникновения новых отношений.

Московский университет послереволюционного периода был не похож на тот, каким я знал его в 1904 г.: в основу преподавания была положена предметная система, т. е. обязательное прослушивание в течение факультетского курса определенного количества предметов и сдача соответствующего числа экзаменов и семинарских зачетов, но распределение этих предметов и испытаний по годам и полугодиям зависело от добровольного выбора самого студента. Слушание лекционных курсов было фактически необязательным, никакой инспекции не существовало, система прохождения наук была поставлена в зависимость от самодеятельности и выдержки самих студентов. На экономическом отделении юридического факультета было запланировано 15 научных предметов, в том числе 7 общих (например, политическая экономия, энциклопедия права и др.) и 8 специальных (тео-

рия политической экономии, история хозяйственного быта и экономических учений, статистика, теория вероятности и т. д.); кроме того, требовалось получить зачеты по 3 семинариям, а 4 основные юридические дисциплины выделялись для сдачи на государственных экзаменах. Такая система преподавания стимулировала личные усилия занимающегося и хорошо отвечала условиям жизни малообеспеченных студентов. Одновременно с поступлением в университет я должен был приискать себе источники заработка и уметь сочетать его с научными занятиями. Нужно было сосредоточить свое внимание на основных, наиболее важных проблемах и организовать по ним самостоятельные занятия, учитывая свои запросы и используя для работы все свободное время.

С самого начала я перенес центр тяжести на политическую экономию, стараясь исторически подойти к изучению основных вопросов теории. В семинарии доцента Н. Н. Шапошникова я проработал все рекомендованные темы, начиная с первой — «Фазы хозяйственного развития» (по этому вопросу я представил доклад, знакомивший с историографией проблемы) и кончая последней, завершавшей вопросы о генезисе и развитии капитализма,— «Гибель ремесла». В семинарии проф. А. А. Мануилова по теории ценности я изучал воззрения Адама Смита, Рикардо и Маркса. Самостоятельно занявшись аграрным вопросом, я старался уяснить себе контроверзу о сравнительных преимуществах крупного и мелкого сельского хозяйства; конечно, полемика между Давидом и Каутским, развивавшим теорию Маркса, заняла здесь главное место. По истории экономических идей, помимо имевшихся общих курсов, я проштудировал интересный труд немецкого экономиста Онкена. В качестве зачета по специальному курсу политической экономии требова-

лось представить подробный конспект одной из классических работ по собственному выбору; я избрал для этой цели первый том «Капитала» К. Маркса — книгу, с которой познакомился еще в революционные годы.

Вторым предметом, на котором я сосредоточил свои усилия, был рабочий вопрос как часть дисциплины «Экономическая политика». Здесь я последовательно изучил историю профессионального движения на Западе и в России, историю фабричного законодательства и проекты страхования рабочих, которые являлись в то время предметом оживленной дискуссии в печати и в Государственной думе. Доклад на тему о постановке врачебной помощи российским рабочим по предложению знакомого врача большевика Канеля я прочел в секции истории труда Русского технического общества. Для дипломного сочинения мной была выбрана тема «Охрана женского и детского труда в фабричной промышленности России». И здесь я старался отвести большое место истории вопроса; мне помогли при этом богатейшие материалы Музея труда при Московском университете и указания их неутомимого собирателя и хранителя, одного из фабричных инспекторов первого призыва А. В. Погожева.

Историю финансов я прослушал в изложении проф. П. П. Гензеля, а для зачета по этому предмету представил сочинение на тему «Крестьянская тяглая община XVII в.» Некоторые общие предметы экономического отделения, например историю римского права, историю философии права и особенно историю русского права, я старался изучать не только на основании печатных курсов, но привлекая также дополнительные пособия и источники. Однако некоторые дисциплины, например международное право (тоже в историческом освещении),

удавалось штудировать и сдавать исключительно по профессорским курсам — так же, как специальные юридические предметы. Таким образом, проходя программу юридического факультета, я стремился сочетать экономику и право с историей общественных отношений, которая постепенно обогащалась в моем представлении благодаря проникновению в смежные дисциплины. Одновременно, благодаря непрерывной педагогической практике, я закрепил в сознании фактический костяк исторического процесса и старался передать своим ученикам основные из полученных мной выводов. Чтобы заработать средства на жизнь, приходилось выполнять самые разнообразные функции: секретаря доктора М. М. Чемоданова и распространителя его революционных карикатур, служащего художественной фотографии, счетчика при переписях, организованных городской управой, корректора газеты «Утро России» и т. д. Но основным, почти постоянным источником моего заработка оставались уроки на общеобразовательных курсах или домашние, в форме подготовки учащихся к различным экзаменам. Я всегда отдавал предпочтение урокам по истории, литературе и географии, которую считал очень важной в программе знаний каждого историка. Подготовка к урокам требовала дополнительного чтения, а иногда — слушания лекционных курсов (например, по географии — на естественно-математическом факультете). Именно в эти годы, пользуясь «Программами домашнего чтения», я проштудировал курс истории средних веков. Параллельно я старался не терять связи с рабочей средой и вел занятия по истории на рабочих курсах В. Е. Ермилова, после их закрытия — в профессиональном союзе портных, позднее — на Пресненских курсах и т. д. Жажда знания, которая проявлялась рабочими массами, пробуж-

денными к сознательной жизни, делала особенно интересной и ответственной просветительную работу.

Проходя курс юридического факультета, я выработал для себя определенные методы занятий. Дорожа каждым часом, я составлял ежедневное расписание занятий; чтение научных книг я сопровождал письменными вопросами, замечаниями, а если нужно, конспектами и таблицами; при подготовке к экзаменам вслух рассказывал себе содержание каждого билета (это помогало не только закреплению знаний, но и выработке правильной научной речи); каждый день я записывал, что было сделано, а в конце месяца составлял отчетную сводку, контролируя свою работу и учитывая ее итоги для будущего.

Весной 1911 г. я сдал государственные экзамены в испытательной комиссии, а летом подал заявление о приеме на историческое отделение историко-филологического факультета. Пятилетние занятия дали мне не только определенную сумму знаний, но — что особенно важно — выработали навыки экономического и юридического мышления, умение самостоятельно изучать научный материал и обрабатывать его в виде докладов и сочинений. Конечно, преподавание на юридическом факультете имело существенные недостатки, зависевшие от мировоззрения его профессуры. На факультете были преподаватели различных взглядов, начиная от анархиста А. А. Борового, призывавшего к ликвидации государства, и кончая идеалистом С. Н. Булгаковым, излагавшим историю экономических идей в свете религиозной философии. Но основной костяк профессуры составляла группа либеральных профессоров во главе с С. А. Муромцевым и А. А. Мануиловым; они отличались солидными знаниями, блистали ораторскими способностями, но бы-

ли очень далеки от тех точек зрения, которые я воспринял в предшествующие годы. Наиболее искусным руководителем семинарских занятий считался И. М. Гольдштейн, но это был типичный буржуазный профессор, который в своем курсе о трестах и синдикатах не шел дальше рекомендаций государственного ограничения монополий. Представителем более прогрессивной методологии был П. П. Гензель, искусно разоблачавший классовую подоплеку финансовой политики, но он не умел хорошо организовать свои семинарии и методически вооружить их участников.

Тем не менее поставленная мной задача была достигнута: я прошел пропедевтику исторической науки и до известной степени научился связывать политическую надстройку с экономическим базисом. Теперь мне предстояло, наряду с расширением исторических знаний, научиться применять экономические и правовые критерии к самостоятельной обработке исторических фактов. Влияние реальной действительности и особенности первого этапа моего образования толкали меня на изучение отечественной истории, преимущественно ее социально-экономических и идейных процессов, притом в наименее изученной области нового периода — XIX века.

Историко-филологический факультет этого времени тоже был реформирован на основе предметной системы преподавания, требовавшей больше инициативы и самодеятельности от учащихся. Но здесь сильнее обнаруживалось влияние отсталых традиций, господствовавших ранее 1905 г.: в программе официальных предметов по-старому фигурировало богословие; слушание философ-

ских дисциплин фактически было обязательным (читавший их профессор Челпанов не принимал экзаменов без предварительной записи и усвоения своих курсов);› в составе профессуры были отпетые реакционеры вроде Алмазова, преподававшего историю церкви; некоторые более передовые профессора, например Д. М. Петрушевский, покинули факультет после репрессивных мероприятий министра Кассо. Однако на факультете оставалась группа видных ученых, у которых можно было с пользой заниматься, не жертвуя самостоятельными взглядами и выработанными методами. С самого начала я сосредоточил свое внимание на лекционных курсах Р. Ю. Виппера и на практических занятиях М. М. Богословского. Такой выбор был продиктован моими прежними впечатлениями и вполне оправдан последующими занятиями. Р. Ю. Виппер, бесспорно, был самым выдающимся профессором историко-филологического факультета 1911—1916 гг.: он соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная и в то же время увлекающая форма изложения. Социологический метод и сочувствие передовым идеям приближали его в то время к учению марксизма. Курсы Р. Ю. Виппера по истории античного мира, новейшего времени, социальных идей, методологии исторической науки открывали перед нами широкие перспективы, возбуждали работу мысли, воспитывали навыки научно-исторического анализа.

Педагогический талант проф. М. М. Богословского сильнее всего проявлялся на семинарских занятиях. Прекрасный знаток древнерусских текстов, он умел всесторонне и тонко анализировать юридические нормы, привлекая богатую историческую литературу и подводя к важным социологическим выводам. Образцом таких за-

нятий мог служить просеминарий 1911/12 г. по Русской Правде. Первые месяцы М. М. Богословский сам читал и толковал нам тексты Краткой и Пространной Правд, раскрывая значение отдельных терминов и статей, сопоставляя имевшиеся комментарии и спорные точки зрения, датируя и обособляя друг от друга наслоения сохранившихся списков. В дальнейшем он предложил участникам просеминария представить собственные рефераты на выдвинутые им темы, которые охватывали важнейшие проблемы источника. Представленная студенческая работа поступала на рассмотрение желающих оппонентов, дававших развернутую критику ее содержания. Диспут велся под руководством профессора, но сам руководитель старался не вмешиваться в прения и не навязывать студентам собственного понимания текста. Мне и моему сокурснику С. А. Голубцову выпала задача критиковать реферат на тему «Учение Ланге об уголовном праве по Русской Правде»; мы противопоставили выводам автора свое понимание вопроса, исходя из сопоставления различных списков и из сравнения Русской Правды с аналогичными памятниками — древнегерманскими Правдами, Литовским статутом и т. д. Давая оценку нашим выступлениям, М. М. Богословский особенно предостерегал нас против подкупающей логической прямолинейности юридического мышления Ланге. Подводя итоги учебного года, М. М. Богословский выразил удовлетворение, что его просеминарий был «оркестром без дирижера».

Умение анализировать источник и широко использовать его для исторических выводов стояло в центре занятий и на дальнейших семинариях М. М. Богословского — по истории первой и второй четверти XIX в. Из числа предложенных тем я выбрал в первом случае тему

«Северное общество и конституция Никиты Муравьева», во втором — «П. Д. Киселев и его реформа 1837—1838 гг.» Я считал разработку семинарских тем главным предметом своих занятий и ограничивался в течение года подготовкой одного, в исключительных случаях — двух докладов, но я старался привлечь максимальное количество литературы и печатных источников, предваряя их чтением и осмыслением общей литературы по данному периоду. Анализируя конституцию Никиты Муравьева, я исходил из понимания идеологии французского Просвещения, в частности Монтескье и Руссо, с которыми я знакомился в подлиннике. Реформу Киселева я возводил к законодательству XVIII в., подчеркивая, в противовес господствующей оценке, консервативные тенденции мировоззрения и творчества этого деятеля. Конечно, невозможность использовать архивные документы очень ограничивала рамки моих первых исследовательских опытов, но все же работа над двумя темами по XIX веку увлекла меня, помогла овладеть большим печатным материалом и в известной мере подготовила мои последующие диссертационные исследования.

Задача всестороннего изучения источника была основной и на семинарии А. Н. Савина по истории Великой французской революции. Здесь я избрал тему «Комиссары Конвента при армиях» и разработал ее на основе многотомного документального собрания Олара. По философии и методологии истории я избрал греческого историка Фукидида: методология и приемы исследования его «Истории Пелопоннесской войны», особенно глубокое, содержательное введение этой книги, казались мне (не без влияния Р. Ю. Виппера) наиболее близкими к новейшим историческим взглядам.

Проходя курс историко-филологического факультета, я продолжал отдавать много времени урокам. По-прежнему я предпочитал историю и литературу, но содержание моих педагогических занятий несколько изменилось: наряду с обычным студенческим репетиторством, я руководил юношескими кружками по изучению русских писателей — Тургенева, Льва Толстого, Островского; при подготовке отдельных учеников к экзаменам немало времени падало на анализ произведений Шекспира и Шиллера, на освещение общих мировоззренческих вопросов. Передача другим накопленных исторических и литературных знаний помогала лучшему усвоению университетских курсов по древнерусской литературе и французскому романтизму XIX в. В свою очередь университетские занятия античным искусством на слепках Художественного музея под руководством проф. В. К. Мальмберга дополняло посещение художественных выставок и театральных спектаклей. Таким образом, изучение исторического процесса в лекциях, книгах и семинариях протекало в разных направлениях и в постоянной связи теории с практикой. Это помогало более широкому и прочному усвоению знаний, но имело свою отрицательную сторону: чтобы выполнить всю намеченную программу, я должен был вести замкнутый, «академический» образ жизни, отрываясь от старых товарищей и следя за политической жизнью только издали, сквозь призму легальной прессы.

Такая изоляция имела для меня вредные последствия. Представители моего поколения воспитывались в период относительно мирной международной обстановки, под сильным воздействием идей II Интернационала, с искренней верой в неминуемое торжество демократии и социализма. Пережитая русско-японская война рассмат-

ривалась как обособленное явление, как преступление царизма, без всякого понимания ее глубокой империалистической подосновы. Казалось, что впереди — прямой и ясный путь, намеченный ростом международного социалистического движения, и что угроза войны, обсуждаемая на международных пролетарских конгрессах, исчезнет благодаря солидарности и силе социалистических партий. Действительность нанесла сокрушающий удар этой наивной точке зрения. Летом 1914 г., когда я был на кондиции в деревне, вдали от Москвы, телеграф принес оглушающие известия: об убийстве Жореса, о начале мировой войны, о голосовании германских социал-демократов за военные кредиты, о фактическом распаде II Интернационала. В результате мучительных размышлений я занял ошибочную позицию, далекую от правильного социально-экономического понимания событий: с одной стороны, я понимал, что война неизбежно вызовет у нас революцию, которая покончит с самодержавием; с другой стороны, я считал, что при сложившейся обстановке необходимо защищать свою родину от германской агрессии. Мне были неясны империалистические истоки войны; тактические споры в рядах революционных партий доходили до меня в заглушенной форме; ленинские статьи против социал-шовинизма, опубликованные в зарубежной прессе, остались мне тогда неизвестными.

Весной 1916 г. была объявлена мобилизация ополченцев II разряда, к которым я принадлежал как единственный сын в семье. Как раз в это время я усиленно готовился к государственным экзаменам и работал над темой «Русская крестьянская община в освещении историографии». Так как у меня уже имелся диплом юридического факультета, я не мог получить отсрочки до завершения экзаменов. С мая 1916 г. я был зачислен в

военное училище, где прошел краткосрочный курс военных наук (впоследствии они оказали мне некоторую пользу при изучении военно-исторических вопросов). По окончании училища в чине прапорщика я был командирован в южный портово-заводский город Мариуполь и окунулся в непривычную и чуждую обстановку царской армии. Здесь после Февральской революции я был избран председателем полкового комитета и членом различных общественных организаций. В августе меня выбрали командующим военными отрядами против угрожавшего наступления корниловцев.

Я продолжал занимать революционно-оборонческую позицию и отстаивал ее в своих политических выступлениях. Но на моих глазах уже совершался процесс разложения старой армии и росло стремление рабочих и солдатских масс к реализации большевистских лозунгов. После Октябрьской революции в Мариуполе образовался руководящий политический орган в форме Объединенного комитета революционных организаций во главе с большевиками; я выполнял в нем функции заместителя председателя. Вскоре произошла украинизация местного запасного полка, я возвратился в Москву и после заключения военного перемирия был демобилизован по общему постановлению Советского правительства.

Закончив прерванные государственные экзамены, весной 1918 г. я принял предложение проф. М. М. Богословского остаться при Московском университете для подготовки к званию профессора. С этого момента начался новый этап в моей жизни и в процессе моего формирования как историка.

На историко-филологическом факультете сохранялись в это время старые правила подготовки к магистерским экзаменам, которые были неоходимым предварительным условием для защиты первой диссертации — на степень магистра исторических наук. Каждый оставленный при университете должен был представить на утверждение своего руководителя разработанную программу подготовки, состоявшую из 10 крупных вопросов по избранной специальности. Вопросы должны были равномерно охватывать весь ход исторического процесса; из них два были обязательными: 1) древнейшая летопись или Русская Правда, 2) Литовско-Русское государство; остальные самостоятельно избирались самим магистрантом. По каждому намеченному вопросу требовалось овладеть имеющейся литературой, т. е. усвоить развитие историографии темы и изучить относящиеся к ней основные источники. На подготовку отводилось 2—3 года при условии назначения обеспечивающей стипендии.

Я выработал программу, в которую входили следующие вопросы: 1) Лаврентьевская летопись; 2) Писцовые книги XV—XVI вв.; 3) «Смутное время» (так назывался в то время период Крестьянской войны и интервенции начала XVII в.); 4) Происхождение крепостного права; 5) Соборное уложение 1649 г.; 6) Литовско-Русское государство XVI—XVII вв.; 7) Экономическая политика Петра I; 8) Дворянство в Комиссии 1767 г.; 9) Восточный вопрос при Николае I; 10) Редакционные комиссии 1858—1860 гг. М. М. Богословский утвердил эту программу и предоставил мне полную свободу действий в организации занятий. Вопрос о назначении стипендии, в связи с финансовым положением университета и прогрессирующим ростом цен, остался открытым. Мне приходилось снова совмещать научную работу с поисками

заработка. К счастью, вскоре произошла централизация архивного дела, и я был принят на должность архивариуса в 3-е Московское отделение Первой секции Государственного архивного фонда (бывший Архив Министерства иностранных дел). Здесь я проводил ежедневно по 6 часов, впервые приобщаясь к работе над архивными документами: под руководством крупнейшего архивиста С. К. Богоявленского практиковался в чтении старинных рукописей, помогал М. М. Богословскому разбирать фонд Кабинета Петра I, по его же поручению сопоставлял «Юрнал» Петра I с дневником Гюйсена и т. д. В вечерние часы я с интересом штудировал сочинения о летописи — Татищева, Шлёцера, Срезневского, Бестужева-Рюмина и др. Одновременно я старался следить за сложным ходом политической жизни, посещая лекции, митинги и дискуссии. Ноябрьская революция в Германии, аннулирование Брестского мира и последовавшие зарубежные события, наряду с чтением ленинских работ 1917—1918 гг., выходивших отдельными изданиями, многое прояснили в моем представлении о международном и внутреннем положении.

К лету 1919 г. гражданская война вступила в новую, более опасную фазу. С юга началось наступление Деникина. Были объявлены новые мобилизации в Красную Армию, в том числе дополнительная, проведенная профсоюзными организациями. Я занимал в это время выборную должность председателя местного комитета и был тоже мобилизован по постановлению коллектива архива. Военный комиссариат г. Москвы назначил меня, как оставленного при университете, в Политико-просветительный отдел, где развертывалась в это время широкая массовая работа. Здесь я нашел своих старых товарищей по Саратовской и Московской организациям

РСДРП. После пробных лекций на темы «Карл Маркс» и «Рабочее движение в России» я занял место инструктора школьно-лекторской секции (параллельно функционировали секции — клубная, библиотечная, художественная, внешкольная). Мы охватывали своей работой все части городского гарнизона, а несколько позднее — Московской области; в Москве формировались полки из мобилизованных красноармейцев, направлявшиеся на фронт; в свою очередь, с фронта поступали многочисленные раненые, наполнявшие военные госпитали; в Москву присылались военные комиссары и политруки для проверки их знаний и повышения политической квалификации. Я совмещал в своем лице лектора и организатора лекционной работы: дневные часы проводил в Военном комиссариате, комплектуя секцию лекторами, распределяя их по аудиториям, сносясь с полковыми клубами, военными учреждениями, госпиталями; вечером проверял работу лекторов и сам читал лекции или выступал с комментариями перед спектаклями и киносеансами. Солдатская масса в это время была разнородной по своему составу, в большинстве состояла из крестьян, многие были малограмотными и нуждались в политическом просвещении. Но это не была равнодушная и пассивная масса: она была полна напряженных исканий, засыпала лекторов многочисленными вопросами о происхождении вселенной и человека, о существовании бога, о сущности социализма, о причинах и целесообразности гражданской войны. Наряду с лекторами-коммунистами, выступавшими с лекциями по текущему моменту, в секции было немало беспартийных лекторов, специалистов по естественным и гуманитарным наукам. Ежедневно мы устраивали до 100 лекций, нередко с диапозитивами, а иногда в сопровождении музыкальных иллюстраций.

Летом 1920 г. в составе Политпросветотдела было образовано агитационное отделение, и я был назначен его начальником; позднее, когда это место заняла старый член партии Л. А. Воскресенская, я как беспартийный стал ее заместителем.

В качестве лектора я сосредоточил основное внимание на темах по истории революционного движения: для меня, так же как для многих молодых интеллигентов, представлялось особенно важным осмыслить закономерность развертывавшихся событий, связать впечатления современности с предшествовавшими этапами революционной борьбы. Постепенно единичные лекции на отдельные темы сомкнулись в законченный лекционный цикл, который я систематически читал на военных курсах (в том числе политрукам) и в других, более подготовленных аудиториях. Углублению внутреннего содержания лекций, так же как успеху их организационной постановки, мне помогали жизненные впечатления 1919—1920 гг., особенно посещение заседаний II конгресса Коминтерна, где выступал В. И. Ленин, и дискуссии о профсоюзах, в ходе которой решались крупнейшие вопросы политики партии. Работа в Военном комиссариате стала для меня исходным пунктом всей последующей политико-просветительной работы. С точки зрения моего формирования как историка это был хороший корректив к академической программе магистерской подготовки, возобновление прежней связи между теорией и практикой.

В годы гражданской войны я вынужден был прервать начатое изучение летописи, но этот перерыв мне удалось восполнить в другом отношении: осенью 1920 г. я получил приглашение преподавать на гуманитарном факультете новообразованного Костромского государственного

университета. С разрешения начальника Политпросветотдела каждый месяц в особом «профессорском» вагоне я выезжал в Кострому и там читал курсы по русской истории XIX в. и по истории революционного движения, вел практические занятия по истории общественных идей в России (в 1919/20 г.) и по истории отмены крепостного права (в 1920/21 г.). Курсы и семинары требовали подготовки, на которую уходили немногие свободные часы, остававшиеся от московских внешкольных лекций. Конечно, первый опыт преподавания в высшей школе сыграл определенную роль в моем формировании как историка. Подготовка общего курса заставила продумать основные проблемы общеисторического процесса; ведение семинарских занятий помогло лучше овладеть литературой и источниками по избранным темам, в частности подробнее изучить условия и существо реформы 1861 г. Непосредственное соприкосновение с учащейся молодежью не только закрепляло приобретенные знания, но также обновляло и расширяло подход к исторической проблематике.

Не порывались мои связи и с научными кругами Москвы: я продолжал посещать заседания исторических обществ и временами обсуждал вопросы методологии истории в кружке близких товарищей, ранее оставленных при университете,— с С. А. Голубцовым, В. М. Лавровским. С. Д. Сказкиным.

С окончанием гражданской войны работники Политпросвета Военного комиссариата были переведены в аналогичное гражданское учреждение — Московский губполитпросвет. Поле нашей деятельности значительно расширилось, вобрав в себя новые — рабочие, крестьянские, молодежные и интеллигентские — аудитории. Расширилась тематика наших лекций и разнообразнее стали

методы наших выступлений. Мы читали в рабочих клубах московских и областных предприятий, на общеобразовательных курсах, в избах-читальнях, в пожарных командах, на праздничных массовках и т. д. Иногда лекции заменялись беседами в небольшой аудитории, иногда облекались в форму «литературных судов»; временами, опираясь на непосредственное восприятие окружающей обстановки, они почти незаметно переходили в экскурсии. Наряду с лекционными циклами по истории общественных формаций и истории социализма, мне приходилось выступать на юбилейные темы («Парижская Коммуна», «Некрасов», «Достоевский», «Данте»), откликаться на современные события (празднование 1 Мая, голод в Поволжье, Генуэзская конференция), связывать свое изложение с местными впечатлениями слушателей, выезжавших на экскурсии в Сокольники, на Бородинское поле, на Воробьевы горы, в бывшее имение крепостницы «Салтычихи». Приемы овладения аудиторией были подготовлены прежней агитационно-пропагандистской работой 1905—1906 гг., преподаванием на рабочих курсах в период реакции, выступлениями среди красноармейцев в годы гражданской войны. Постепенно накапливался и получил обобщение опыт лекционной работы, который лег в основу моего специального курса «Методика лекционного дела», прочитанного нескольким выпускам Высших политико-просветительных курсов в Москве.

С 1924 г. я увлекся экскурсионной работой, избрав своими темами частью историко-бытовые комплексы Подмосковья (Царицыно, Никольское-Урюпино, Коломенское, Марфино), частью — экспонаты новооткрытого Музея революции СССР. Помимо Губполитпросвета, я работал на Опытно-показательной базе Наркомпроса

и в Институте методов внешкольной работы. Меня особенно интересовала тематика историко-революционных экскурсий, которая давала возможность в доходчивой форме, на конкретном, зримом материале довести политико-просветительные знания до широчайших кругов населения. Методика историко-революционных экскурсий была еще не освоена и требовала специальной разработки; над этой задачей особенно успешно работали в Ленинграде историки А. А. Якубовский (впоследствии известный востоковед) и О. М. Левидова, в Москве — группа молодых сотрудников Института методов внешкольной работы З. П. Базилева, А. Б. Закс и др. Именно с этой московской группой мы составили историко-революционную карту Москвы и выпустили сначала путеводитель «По революционной Москве»[1], потом методический сборник «Октябрь в экскурсиях по Москве».

В 1926 г. я был приглашен директором Музея революции СССР старым большевиком С. И. Мицкевичем на должность ученого секретаря музея и передо мной открылось новое поле политико-просветительной работы; оно включало в себя не только ведение историко-революционных экскурсий, но также построение музейной экспозиции, научное описание музейного материала, охрану памятников революционного прошлого. И здесь все было ново и интересно, все было связано с современностью, росло и укреплялось в непосредственном соприкосновении с массами. В Музей революции устремлялись разнообразные потоки экскурсантов — рабочие, приезжие крестьяне, военные, учащиеся, иностранные туристы, желавшие увидеть и понять истоки, сущность и по-

---

[1] Список научных работ акад. Н. М. Дружинина см. в Приложении 2. *(Прим. ред.)*

следствия великих революционных событий 1917 г. Наряду с организованными массовыми группами, приходили самые различные индивидуальные посетители, начиная с Максима Горького, кончая Эдуардом Эррио. В залах музея все время звучала эмоциональная речь, оживали образы революционной борьбы, вырабатывалось более ясное представление о закономерных этапах исторического прошлого. В течение 8 лет моей работы в Музее революции коллектив сотрудников во главе с его руководством находился в процессе постоянных исканий, стараясь найти наиболее эффективные приемы подачи материала, установить наиболее глубокую связь экспозиции с современными политическими задачами. Мы одновременно боролись и с рутиной буржуазного музееведения, и с примитивным ненаучным подходом к подаче музейного материала. Нашей основной целью было заставить отобранные экспонаты говорить языком марксистско-ленинской методологии, не только заинтересовать и увлечь массового зрителя, но и воспитать его пробуждающееся сознание. Этому живому совместному труду очень помогали доклады старых революционеров, осмотры и критический анализ других музеев, обмен мнениями на столичных и периферийных конференциях, музейно-методические статьи, печатавшиеся в сборниках и журналах. Успеху общей работы способствовал постепенный выход Собраний сочинений Маркса, Энгельса и Ленина, которые не только читались, но и музейно осваивались всем коллективом. К началу 30-х годов был накоплен достаточный опыт, чтобы сделать его основой для подготовки квалифицированных музейных кадров. Так возникли и мои собственные музейно-методические статьи, а также курс методики историко-революционной экспозиции, который я читал студентам историко-фило-

софского факультета Московского университета и в 1929—1934 гг. аспирантам Музея революции СССР. Так же как чтение лекций и ведение экскурсий, музейная форма политико-просветительной работы требовала непрерывного расширения исторических знаний и их проверки путем практического соприкосновения с жизнью.

Параллельно, сейчас же по окончании гражданской войны, возобновилась моя подготовка к магистерским экзаменам. Правда, старый историко-филологический факультет был ликвидирован[2], а советская аспирантура еще не создана, но зато была образована целая сеть исследовательских институтов общественных наук, объединенных в Российскую ассоциацию научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН); видное место в ней занял Институт истории, возглавлявшийся крупным медиевистом академиком Д. М. Петрушевским. Осенью 1921 г., при конституировании Института истории, я был избран в число научных сотрудников II разряда наряду с Н. А. Баклановой, Б. Б. Кафенгаузом и другими, оставленными при университете. Сотрудники II разряда занимали в институте такое же положение, какое сейчас занимают аспиранты; они были обязаны готовиться к самостоятельной исследовательской работе по специальному кругу вопросов, время от времени читать собственные доклады, представлять устные отчеты о своих занятиях (равносильные экзаменам) и после выполнения утвержденной программы публично защитить диссертацию на избранную тему. Моя программа

---

[2] Взамен историко-филологического факультета был учрежден факультет общественных наук, уступивший потом место гуманитарному факультету, затем историко-философскому факультету и, наконец, самостоятельному Институту истории, философии и литературы.

в основном сохранила свое содержание, но с некоторыми коррективами, постепенно вносившимися Советом института: взамен вопросов о писцовых книгах, Литовско-Русском государстве и восточной политике Николая I были включены две темы по всеобщей истории (Комитет труда при Конституанте 1848 г. и Освобождение крестьян в Пруссии), а кроме того, марксистский минимум, охватывавший: 1) основные работы Маркса, Энгельса, Ленина, и 2) крупнейшие марксистские исследования по основным проблемам исторического процесса (история социализма, Великая французская революция и пр.). Взамен темы «Редакционные комиссии» был принят мой доклад, относившийся к теме «Журналистика накануне реформы 1861 г.»

Подготовке своей научной программы я отдавал все время, остававшееся от лекций, экскурсий и музейной работы (если не считать затраты труда на некоторые популярные издания и рецензии). Чтобы обеспечить себе возможность научных занятий, я отказался от поездок в Кострому и от предложенного места преподавателя во 2-м Государственном университете. Совет института, и в частности М. М. Богословский, предоставил мне полную свободу в организации занятий, в подборе источников и литературы, в направлении и подведении итогов изучения намеченных тем. Никаких обязательных консультаций в РАНИОН не существовало, а в неофициальных я не нуждался, предпочитая принцип самодеятельности системе опеки. Наряду с другими сотрудниками, я посещал научные заседания, иногда выступал в прениях, прочел 2 исследовательских доклада и сдал 4 устных экзамена — в 1923, 1924, 1928 гг. (некоторые из них охватывали по 3 темы). По каждому вопросу своей программы я старался прежде всего изучить исто-

риографию темы, чтобы ясно представить себе развитие научной мысли по данной проблематике.

Параллельно, а после чтения литературы — более сосредоточенно и глубоко, я старался вникнуть в печатные источники, относившиеся к изучаемой теме, затем на основании накопившихся конспектов и собственных замечаний составлял план своего устного отчетного доклада (по старой студенческой привычке я «репетировал» его вслух перед своим выступлением).

Следя за течениями исторической мысли, я понимал всю ограниченность и относительное значение дворянской и буржуазной историографии. Далеко не все казалось мне правильным и в построениях Н. А. Рожкова и М. Н. Покровского, составлявших тогда основу исторического образования в высшей школе. Тем не менее каждая выдающаяся работа давала мне нечто новое — или материалы для критики, или ценные факты и выводы, углубляющие понимание прошлого. Особенно много дало мне изучение летописи, социально-политической борьбы в конце XVI — начале XVII в. и споров вокруг вопроса о происхождении крепостного права. Меня увлекал метод разложения летописи на последовательные наслоения и критический анализ текста с целью раскрытия политических мотивов летописца и степени достоверности самого источника. С этой точки зрения меня многому научили исследования А. А. Шахматова, в частности его фундаментальные «Разыскания», являвшиеся в то время лучшим образцом источниковедческого исследования русского летописания. В меньшей степени, но в том же источниковедческом направлении многому меня научили монографии С. Ф. Платонова: несмотря на свою явную монархическую направленность и методологический эклектизм, они помогали самостоятельно освоить

сложные источники по истории «Смутного времени» и за пристрастными свидетельствами современников уловить сущность социально-политических коллизий давней эпохи. Не менее поучительно было усвоение научной борьбы по кардинальным вопросам истории крестьянства — о предпосылках, формах и последствиях его закрепощения; я видел, что все полнее и глубже, анализируя юридические акты, научная мысль сосредоточивалась на социальной стороне явления и начинала сближать процессы общественного развития России и Западной Европы.

В теме «Соборное уложение» меня больше всего интересовал «Уложенный бунт» 1648 г. и связь между этим событием и закрепостительными тенденциями законодательного кодекса XVII в. При изучении вопроса «Экономическая политика Петра I» я обратил наибольшее внимание на предпосылки и направление правительственного законодательства, в частности на практику петровского меркантилизма. Немало времени потребовало у меня изучение Уложенной комиссии 1767 г., ее дворянских наказов, междусословных столкновений и причин ее преждевременного роспуска.

Первым опытом моей исследовательской работы в РАНИОН была небольшая монография о «Журнале землевладельцев» 1858—1860 гг., сословно-дворянском органе, отразившем различные взгляды помещичьего класса на подготавливаемую отмену крепостного права. Прежде, чем написать эту работу, я изучил основные журналы, издававшиеся накануне реформы 1861 г. «Журнал землевладельцев» я рассматривал как помещичью трибуну, на которой высказывались разные точки зрения, но препреобладало течение, исходившее из либерально-манчестерской доктрины и стремившееся в интересах землевладельцев сократить крестьянские наделы, чтобы обес-

печить помещиков-предпринимателей рынком рабочей силы. Отдельные главы монографии весной 1923 г. были прочитаны мной на заседании Института истории, а через 3 года вся монография была напечатана в «Трудах Института истории РАНИОН».

Перечитывая сейчас эту раннюю работу, я ясно вижу ее серьезные недостатки: первопричину реформы она сводила к материальным интересам помещиков, элиминируя классовую борьбу крестьян, она не раскрывала глубокого противоречия между субъективными манчестерскими декларациями помещиков и объективным экономическим содержанием их платформы, сохранявшей феодальные пережитки; кроме того, монография страдала спокойно-академическим тоном, который вызвал позднее суровые упреки моих оппонентов.

Летом 1928 г. я прочел в секторе новой истории второй доклад на тему «Комитет труда при Конституанте 1848 г.» Эту тему, до того времени не освещенную в исторической литературе, я изучил на основании протоколов Комитета и разнообразных источников, хранившихся в Кабинете истории Франции Института Маркса — Энгельса. Мне удалось показать, что Комитет верно служил интересам контрреволюционной буржуазии и сыграл важную закулисную роль в подготовке роспуска Национальных мастерских и провоцировании июньского восстания парижского пролетариата.

Завершение намеченной экзаменационной программы ставило передо мной вопрос о выборе темы для будущей диссертации. Еще в начале своей подготовки я мечтал об исследовании Пугачевского восстания 1773—1775 гг., но эта тема была взята составителями и редакторами трехтомной публикации Центрархива «Пугачевщина». Вторая намеченная мной тема — «Московский

губернский комитет по крестьянскому делу 1858—1859 гг.» — стала предметом исследования В. И. Пичеты[3]. 100-летняя годовщина восстания декабристов подсказала мне в 1925 г. новую тему, которая и легла в основу моей первой диссертации. Со школьных лет я интересовался движением декабристов, позднее читал о нем лекции в различных аудиториях, писал о нем свою университетскую работу, а в 1924 г. по предложению Общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев представил популярную брошюру «Кто были декабристы и за что они боролись?», выдержавшую два издания. В 1925 г. в том же обществе оформился научный центр, сосредоточивший вокруг себя всех, кто занимался первым вооруженным восстанием против самодержавия,— секция по изучению движения декабристов, возглавляемая бывшими народовольцами В. Н. Фигнер и А. В. Якимовой. Вместе с Б. Е. Сыроечковским я был избран секретарем секции, вырабатывал программы юбилейных лекций и экскурсий, внимательно следил за выходящими литературой и источниками, выступал с докладами и сообщениями. От Б. Е. Сыроечковского я узнал, что в Центрархиве получены материалы Муравьевых и Бибиковых, оставленные в Ростове эмигрировавшими потомками декабристов (о составе этого фамильного фонда я слышал еще в 1915 г. от своего университетского товарища В. С. Бартенева, внука издателя «Русского архива»). Я знал, что в этом фонде сохранились многочисленные рукописи Никиты Муравьева, одного из основателей и руководителей тайного общества. Жизнь и деятель-

[3] В. И. Пичета успел осветить вопрос о выкупе крестьянских усадеб. Итоги моей собственной работы над материалами Московского комитета были изложены в 40-х годах в т. IV «Истории Москвы».

ность этого крупного декабриста оставались неизученными и представляли благодарный материал для исторического исследования. Так родился мой замысел — на конкретной основе биографического материала проследить основные этапы эволюции декабристских организаций. Выполнение этой задачи было облегчено моей прежней работой над Северным обществом и конституцией Никиты Муравьева: ясно представляя себе историю начала XIX в. и владея накопленной литературой, я окунулся в архивные документы, дополняя их выходящими печатными источниками. Начиная с осени 1926 г. я ежедневно проводил вечера в Центральном архиве Октябрьской революции, где разбирался в сочинениях и переписке Никиты Муравьева, или в специальном зале Ленинской библиотеки, где сопоставлял проект декабриста с конституционными актами европейских и американских государств. Исследуя эту тему, я стремился вдвинуть ее в рамки общих социальных и идейных процессов, достигнуть максимальной конкретности в изображении лиц и событий, уловить материальную основу и внутренние противоречия описываемых явлений.

Диссертация была закончена в апреле 1929 г. и публично защищена на заседании Научного совета Института истории в тот момент, когда по инициативе М. Н. Покровского было решено ликвидировать РАНИОН и передать ее функции Коммунистической академии.

К этому времени М. Н. Покровский и руководители Коммунистической академии пришли к выводу, что РАНИОН, где работали члены партии совместно с беспартийными учеными (в том числе представителями старой буржуазной профессуры), отжила свое время, а исследовательскую работу и подготовку профессуры следует передать Комакадемии. «Там, где мы можем,

мы должны создавать свои научные учреждения,— писал Покровский.— Знаменитая фраза Ленина, что мы должны уметь строить коммунизм руками некоммунистов, относится к тому времени, когда своих рук у нас не было. И великий диалектик первый обозвал бы нас дураками, если бы увидал, как мы, имея свои руки, держим их в карманах, предоставляя работать чужим»[4]. Не все ученые-коммунисты разделяли это мнение. Чтобы убедить всех несогласных, М. Н. Покровский поместил в «Правде» хлесткую статью «О научно-исследовательской работе историков», в которой обрушился на исследования трех беспартийных сотрудников — старшего, среднего и молодого возраста, в том числе С. Б. Веселовского (впоследствии академика) и пишущего эти строки. Критикуя мою статью «Журнал землевладельцев», Покровский приписал мне внеклассовую точку зрения на помещичью программу («просто «комплекс» добрых великоруссов») и сочувственную характеристику их классовых требований («...Дружинин комплексируется с помещиками, которые сознательно готовили в 1861 году систему земельного ростовщичества»). В моей статье не было ни того, ни другого: на протяжении всей статьи я прослеживал классовый характер позиции, занятой помещиками, заинтересованными в урезке крестьянского надела, и нигде не выражал сочувствия этой программе. Я не мог молча пройти мимо этих обвинений и тогда же, в марте 1929 г., написал спокойный по тону и обоснованный по содержанию ответ М. Н. Покровскому[5]. К сожалению, я не мог при создавшейся обстановке напечатать этот ответ

---

[4] Правда, 1929, 17 марта, № 63.

[5] Ответ Н. М. Дружинина М. Н. Покровскому см. в Приложении 1. (*Прим. ред.*)

и должен был ограничиться тем, что дал познакомиться с ним директору и некоторым сотрудникам Музея революции СССР, где я работал ученым секретарем. Перечитывая сейчас свои возражения, я не считаю свой ответ устаревшим, хотя заранее высказал мнение о недостатках своего исследования.

Жизнь показала, что прав был Ленин, но неправ М. Н. Покровский. Как раз в это время, на рубеже 1920—1930-х годов, Коммунистическая партия приступила к организованному переходу на дорогу социализма. Под лозунгами индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и культурной революции партия стремилась привлечь и воодушевить трудящиеся массы — партийных и беспартийных, к всенародной поддержке великой задачи перехода к более высокой ступени общественного развития. Без такой всенародной поддержки трудом, знаниями, искусством не могла быть решена поставленная очередная задача, так же как не могла быть одержана победа в Великой Отечественной войне под руководством партийного авангарда без участия всего народа.

В это время напряженной борьбы и я непосредственно участвовал в широко разветвленной агитации за выдвинутые лозунги, выступая с докладами и лекциями в Музее революции СССР и в разнообразных аудиториях Москвы. Директору Музея революции С. И. Мицкевичу, одному из ветеранов партии, были хорошо известны не только моя работа под его руководством, но и мое участие в революции 1905—1907 гг. и моя агитационная работа в Красной Армии в годы гражданской войны. И накануне и после защиты диссертации меня продолжали командировать на ответственные выступления, несмотря на резкий окрик Покровского.

После появления статьи М. Н. Покровского и предстоящего закрытия РАНИОН все сотрудники, подготовившие диссертации, за исключением А. И. Неусыхина (о древнегерманской общине) и меня (о декабристе Н. Муравьеве) уклонились от представления своих работ. Выступление М. Н. Покровского наложило определенный отпечаток на мой диспут, состоявшийся через два месяца — в мае 1929 г. Большинство моих оппонентов критиковало работу с методологических позиций М. Н. Покровского: они считали недостаточным социально-экономическое обоснование сделанных выводов, ставили под сомнение допустимость научного исследования воззрений и деятельности отдельной личности, усматривали в конкретных характеристиках склонность к «психологизму», а в сравнительном анализе конституционных актов — приверженность к теории «филиации идей» и т. д. Энергично оспаривался также основной тезис — о том, что социально-политическая платформа Н. Муравьева объективно выражала интересы крупной аграрной буржуазии. Спор продолжался в течение нескольких часов. Аудитория, заполнившая зал, разделилась пополам — на сторонников и противников диссертанта. В мою защиту коротко выступил С. И. Мицкевич, который не читал моей диссертации, но заверил присутствовавших, что я по убеждениям являюсь марксистом. После продолжительного диспута председательствовавший в Совете В. И. Невский, давший предварительно хороший отзыв, объявил диссертацию «защищенной, хотя и не марксистской». Перед ликвидацией РАНИОН мне было выдано свидетельство, что моя диссертация удовлетворительна и я могу заниматься исследовательской работой.

Учитывая некоторые замечания оппонентов, я внес в монографию ряд уточняющих дополнений, и в таком виде в 1933 г. она была выпущена в свет.

Так завершился продолжительный период моего формирования как историка. Начавшись накануне революции 1905 г., он закончился в советское время, под воздействием Октябрьской революции и ее многообразных политических и культурных последствий. Новые события огромного международного и внутреннего масштаба влияли на меня не только непосредственно, но и косвенно — благодаря практической политико-просветительной работе. Впечатления современности определили и выбор моих исследовательских тем, и усвоение историко-материалистического метода, и постановку намеченных проблем. и выработку общей концепции.

Подводя итоги своему научному прошлому, я считаю, что двигался в том же направлении, в каком развивалась вся советская наука,— в русле поисков и усвоения марксистско-ленинского метода, который давался историкам не так легко и просто, как об этом думают некоторые историографы. В процессе моего формирования как историка немалую роль играли постепенное накопление знаний с использованием старой литературы, овладение элементами экономических и правовых наук, расширение кругозора за рамки специально исследуемого периода, наконец, выработка технических навыков исследовательской работы и литературной речи. Однако основное руководящее значение имело овладение марксистско-ленинским методом, сопровождавшееся отдельными ошибками, но в результате приводившее к более глубокому и всестороннему проникновению в сокровенные тайны исторического прошлого.

В начале 30-х годов реализация приобретенных знаний и навыков беспартийными историками встречала много препятствий. Новый Институт истории, образованный при Комакадемии, был укомплектован преимущественно коммунистами, окончившими Институт красной профессуры; в их руках сосредоточилось также преподавание на исторических факультетах вузов. Обучение истории в средней школе было фактически сведено к минимуму и приобрело абстрактно-схематический характер. Некоторые сотрудники и выполнившие план аспиранты РАНИОН были вынуждены переключиться на историю техники, другие — на работу статистиков, третьи должны были вовсе оставить Москву.

В 1931 г. Московский университет был разбит на специальные институты и временно прекратил свое существование как единое и цельное учреждение.

Раньше, чем произошла эта неудавшаяся реформа, осенью 1929 г., я был зачислен сверхштатным ассистентом по кафедре музееведения историко-философского факультета университета, а с января 1931 г. был переведен на штатную должность доцента. В мои обязанности входило чтение курса музееведения, которое я проводил не только в аудиториях университета, но и в залах Музея революции СССР. С хорошим чувством я вспоминаю небольшую, но сплоченную группу студентов, которая посещала мои лекции и занятия, внося в свою работу живой интерес и самостоятельность мысли. Среди студентов особенно выделялся независимостью своих суждений известный ныне историк П. Г. Рындзюнский. К сожалению, моя работа прекратилась осенью 1932 г., когда новообразованный Историко-философский институт (преемник историко-философского факультета) ликвидировал музейно-краеведческое отделение. Еще рань-

ше, осенью 1930 г., оборвалась попытка профессора Е. А. Мороховца привлечь меня к преподаванию истории СССР студентам-заочникам историко-философского факультета.

Я продолжал оставаться сотрудником Музея революции и старался пристально следить за развитием исторической науки, посещая наиболее интересные заседания и знакомясь с выходящей литературой. Живой связью между Комакадемией и Музеем служил в это время заместитель директора старый большевик А. В. Шестаков, идейный и энергичный работник, полный широких замыслов и живо отзывавшийся на все происходившие дискуссии. В этот переходный период я принимал активное участие в разработке истории фабрик и заводов, изучая по документам и показаниям рабочих-революционеров историю механического завода Носенковых. К этому же времени относится моя совместная с Рогожско-Симоновским Истпартом работа над революционным прошлым района и консультации в Обществе политкаторжан, которое имело собственный Музей каторги и ссылки и образовало новый Историко-революционный театр. Большую исследовательскую работу удалось провести над важнейшими экспонатами домарксистского отдела, которым я заведовал в музее; итоги этого труда в форме карточек-описаний частью были опубликованы, частью переданы мной позднее в Институт музееведения. Я продолжал заниматься также историей декабристов, изучая по архивным материалам малоисследованные страницы революционной жизни начала XIX в.

Радикальный перелом на историческом фронте наступил в 1934 г., когда партия и правительство поставили перед учеными задачу преодолеть левацкие ошибки М. Н. Покровского, преобразовав преподавание истории на основе углубленного марксистско-ленинского изучения фактического материала. Ставка на коллективные поиски объективной научной истины соответствовала политической задаче — воспитания чувства советского патриотизма, усвоения лучших национальных традиций в борьбе с усиливающимся европейским фашизмом. В восстановленном Московском университете был образован исторический факультет, на который одинаково привлекались партийные и беспартийные историки, способные ответить поставленной задаче. Осенью 1934 г. я получил предложение работать на факультете в качестве профессора по кафедре истории СССР. Кафедру возглавляла А. М. Панкратова, окончившая Институт красной профессуры и зарекомендовавшая себя не только активным участием в гражданской войне, но и крупными монографиями по советскому периоду. Энергичная и беззаветно преданная идеям коммунизма, А. М. Панкратова обладала незаурядными организаторскими способностями и высоким моральным уровнем, привлекавшим к ней умы и сердца различных людей. Она глубоко прониклась очередными задачами исторического фронта, сумела создать на кафедре дружный сплоченный коллектив и придать широкий размах его работе. В составе кафедры, наряду с коммунистами (А. В. Шестаковым, С. М. Дубровским и др.), были и такие беспартийные специалисты, отличавшиеся знаниями и опытом, как С. В. Бахрушин, К. В. Базилевич, М. В. Нечкина, М. Н. Тихомиров и др.

С самого начала мы поставили своей целью не только вооружать молодую аудиторию фактическими знаниями,

но и воспитывать в ней навыки самостоятельного исследования, бороться против так называемого ползучего эмпиризма, поднимая юные умы до широких марксистско-ленинских обобщений. Именно поэтому, наряду с лекционными курсами, мы организовали самостоятельные занятия студентов в форме практикумов, а позднее — специальных тематических семинаров.

Реализация подобной задачи была в то далекое время нелегкой. Не только в студенческой массе, но и среди работников Наркомпроса существовал примитивно-школярский взгляд на преподавание в высших учебных заведениях: им казалось, что задача профессора — догматически внедрять в сознание студентов определенную сумму фактов и выводов, к практическим занятиям относились скептически; нам приходилось отстаивать свои взгляды и в личных беседах, и на страницах «Вестника высшей школы». В лучшем случае наши противники смотрели на практикумы как на простые репетитории: профессор спрашивает, студент отвечает услышанное и заученное. После некоторой борьбы наше мнение одержало победу: практикумы и семинары заняли видное место на историческом факультете МГУ; внимание студентов было направлено на самостоятельное изучение первоисточников, на приобретение способности извлекать, анализировать и обобщать сырой материал из экономических описаний, юридических актов, публицистических сочинений, воспоминаний современников и т. д. Под руководством профессора между студентами возникал живой обмен мнениями, а иногда горячие споры; руководитель занятий в заключительном слове подводил итоги, давая оценку докладам и высказанным мнениям студентов.

Для характеристики проводившихся занятий приведу

тематику своих вузовских практикумов и семинаров в 1934—1941 гг. Руководясь хронологической последовательностью, мы начинали изучением периода феодализма, тем более что источники этого времени были наиболее разработанными и давали богатый материал для техники исторического анализа. В 1934/35 учебном году студенты моего практикума работали над следующими темами: 1) Феодальные отношения Киевской Руси; 2) Феодализм в «удельной Руси»; 3) Феодальный город XII—XV вв.; 4) Происхождение и развитие самодержавия; 5) Развитие крепостного права на рубеже XVI—XVII вв.; 6) Крестьянская война начала XVII в.; 7) Феодально-крепостной строй XVII в.; 8) Петровские реформы; 9) Феодально-крепостная империя и ее национальная политика. Практические занятия следовали за чтением лекционных курсов, которые не только имели самостоятельное значение, но и служили общим введением к практикумам (курсы параллельно вели С. М. Дубровский и М. В. Нечкина).

В дальнейшем я специализировался на истории СССР XIX в. и объявлял практикумы и семинары на темы: Революционная ситуация 1859—1861 гг., Отмена крепостного права, Буржуазные реформы 1860—1870-х годов, Государственные крестьяне в XVIII—XIX вв.

Постепенно студенты втягивались в практические занятия, у них пробуждался интерес к собственному толкованию источников, и они привыкали не механически повторять воспринятые истины, а сами, на основе марксистско-ленинского метода, делать вывод из имеющихся данных. Таким образом достигалась основная задача подлинного образования: уменье творчески и правильно мыслить над историческими фактами, подготовляя себя к будущей практической деятельности.

Большим затруднением, стоявшим на пути нашего преподавания, было отсутствие подходящих пособий — вузовских учебников и документальных сборников по истории. «Краткая история» М. Н. Покровского явно устарела и не годилась для последовательного углубленного изучения исторического процесса; по некоторым вопросам исторической науки велись споры между советскими учеными; еще не было выработано стройной марксистско-ленинской концепции всего хода нашей истории. Нужно было коллективными усилиями подготовленных специалистов составить прежде всего хорошие учебники, насыщенные фактами и раскрывающие закономерную связь событий и отношений. Пока студенты не получили в руки таких учебников, лекционные курсы должны были служить единственной опорой для подготовки к экзаменам; поэтому лекции неизбежно переносили центр тяжести на определенную сумму фактического материала; оживляя изложение и заинтересовывая аудиторию, профессора вооружали ее основными знаниями и выводами, но не могли ввести ее в историографию затронутых вопросов, дать самостоятельный анализ источников, заставить думать над дискуссионными проблемами науки. Такая возможность более глубокого построения курсов явилась позже, когда совместными усилиями Института истории Академии наук и исторического факультета МГУ были составлены специальные учебники истории для вузов. Пока они не появились в печати, профессорам приходилось ограничивать масштабы своего изложения и равняться на начинающего студента, мало сведущего в истории.

Я считал необходимым руководиться при чтении курса XIX в. (который вел начиная с 1935/36 г.) следующими принципами: 1) лекции должны раскрыть закономерный

ход исторического процесса, его движущие силы, главное направление и основные этапы; 2) в соответствии с этой задачей каждая лекция должна заключать в себе строго отобранный фактический материал, систематизированный и скрепленный воедино с точки зрения главной руководящей мысли; 3) чтобы стать доступным восприятию аудитории, изложение лектора должно быть не только ясным и стройным, но и живым, изобразительным; с этой целью в содержание лекции должны вводиться драматическое повествование о событиях, характеристики отдельных личностей, цитаты из произведений современников, а иногда — наиболее яркие и меткие оценки, данные выдающимися историками; лекции об экономических процессах должны иллюстрироваться статистическими таблицами; лекции о внешней политике, в частности о военных действиях,— картами и схемами, а лекции по истории культуры — отрывками из художественных произведений и, если возможно, воспроизведением на экране выдающихся памятников архитектуры, скульптуры и живописи.

После 1940 г., когда появился подробный учебник по истории СССР XIX в. для высших учебных заведений, я старался перестроить прежние лекционные курсы, ввести обзор важнейшей проблематики, познакомить студентов с научными разногласиями среди историков и, развивая собственную аргументацию, подвести их к правильному решению спорных или малоосвещенных вопросов.

Чтение лекционных курсов, так же как у других профессоров, предварялось у меня увлекательной подготовительной работой. Не ограничиваясь ранее накопленными знаниями, я читал специальную литературу, привлекал источники, продумывал менее ясные вопросы,

составлял конспекты лекций. Я никогда не читал курсы «по тетрадке», заранее готовя лекционный текст, хотя подобный метод применялся даже таким замечательным преподавателем, каким был В. О. Ключевский. По-моему, ценность всякой лекции определяется тем, что она подается в форме живой устной речи, включая в себя учет реакции аудитории; вот почему тщательная подготовка к лекции не исключает изменений в расстановке акцентов, иногда — небольших отступлений, а порой — импровизированных дополнений, органически связанных с содержанием темы.

Программы лекционных курсов и практикумов предварительно рассматривались на заседаниях кафедры. Для ведения практических занятий кафедра организовала подбор документов, которые печатались в виде тематических сборников на мимеографе и раздавались студентам (современный ротапринт был тогда неизвестен). Для чтения лекций и проработки курсов студентами было начато черчение исторических карт, которые с большим знанием дела подготовлял И. А. Голубцов. Кроме того, кафедра составляла рекомендательные списки научной литературы — для самостоятельного чтения слушателей.

Наряду с работой среди студентов, кафедра истории СССР уделяла большое внимание подготовке аспирантов. Уже в первом году существования истфака было принято значительное количество начинающих историков для подготовки к будущему преподаванию в вузах, в том числе хорошо известные ныне специалисты С. С. Дмитриев, А. Л. Нарочницкий, А. Д. Эпштейн и др.; из них 10 человек были прикреплены к кафедре истории СССР и распределены между профессорами, руководившими их работой. Кафедра внимательно следила за подготовкой аспирантов, время от времени ста-

вила на своих заседаниях их доклады и поручала своим членам выступать на обсуждении в качестве официальных оппонентов. Такое подробное критическое обсуждение повышало ответственность аспирантов и приучало их к обстановке публичных диспутов. Помню, что мне приходилось выступать по докладам С. С. Дмитриева и Я. И. Линкова, при обсуждении интересных вопросов об Уложенной комиссии 1767 г., об экономических взглядах славянофилов, об исторических воззрениях Герцена.

Параллельно на кафедре велась научно-исследовательская работа. Она выливалась прежде всего в форму эпизодических научных выступлений: например, в 1939 г. на сессии, посвященной 50-летию со дня смерти Чернышевского, я читал доклад на тему «Чернышевский и проблема крестьянской революции». Велась также систематическая подготовка научных монографий. В 1934—1937 гг. каждые зимние и летние каникулы я уезжал в Ленинград, где собирал архивные документы для своей диссертации о государственных крестьянах; осенью 1937 г. я получил с этой целью годичную творческую командировку от университета. Время от времени на факультете устраивались публичные дискуссии по научным вопросам. Чем дальше, тем больше критики вызывали концепция М. Н. Покровского и его методы исторического исследования. Острый характер носила критика примитивной трактовки принятия христианства в Древней Руси. Оживленный обмен мнениями вызывали замечания Сталина, Кирова и Жданова на первоначальный проспект учебника истории для средней школы. Столетие со дня смерти Пушкина было отмечено докладами не одних литературоведов; я выступал перед студентами не только на факультете, но и в большом зале Консерватории с сообщением на тему «Пушкин и Николай I».

После издания Положения о степенях и званиях стали регулярно проводиться научные диспуты с защитой кандидатских и докторских диссертаций; мне не раз приходилось выступать на разных диспутах в качестве официального оппонента. Постепенно начали представлять свои диссертации и наши аспиранты, в частности работавшие под моим руководством Ф. И. Берелевич, С. Л. Эвенчик, И. Я. Фадеев, И. Б. Володарский и др.

Деятельность кафедры не ограничивалась рамками исторического факультета. Во второй половине 30-х годов интерес к исторической науке, особенно к истории нашей страны, был широко распространен и в кругах советской интеллигенции, и в среде рабочего класса, и в красноармейских казармах. На предприятиях и в учреждениях создавались исторические кружки, устраивались эпизодические лекции, ставились лекционные курсы.

В преддверии неминуемой войны история стала подлинным орудием гражданского воспитания народа. Члены кафедры активно участвовали в этом массовом движении, которое имело большое общественно-политическое значение. Мне поручалось выступать в самых разнообразных аудиториях: читать выездные лекционные курсы в Минске, на партийных курсах Белорусской КП(б), в Москве — учителям различных ведомственных школ, сотрудникам Комиссариата путей сообщения и пр.; на отдельные лекции меня командировали в военные лагеря, в клуб Аэрофлота, в Болшевскую коммуну и т. д.

На кафедре в 1934 г. были организованы очередные дежурные консультации — для собственных студентов и посторонних лиц, желавших получить ответы и указания по истории СССР. Особое внимание было обращено на подрастающее поколение школьников. Для них были организованы воскресные лекции на факультете, а позд-

нее — массовые конкурсы на исторические темы, которые должны были пробудить интерес к истории Родины и вызвать добровольную инициативу по подготовке исторических сочинений. Участники конкурсов получали специальные консультации, и лучшие из представленных работ награждались премиями и почетными отзывами. Сотни школьников стекались в актовый зал истфака, с увлечением выслушивали наши лекции и постановления жюри о намеченных наградах. Я с большим интересом участвовал в этих консультациях и обсуждениях: начинание кафедры открывало дверь в будущее, одушевляло интересом к истории подрастающую молодежь. Из среды участников наших конкурсов вышел впоследствии не один профессиональный историк.

В 1935 г. я был приглашен преподавать в Московском городском педагогическом институте, где тоже образовалась кафедра истории СССР. Здесь в течение четырех лет я читал лекционные курсы по истории XIX в., вел семинар по истории государственных крестьян, экзаменовал студентов и т. д. Обстановка в институте была проще, чем в университете, уровень развития студентов — несколько ниже, и наша работа не имела такого широкого размаха; зато, благодаря искусному руководству директора И. И. Вовси, чувствовались бóльшая дисциплинированность и дружеская атмосфера.

Я не скажу, чтобы наша работа в университете протекала в безоблачно-спокойной обстановке. Все тревожнее складывались и международное положение, и отношения внутри страны. Раздавив республиканское движение в Испании, фашизм начал наступление на государства средней Европы. Осенью 1939 г. разразилась вторая мировая война. Несмотря на пакт о ненападении с Германией, было ясно, что надо опасаться наступления гитле-

ровской армии на наши границы. Партия и правительство непрерывно призывали всех к бдительности. После убийства С. М. Кирова с исторического факультета выбыли некоторые преподаватели и члены деканата. В 1936 г., в условиях растущего «культа личности», факультет понес еще большие потери. Среди студентов и профессоров усиливались взаимное недоверие и подозрительность. После отстранения и вынужденного отъезда А. М. Панкратовой в Саратов ректорат предложил мне временно заведовать кафедрой и представлять факультет в Ученом совете университета. Весной 1937 г., одновременно с кампанией против теории и практики народничества, в печати появились обвинения против нашей кафедры в политических ошибках. Позднее эта волна недоверия несколько улеглась, и учебная работа вошла в более спокойное и нормальное русло.

Осенью 1938 г., по возвращении из годичной командировки, я получил приглашение поступить в Институт истории Академии наук, образованный в 1936 г. Так же как исторический факультет, он отражал в своей деятельности принятый курс партии и правительства на восстановление и развитие исторической науки. Институт включал в свой состав сотрудников института закрытой Комакадемии и приглашенных ученых, способных вести исследовательскую работу. Душой нового учреждения был академик Б. Д. Греков, крупнейший специалист по истории феодализма, создавший марксистскую концепцию истории Киевской Руси и выдающиеся труды по истории русского крестьянства. Именно Б. Д. Грекову принадлежит заслуга формирования кадров и ру-

ководства работой Института истории в течение 15 лет — вплоть до его болезни и смерти. Пользуясь большим авторитетом и любовью среди сотрудников, он дал направление исследовательской работе советских историков, первый выдвинул проекты многотомной истории СССР и других коллективных трудов, организовал подготовку молодых ученых, поощрял монографические исследования, способствовал устройству дискуссий по спорным вопросам, помогал интенсивному изданию архивных документов. Охваченный и сам чувством патриотизма, он делал все, что могло содействовать воспитанию этого чувства в широких кругах советского общества.

Моя основная работа в Институте истории в 1938—1940 гг. развивалась в трех главных направлениях: одновременно я был занят подготовкой многотомного труда «История СССР», второго тома учебника истории СССР для вузов и собственной монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Многотомник был центральным объектом наших годовых планов. Помимо авторской работы, посвященной внутренней политике Николая I и отчасти — массовому крестьянскому движению, мне было поручено предварительное редактирование всех глав по второй четверти XIX в. (главными редакторами тома были А. В. Шестаков и Е. А. Мороховец). Во время работы над томом у нас возникало немало спорных вопросов, которые обсуждались с привлечением научного актива: о сущности национально-колониальной политики царизма, о влиянии континентальной блокады на развитие русской промышленности, о классовой позиции Т. Н. Грановского и т. д. Том редактировался два года: после завершения первой редакционной правки и рецензирования мы работали еще год и в начале войны сдали его в Издательство Академии наук.

Параллельно шла вторая работа — составление вузовского учебника по истории СССР XIX в. Мы вели ее совместно с преподавателями университета под общим руководством М. В. Нечкиной: она привлекала авторов и консультантов, распределяла темы и искусно организовала процесс коллективного труда. Каждый автор к определенному сроку представлял текст порученной ему главы, который раздавался участникам небольшой руководящей группы авторов. Члены этого выделенного коллектива представляли на главу письменные рецензии; через некоторый промежуток времени текст главы подробно обсуждался на заседании группы, затем поступал на исправление автору и уже в готовом виде возвращался М. В. Нечкиной как редактору тома. Подготовка учебника шла более быстрыми темпами и обгоняла работу над многотомником. Именно здесь нами вырабатывалась марксистско-ленинская концепция истории СССР XIX в., охватывавшая не только жизнь русского народа и общие линии процесса, но и важнейшие явления по истории ведущих республик Советского Союза. В живом обмене мнениями тут пересматривались прежние точки зрения, преодолевались вульгарно-социологические взгляды М. Н. Покровского и разрешались спорные вопросы исторического процесса. Конечно, при обработке текста учитывалось содержание ранее вышедшего первого тома, отредактированного другой коллегией во главе с Б. Д. Грековым. В 1940 г. второй том вышел из печати и стал основным пособием для студентов до 1959 г. За это время он выдержал три издания.

В периоды отпусков я продолжал ездить в Ленинград, изучать документы, относящиеся к истории государственных крестьян. Моя монография была включена в план института; в начале 1940 г. я представил ее подробный

проспект, который был принят сектором истории XIX в., возглавляемым тогда А. Л. Сидоровым. После завершения моей авторской работы над учебником и многотомником литературное оформление монографии пошло быстрее, и в середине 1941 г. я мог сдать в институт первые законченные главы.

Конечно, эти основные задания были не единственными; они обрастали множеством второстепенных функций — рецензиями на поступающие работы, проверкой знаний аспирантов, выступлениями на диспутах и т. д. В общем в институте царила дружеская атмосфера; единство методологических взглядов сближало сотрудников в прочный трудовой коллектив. Только время от времени возникали серьезные разногласия в понимании и оценке событий; тогда разгорались публичные споры и порой выносились осуждающие оценки. Уже в первые годы существования института группа историков неудачно пыталась опровергнуть концепцию Б. Д. Грекова о феодальном характере Киевской Руси. В 1940 г. большинство историков резко противопоставляло Отечественную войну 1812 г. заграничному походу 1813 г., считая его «реакционным» и не умея диалектически отделить мотивы и стремления правительства от переживаний передового дворянства. В 1941 г. против пишущего эти строки была начата энергичная кампания за его оценку севастопольской обороны 1854—1855 гг. как прогрессивного исторического явления. Такому же резкому осуждению была подвергнута правильная мысль М. В. Нечкиной о длительной хозяйственной и политической отсталости царской России.

Следует признать, что спокойному и обоснованному выяснению истины очень мешали в то время привычки к догматизму и так называемой цитатологии; оппоненты,

желавшие сокрушить своих противников как «антимарксистов», извлекали из сочинений Маркса, Энгельса, Ленина отдельные высказывания и, толкуя их односторонне, приписывали оспариваемым взглядам одиозный характер. Иногда эти приемы принимали форму политических «проработок» и мешали свободному развитию научной мысли. Это была пережиточная форма вульгарного марксизма, типичная для ранней стадии применения марксистско-ленинской методологии.

Работая над своей монографией, 22 июня 1941 г. я услышал передаваемую по радио речь В. М. Молотова о внезапном нападении фашистских войск на наши границы. Начался памятный военный период 1941—1945 гг., который в корне изменил наши настроения, наш быт и направление нашей научной работы. Я никогда не забуду первых, наиболее тревожных месяцев военных действий. Мы все были охвачены взрывом самого горячего патриотизма, с напряженным вниманием ловили вести с фронта, стремились подчинить все свои мысли и действия главной задаче — защите Родины. Почти весь состав V курса истфака, державший в это время государственные экзамены,—и мужчины и женщины — ушли на фронт. Уже в первые дни началось формирование московского ополчения, куда я не был принят по возрасту. Оставалось работать в тылу, помогая армии в обороне от непрерывно наступающего врага.

Почти ежедневно в затемненном городе с замаскированными зданиями объявлялась воздушная тревога; наскоро создавались бомбоубежища и проверялась готовность домов к противовоздушной обороне. Мы все

засели за брошюры о методах противовоздушной и химической обороны и через некоторое время сдали экзамен по утвержденной программе. Через месяц начались фашистские налеты на Москву. Уже в первую ночь, когда немцы забросали город зажигательными бомбами, вспыхнул пожар в здании Института истории, и мы должны были перебраться с уцелевшей частью имущества в одно из покинутых зданий Академии. Через каждые четыре-пять дней меня, так же как и других, назначали на ночные дежурства в институт или на истфак. Я исполнял обязанности заместителя начальника звена по охране порядка в Институте истории; с группой товарищей мы занимали определенные посты, следили за всем происходящим и поддерживали между собой внутреннюю связь во время ночных налетов немецкой авиации.

Некоторые сотрудники Института истории получили задания работать над антифашистскими популярными брошюрами; в частности, мне была дана тема «Фашисты о славянстве». Предварительно я познакомился с «Mein Kampf» Гитлера и программной книгой Розенберга, изучил материалы Антропологического музея и оживил свои знания о древнеславянских государствах. Брошюра писалась быстро, иногда под грохот разрывающихся бомб и зенитных орудий. С некоторыми поправками брошюра была принята в издательство, но затерялась в условиях массовой октябрьской эвакуации. По окончании первой работы мне было предложено разработать тему о панславизме в связи с оживлением вопроса о славянстве и его роли в разгорающейся войне. Я начал изучение источников и литературы вперемежку с дежурствами, военными занятиями группы самозащиты и чтением военных сводок. К тяжелым известиям о

нашем отступлении и о блокаде Ленинграда присоединилась скорбная весть о смерти благороднейшего и опытного историка Е. А. Мороховца; на заседании коллектива института мы с М. В. Нечкиной посвятили ему научные доклады в самый канун наступления немцев на нашу столицу. Такое же тяжелое чувство вызвало во мне известие о безвременной гибели моего ученика молодого одаренного ученого И. В. Мешалина: он умер за письменным столом в Ленинградском отделении Института истории через несколько дней после защиты своей диссертации, обессиленный непривычной напряженной работой на военном заводе.

В первой половине октября положение Москвы стало опасным, и правительство решило эвакуировать институт и университет в восточные районы. Академики и члены-корреспонденты еще раньше были направлены частью в Казань, частью в алтайский санаторий «Боровое». Некоторые из университетских преподавателей и сотрудников института выехали в Ташкент, другие в тревожный день 16 октября покинули Москву — кто в грузовых машинах, а кто и пешком. Более молодые и здоровые партийцы — в том числе историки А. Л. Сидоров и С. П. Толстов — вступили в Коммунистический батальон, который несколько месяцев вместе с армией оборонял подступы к столице. 21 октября наша институтская группа во главе с Ф. В. Потемкиным погрузилась в огромный эшелон, направлявшийся в Среднюю Азию. Дорога была медленной и трудной: рельсовые пути были загружены железнодорожными составами с эвакуированными и промышленным оборудованием; наш поезд во избежание скученности и вспышек эпидемий останавливался вдали от станций; мы ехали в теплушках в большой тесноте, нуждаясь в продовольствии,

топливе и воде. Только через месяц, после разных перипетий, мы достигли столицы Казахстана живописной Алма-Аты. Здесь мы нашли А. М. Панкратову и некоторых товарищей, ранее оставивших Москву. Республиканские власти разместили нас временно в помещении Филиала союзной Академии и после некоторых колебаний оставили всех в Алма-Ате (город в это время был до крайности переполнен приезжими). Вскоре вместе с другими учеными мы были прикреплены к правительственной столовой, а в городской библиотеке был создан научный зал, где можно было удобно и продуктивно заниматься.

Сейчас же по приезде мы приступили к научной работе. В этот ответственный момент всем было ясно, что не только сражающейся армии, но и работникам тыла надо опереться на вдохновляющие героические традиции нашего народа. Лекции о критических периодах в истории родины, о массовом подъеме и самопожертвовании ее защитников, о выдающихся полководцах, о прошлой борьбе и победах приобретали особенное значение в развертывающейся войне. Наш коллектив, состоявший из 10 человек, прежде всего приступил к составлению методического пособия для учителей под общим заглавием «Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны». Эта книжка заключала в себе ряд популярных очерков — в том числе мои главы о польско-шведской интервенции начала XVII в., о Суворове, о великих русских просветителях и т. д. Одновременно началось чтение популярных лекций в различных аудиториях — военных и гражданских. Каждые пять-шесть дней я ездил в горы, где была расположена авиаэскадрилья, в Военно-пехотное училище, в формирующиеся военные части, в госпитали и т. д. Вскоре я был приглашен кон-

сультантом в Казахский театр оперы и балета, где готовилась постановка «Ивана Сусанина» Глинки: я читал лекции участникам спектакля, присутствовал на репетициях, давал советы художественному руководителю и артистам. Но, по нашему мнению,— его особенно последовательно проводила А. М. Панкратова — нужно было освещать героическое прошлое не только русского, но и казахского народа, среди которого мы жили и с которым дружно работали. Вот почему мы энергично поддерживали намерение молодых казахских историков подготовить коллективный труд по истории Казахстана. Была образована авторская группа, обсуждены программа и методы построения книги, распределены между участниками отдельные главы, и началась систематическая работа под руководством избранной редакционной коллегии. Мне было поручено написать главу о присоединении восточного Казахстана и о казахских восстаниях 1850-х годов. Работа была интересная и новая; я использовал при этом не только литературу и печатные источники, но и рукописные документы, сохранившиеся в огромном количестве в республиканском архиве.

Изучение истории Казахстана переплеталось с живыми впечатлениями от местного населения, его национального характера, особенностей его быта и внутренней жизни. В этом близком соприкосновении с восточным, еще недавно кочевым народом, вышедшим на широкую дорогу хозяйственного и культурного подъема, большое значение имело знакомство с казахской литературой и искусством. Поэзия Абая, постановки первых казахских опер, песни акынов особенно помогли уловить национальные черты, которые я наблюдал в общении с учеными и рядовыми жителями Алма-Аты: смелую инициативу, боевой темперамент, дух независимости. Необычайно

трогала страстная любовь казахов к своей родине, интерес к ее историческому прошлому, так же как настойчивая борьба за ее лучшее будущее.

Интересные впечатления от людей сливались с ощущением величия и необычайного богатства природы. Один из ленинградских ученых, перенесший мучительные месяцы блокады, так передавал мне свои первые впечатления в Алма-Ате: «Когда я вышел из вагона и увидел перед собой безоблачное синее небо, снежные вершины Алатау, роскошную зелень, в которой утопал город, я почувствовал себя воскресшим из мертвых».

Наша оборонная работа в Алма-Ате, длившаяся полтора года, шла в ранее определившемся направлении: менялись ее этапы и масштабы, но формы и внутреннее существо оставались одинаковыми. Помимо военных аудиторий я читал лекции в школах и учреждениях, в Парке культуры и отдыха, на собраниях городского партактива.

В 1942 г. меня пригласили вместе с правоведом С. В. Юшковым преподавать историю на курсах партийных работников при ЦК КПК. Летом того же года я провел консультацию в Театре оперы и балета при постановке оперы Василенко «Суворов». Эйзенштейн, руководивший режиссерским факультетом эвакуированного Киноинститута, предложил мне прочесть студентам несколько лекций и дать консультации при учебной экранизации «Войны и мира» Л. Н. Толстого. В связи с подготовкой «Истории Казахской ССР» А. П. Кучкин, который возглавлял нашу группу, привлек меня к редактированию и обсуждению представленного текста.

Параллельно возобновилась моя работа над монографией о государственных крестьянах. Чемодан с моими архивными выписками уцелел во время московского

пожара института, благополучно выдержал трудный переезд в Алма-Ату, и весной 1942 г. я мог приступить к литературному оформлению следующих глав первого тома. На заседаниях нашей группы мне удалось поделиться с товарищами содержанием некоторых разделов, а затем учесть высказанные критические замечания. Конечно, в материальном отношении жить было трудно, но работалось легко, и впереди рисовался счастливый исход вооруженной борьбы.

После начавшегося отступления гитлеровской армии встал вопрос о нашей реэвакуации. В июне 1943 г. мы выехали в Москву, увозя с собой отпечатанный том «Истории Казахской ССР», благодарность начальника гарнизона за военно-шефскую работу и дружеские связи с казахскими товарищами. В моем чемодане лежал почти законченный том монографии, который Б. Д. Греков убедил меня защищать как докторскую диссертацию. Москва встретила нас еще в военном обрамлении зенитных батарей и аэростатов, город был полупустым, но кругом царило настроение бодрости и подъема; все чувствовали перелом в ходе войны и верили в неизбежную и близкую победу. Но впереди еще были большое напряжение сил и трудные житейские испытания. Оборонная работа не прекращалась и в Москве. Я читал лекции в военных клубах, на курсах фронтовой печати, в военно-политических школах, в парткабинетах райкомов, некоторое время работал лектором в Высшей партийной школе.

С другой стороны, Институт истории, снова собравший рассеянные силы своих сотрудников, начал коллективные труды, посвященные истории русского военного искусства и русского военного флота; продолжалась начатая еще в Ташкенте работа над «Историей русской куль-

туры». Я участвовал во всех этих начинаниях как автор и частично как редактор. Возобновилась также деятельность университета, где я продолжал читать лекционные курсы и вести спецсеминары. Немало времени занимало рецензирование военных книг и статей.

Летом 1944 г. состоялся мой докторский диспут, на котором официальные оппоненты Б. Д. Греков, П. И. Лященко и В. И. Пичета дали благожелательные отзывы о моем исследовании. Работы было много, но победы нашей армии умножали силы и вызывали прилив энергии. Взятие Берлина, капитуляция Германии и долгожданный мир были наградой за неисчислимые жертвы Красной Армии и тяжелую, напряженную работу советского тыла.

Война закончилась, но она оставила после себя разрушенные села и города, расстроенное хозяйство, сотни тысяч инвалидов, вдов и осиротевших детей. С тяжелым чувством осенью 1945 г. я проезжал по железной дороге между Москвой и Северным Кавказом. Трупы были похоронены, но по обе стороны пути еще виднелись развалины станционных зданий и сожженных селений, бесчисленные остовы брошенных паровозов и вагонов. Война с фашистской Германией завершилась, но началась, по почину наших бывших союзников, новая — «холодная» война, готовая перейти в активное наступление. И тем не менее всюду чувствовался подъем, везде кипела работа, восстанавливались города и села, возвращались и приступали к нормальной жизни демобилизованные участники военных сражений.

Оживилась и наша научная работа. Мирный период начался торжеством советских ученых: в июне 1945 г. было организовано празднование 220-летия Академии наук, на которое съехались советские и зарубежные гости. Институт истории принял большую партию новых аспирантов, в значительной части командированных из братских республик. Расширились кадры научных сотрудников. Был образован новый сектор — по истории СССР XIX — начала XX в. Значительно усилилась работа по истории советского периода. В системе Академии появились новые институты — Востоковедения, Славяноведения, Истории естествознания и техники. Взамен прежнего скромного «Исторического журнала» был создан новый солидный орган — «Вопросы истории». В 1946 г. возникла Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) для подготовки исследователей из числа партийных работников. Были обновлены и переизданы прежние учебники. В годовые планы Института истории и исторических факультетов были внесены новые коллективные и монографические труды, которые подготовлялись совместными усилиями старых историков и представителей нового молодого поколения.

Изменилось и мое личное положение в Институте истории. После утверждения в степени доктора я был назначен заведующим сектором истории СССР XIX — начала XX в. На мне лежала обязанность планировать научную работу сотрудников, руководить реализацией их планов, председательствовать на очередных заседаниях, поддерживать тесные научные связи с другими учреждениями. Я стремился сделать сектор центром исследований по периоду капитализма, привлекая на его заседания историков, не состоявших в Академии. Главное внимание сотрудников я старался направить на ме-

нее изученные темы — социально-экономические, по внешней и внутренней политике, по истории культуры. Время от времени мне приходилось делать на заседаниях сектора руководящие доклады — в соответствии с инструкциями дирекции и Отделения истории и философии.

В течение $5^1/_2$ лет моего заведования сектор успел сложиться в дружный коллектив из научных сотрудников различного профиля; он посещался историками университета и педагогических институтов, поддерживал внешние связи, давая немало рецензий и консультаций тем, кто обращался к его помощи. Заседания сектора проходили достаточно оживленно; на них обсуждались не только работы сотрудников, но и доклады посторонних историков.

Центральным пунктом нашего плана в продолжение ряда лет была подготовка коллективного труда — III, IV и V томов «Истории Москвы». Это многотомное издание было задумано во время войны в связи с предстоящим восьмисотлетием нашей славной столицы. Уже тогда была разработана программа нескольких томов, распределены темы между сотрудниками, положено начало авторской работе. Задуманному труду был придан исследовательский характер: авторы поднимали новый архивный и печатный материал; каждая глава обсуждалась коллективно; тексты редактировались наиболее подготовленными сотрудниками. Осенью 1947 г., в дни юбилея, мы читали свои законченные главы в виде публичных докладов. В течение 1945—1946 гг. была завершена работа над соответствующим разделом другого коллективного труда «История русской культуры». В 1947 г. был заново пересмотрен и отредактирован VI том многотомника «История СССР», посвященный

первой половине XIX в. М. В. Нечкиной с участием группы авторов было подготовлено второе издание вузовского учебника. Немало прений вызвала работа над вторым изданием «Истории Казахской ССР». Рецензенты первого издания нашли, что мы недостаточно показали внутренние связи казахского народа с русским и допустили идеализацию феодальных восстаний против колониальной политики. Спорные вопросы по этим темам обсуждались с участием историков Казахстана. Мы сами дважды ездили в Алма-Ату (второй раз в 1946 г. — в связи с торжественным открытием Казахской Академии наук). Много внимания уделялось также исследовательским докладам докторантов и аспирантов. Делались первые шаги по пути обсуждения зарубежной литературы, касавшейся интересующего нас периода. В течение 1945—1950 гг. были подготовлены крупные монографии М. В. Нечкиной, А. С. Нифонтовым, М. К. Рожковой, К. В. Сивковым, В. К. Яцунским и др.

Движение исторической мысли сопровождалось организацией широких публичных дискуссий. Наиболее оживленной, вызвавшей не только устные доклады, но и журнальные статьи, была дискуссия о периодизации исторического процесса в России. Острый характер носили дискуссии о классовом характере и степени прогрессивности антиколониальных движений Шамиля и Кенесары Касымова. Когда я перестал заведовать сектором, мы немало спорили по вопросу о времени и характере формирования русской нации. Были и другие вопросы истории XIX — начала XX в., которые в послевоенный период 1945—1953 гг. вызывали в нашей среде живое столкновение мнений. Параллельно ожила археографическая работа. Особенно следует отметить предпринятую в эти годы совместными усилиями Института

истории и Главного архивного управления многотомную публикацию документов «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века». Во всех научных начинаниях сектора я выступал обычно как соавтор и редактор.

После назначения заведующим сектором я был введен в состав редакционной коллегии нового журнала «Вопросы истории». Ответственными руководителями этого издания были сначала академик В. П. Волгин, затем известный славист П. Н. Третьяков и, наконец, А. М. Панкратова. Широкий кругозор и организационный опыт этих ученых способствовали энергичной и дружной работе созданного коллектива. В портфель редакции стекались многочисленные статьи московских, ленинградских и периферийных авторов. Статьи распределялись между членами редколлегии, которые представляли на них предварительные отзывы. Каждый из нас был обязан еженедельно дежурить в помещении редакции, беседовать, если нужно, с авторами и в отдельных случаях редактировать принятые статьи по своей специальности. Раз в месяц члены редколлегии сходились для обсуждения подготовленной верстки очередного номера. Иногда приходилось участвовать в подготовке передовых руководящих статей или подводить итоги проведенным дискуссиям. На заседаниях редколлегии бывали принципиальные споры и расхождения в оценках обсуждаемых статей, но это не нарушало хорошей товарищеской обстановки, поддерживаемой руководителями журнала.

Такая же здоровая трудовая атмосфера установилась на кафедре истории СССР Академии общественных наук, куда я был приглашен наряду с Е. Н. Городецким, И. И. Минцем, М. В. Нечкиной, А. М. Панкратовой и другими историками. Здесь велись сосредоточенные за-

нятия с соискателями ученой степени, обыкновенно сложившимися людьми, имевшими значительный жизненный опыт и стаж партийной работы. Состав аспирантов не был здесь однородным,— некоторые товарищи прошли большую предварительную подготовку (например, В. Я. Зевин, автор хорошей диссертации о взглядах Чернышевского), были менее знающие и опытные историки, но у большинства аспирантов 1946—1948 гг., которых я знал, преобладали интерес к науке и уменье сосредоточенно работать.

Моя деятельность в послевоенные годы не исчерпывалась университетом и перечисленными учреждениями. В 1946 г. вышел первый том моей монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», а в конце года я был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. Через несколько месяцев моя книга получила Государственную премию, и вскоре я был назначен членом Бюро Отделения истории и философии (впоследствии преобразованного в Отделение исторических наук, а еще позднее — в Отделение истории). Кроме того, я состоял членом Ученых советов различных исторических учреждений. Работа в этих органах, особенно в Бюро Отделения, вводила меня в круг широких научно-организационных вопросов, помогала лучше уловить пульс исследовательской мысли, сближала с руководителями и сотрудниками других академических институтов. Бюро Отделения распределяло между своими членами вспомогательные функции — проверку годовых планов и их выполнения, разработку в комиссиях возникавших вопросов, иногда командировки и выступления с публичными докладами. Все это было интересно и важно, но имело свою отрицательную сторону: перегрузка различными заданиями замедляла творческую исследова-

тельскую работу и отражалась на состоянии здоровья. В 1948 г. по совету врачей я был вынужден просить об освобождении меня от совместительства в разных учреждениях. Не без грусти я прекратил преподавание истории и сосредоточил свои силы на главной работе — в Академии наук СССР. Получив творческую командировку в ленинградские архивы, я вернулся к своему исследованию о государственных крестьянах. Тем не менее диспропорция между основной исследовательской и второстепенной организационной работой оставалась и позже. Составляя свой годовой отчет за 1953 г., я подсчитал, что одни заседания заняли у меня 380 часов, т. е. в общей сложности более 47 восьмичасовых рабочих дней, $^{1}/_{5}$ всего годового рабочего времени. Некоторые из моих научных коллег отдавали организационной деятельности еще больше времени.

С приятным чувством я вспоминаю нашу шефскую работу, которая падает на послевоенные годы. Ее центром был детский дом в с. Нудоль Новопетровского района, где разместились сироты, родители которых погибли во время войны. Работой энергично руководил наш товарищ М. В. Попов; я отдал на улучшение этого детского дома свою премию, многие сотрудники внесли дополнительные пожертвования, и за короткое время нам удалось расширить помещения, организовать мастерские, улучшить хозяйство — внести в жизнь коллектива больше заботы. Дети отвечали на наши усилия сердечным откликом, и каждое из наших посещений превращалось в праздник. Тем, кто не участвовал непосредственно в боевых операциях, эта коллективная помощь трагически пострадавшим от фашистского нашествия доставляла глубокое моральное удовлетворение.

В период 1945—1953 гг. научное оживление наблюдалось во всех секторах Института истории,— достаточно вспомнить многотомные «Очерки истории СССР. Период феодализма», крупные монографии М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, А. С. Ерусалимского, А. З. Манфреда, Б. Ф. Поршнева, А. Л. Нарочницкого и др., развертывание работы по подготовке «Всемирной истории», монографическое исследование проблем по истории советского периода. К сожалению, подъему творческой мысли историков мешали отрицательные явления, связанные с господствовавшим тогда «культом личности». Рост национального чувства, порожденный войной и победой над фашизмом, принял у многих преувеличенные формы, трудно совместимые с идеями интернационализма; крупная роль, сыгранная во время войны русским народом, толкнула некоторых на позицию национальной исключительности. Была развернута так называемая борьба с космополитизмом, которая доводила иных товарищей до отрицания культурного взаимодействия России с другими европейскими странами. Чрезмерно идеализировались деятели царской России, например дипломат Горчаков. Под флагом борьбы с буржуазным национализмом началось гонение против некоторых историков братских республик, сопровождавшееся необоснованными репрессиями. С другой стороны, историкам догматически навязывались положения, не подкрепленные фактами и даже противоречившие им (такова была пресловутая «теория» о намеренном поджоге Москвы Наполеоном в 1812 г.). Чем дальше, тем больше усиливались нападки на Институт истории и журнал «Вопросы истории» за то, что они плохо справляются со своими задачами. Такое «администрирование в науке» имело место не только в исторической науке, но и в других дисцип-

линах, например в области биологии. Среди ученых, редакторов и руководителей учреждений появились опасения за свои действия, стремление к «перестраховкам», отказ от самостоятельных решений и активных действий. Коллективные исторические труды, потребовавшие столько энергии и денежных средств,— «История русского военного искусства», «История русского военного флота», «История русской культуры», подготовленные тома «Истории СССР» и др.— так и не увидели света. Однако все эти отрицательные явления не могли остановить развития советской культуры и были позднее осуждены, наряду с породившим их антимарксистским «культом личности».

Избрание меня действительным членом Академии наук СССР осенью 1953 г. совпало с началом нового этапа в развитии советской исторической науки. Критика отрицательных сторон «культа личности» имела самое положительное влияние на деятельность историков: расширилась тематика научных исследований, сделались доступными новые важные источники и, главное, сложились более благоприятные условия для самостоятельного творческого процесса работы. Постановления XX и XXII партийных съездов создали новую обстановку, которая помогла изживанию прежних недостатков — догматизма, начетничества, предвзятого отношения к изучаемым событиям и деятелям прошлого. Были критически пересмотрены и исправлены прежние односторонние выводы, в частности по истории национальных движений и народничества. Возобновилась брошенная работа над многотомником «История СССР», в течение нескольких лет

была опубликована в 10 томах первая марксистская «Всемирная история», на основе свежего архивного материала стала широко и плодотворно изучаться история советского общества, появились новые ценные монографии по дооктябрьскому периоду. Выдвинулись молодые способные историки, которые начали восполнять редеющие кадры старого поколения. В частности, в секторе истории СССР периода капитализма сформировалась сплоченная целеустремленная группа учеников А. Л. Сидорова, которая с успехом занималась и продолжает заниматься исследованием проблем периода империализма. Из этой группы был образован сектор, посвященный исследованию этого периода. Другая, не менее энергичная и работоспособная группа занялась исследованием развития революционного движения пореформенного периода. Стали создаваться научные советы и группы и по другим проблемам. Завязались широкие связи с зарубежными историками не только марксистского направления, но и других общественных течений; открывалась возможность сближения и совместного труда с передовыми учеными, с одной стороны, точной информации и обоснованной критики антимарксистских произведений — с другой.

В дальнейшем я сосредоточил свои силы преимущественно на двух объектах: на истории крестьянства и подготовке глав многотомника «История СССР». После смерти академика Б. Д. Грекова я был назначен заведующим Комиссией по истории сельского хозяйства и крестьянства. Моя основная работа в комиссии заключалась в редактировании серии документальных сборников «Крестьянское движение в России в XIX — начале XX века» и подготовке второго тома монографии «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева». Доку-

менты по истории крестьянского движения извлекались из разных архивохранилищ, располагались в определенной системе и комментировались опытными сотрудниками Центрального государственного исторического архива в Ленинграде на основании разработанной мной инструкции. К 1968 г. в этой серии вышло 8 томов[6]. Судя по печатным отзывам и многочисленным откликам историков СССР, эта серия послужила важным пособием для выяснения роли боровшихся крестьянских масс в исторической жизни нашего народа. Хотя каждый том имел особого редактора, специалиста по данному периоду, я считал необходимым активно участвовать в подготовке текста своими советами, критическими замечаниями и поправками. Наша коллективная работа шла дружно и с ленинградскими товарищами — архивистами, и с редакторами издательства. Организационную работу в Комиссии по истории сельского хозяйства вели преимущественно В. К. Яцунский и А. М. Анфимов: именно им принадлежит заслуга организации ежегодных симпозиумов по аграрной истории Восточной Европы, которые мобилизовали большой и нужный материал для освещения этой важной проблемы.

После 1953 г. быстро двинулась вперед и подготовка второго тома моей монографии. Мной был собран дополнительный материал, написаны оставшиеся главы, и к сентябрю 1957 г. рукопись была сдана в сектор истории СССР периода капитализма. Так было закончено мое основное исследование, выяснявшее историю юридически свободного крестьянства крепостной эпохи и сущность

---

[6] Кроме того, вышли два тома: за 1907—1913 гг. под редакцией А. В. Шапкарина и за 1914—1917 гг. под редакцией А. М. Анфимова.

киселевской реформы 30—50-х годов как симптома усиливающегося кризиса феодального строя.

По окончании этой монографии, второй том которой вышел из печати в конце 1958 г., я приступил к собиранию материала для новой темы — «Русская деревня на переломе (60—70-е годы XIX в.)». Мне удалось сосредоточить в своих руках большое количество документов из ленинградских фондов и данные из опубликованных источников — статистических переписей, экономических описаний, современной публицистики и пр. Однако научная обработка этих разнообразных материалов замедлялась вследствие вклинившейся работы над тремя главами IV и V томов многотомника «История СССР». Мне были поручены, помимо прежней главы о внутренней политике Николая I, потребовавшей пересмотра и дополнений в свете последних исследований, новые темы — о кризисе феодально-крепостнического строя, о периоде революционной ситуации 1859—1861 гг. и отмене крепостного права. Моя авторская работа была сдана к 1963 г.; однако обычные спутники коллективных трудов — многократные обсуждения, изменения ранее намеченного объема и пр.— заставляли снова и снова возвращаться к этому изданию, дополняя, сокращая и корректируя первоначально написанный текст.

Конечно, и в этот период основная работа обрастала множеством второстепенных заданий: участием в подготовке нового учебника истории для вузов, редактированием различных книг по истории, официальными выступлениями на диспутах, подготовкой аспирантов и докторантов, представлением рецензий, консультациями и т. д. Кроме того, я участвовал в работах различных комиссий, в частности по изданию сочинений А. И. Герцена. Тем не менее мне удалось до перехода на пенсию опублико-

вать несколько статей на основную избранную тему о русской деревне в первое 20-летие после отмены крепостного права (о ликвидации феодальной системы в помещичьей деревне, об аграрных реформах на удельных и государственных землях и т. д.). Именно в этот период была завершена серия «Крестьянское движение в России в XIX в.»: выпущен том о волнениях 70-х годов, подготовленный одной из самых опытных и вдумчивых сотрудниц Центрального государственного исторического архива СССР Э. С. Паиной. Мое предисловие к тому тоже послужило материалом для монографии. Кроме того, была напечатана большая статья (в ответ на запрос Института истории ГДР) об особенностях исторического развития России сравнительно с Англией, Францией, Германий и США. По предложению сектора источниковедения Института истории АН СССР я опубликовал статью о моих методах работы над историческими документами.

Новым явлением сравнительно с предшествующими периодами было научное общение с зарубежными историками. В 50-е годы у меня завязалась научная переписка с историками Франции, Италии, ГДР, Японии; бывали личные встречи и научные беседы с историками и других стран — Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии. В 1955 г. я участвовал в Риме на X Международном конгрессе историков, которому представил доклад о генезисе капитализма в России, и выступил в прениях по трем докладам. Об этом конгрессе, на котором впервые, после долгого перерыва, присутствовала советская делегация во главе с А. М. Панкратовой, я сделал несколько сообщений и напечатал обзорную статью в «Исторических записках». В 1963 г. я прочел доклад в Комиссии историков СССР — ГДР на сессии,

состоявшейся в Берлинской Академии наук, в связи со 150-летием Освободительной войны Германии против Наполеона. Осенью 1966 г. на московской сессии той же комиссии я прочел доклад на тему «А. Гакстгаузен и русские революционные демократы».

Поездки за границу сопровождались осмотрами выдающихся памятников искусства, которые обогащали меня яркими художественными впечатлениями. Рим с его остатками античного прошлого, богатыми музеями, живописью и архитектурой эпохи Возрождения, развалины Геркуланума и Помпеев, Неаполь, Венеция с очарованием ее дворцов и каналов оставили незабываемый след в моем сознании. Так же много дали мне памятники немецкой культуры во время поездки по городам Германской Демократической Республики: архитектурные сооружения Лейпцига, Веймар с его мемориальными музеями Гёте и Шиллера, средневековые соборы Эрфурта, Наумбурга и Виттенберга, бывший дворец саксонских королей в Готе и особенно замок Вартбург среди гор и лесов Тюрингии с историческим залом миннезингеров и комнатой Лютера, где он переводил на немецкий язык тексты Библии. Меньшее впечатление произвели на меня памятники Вены (за исключением замечательного собора св. Стефана), которые мы осматривали проездом на Римский конгресс.

Несмотря на улучшение условий творческой работы, и в этот период деятельность историков была далеко не безоблачной. Блестящие достижения физики, химии, техники на время заслонили важные задачи общественных наук. Ошибки и недостатки в работах предшествующего периода вызывали у многих недоверие и скептицизм к исторической науке. Не только среди ограниченных и невежественных людей, но даже среди ученых высказы-

валось пренебрежительное отношение к занятиям историей. Некоторые настаивали на полной или почти полной ликвидации исследований по дооктябрьскому периоду. Находились даже такие критики, которые, не понимая сущности научного исследования, требовали переключения историков на популярные книжки для массового читателя. В противовес прежней идеализации событий и деятелей царской империи раздавались противоположные, не менее предвзятые нигилистические характеристики и оценки национального прошлого.

В той или иной степени эти отклонения от истины отражались на деятельности различных учреждений, которые ограничивали число выпускаемых книг, нередко искусственно сокращали их тираж и объем. Еще больше недостатков наблюдалось в работе книготоргующих организаций, которые плохим распространением книг как бы оправдывали упреки в «нерентабельности» научно-исторической продукции.

И на этот раз здоровое течение стало брать верх над близоруким и ограниченным взглядом на историю. Многие из указанных недостатков были осознаны и частично исправлены. В этом отношении большую роль сыграло Всесоюзное совещание историков в декабре 1962 г., которое всесторонне осветило положение на историческом фронте и подвело итог мнениям подавляющего большинства историков.

На наших глазах происходит поворот к живому и действенному интересу к истории. Доказательством этого вывода служат развитие краеведческой работы, создание сельских исторических музеев, образование внешкольных кружков по изучению истории. Все большее количество окончивших школы стремится поступить на исторические факультеты. По инициативе и при поддержке советского

правительства организованы повсеместная охрана и изучение исторических памятников, устраиваются торжественные собрания, связанные с юбилеями выдающихся событий (например, Куликовской битвы), древних городов, с жизнью крупных деятелей науки и культуры. Изменяется и само содержание исторического знания — не только пространственно, но и по своей внутренней проблематике: на смену господствовавшему европоцентризму приходит изучение истории других континентов — Азии, Африки, Америки; получают все большее развитие вспомогательные исторические дисциплины: источниковедение, нумизматика и т. д. Исчезает прежнее предубеждение против исследования реакционных институтов и течений, без чего невозможны всесторонние характеристики и оценки общественной борьбы (история церкви, деятельность Каткова и пр.). Наконец, новым и многообещающим явлением стало применение формул высшей математики к анализу минувших социально-экономических процессов.

В 1965 г. на 80-м году жизни состояние моего здоровья потребовало сократить объем прежней работы и целиком сосредоточить свои усилия на своей главной задаче — завершении начатого исследования о состоянии русского крестьянства в 1861—1880 гг. Продолжая выполнять отдельные поручения Президиума АН СССР (председательство в Ученом совете академического Архива и в Комиссии по присуждению премий им. Б. Д. Грекова, доклады на заседаниях и т. д.), я к 1977 г. довел до конца и сдал в Отделение истории рукопись «Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг.», которая вышла из печати в конце 1978 г.

Когда я окидываю взглядом прожитые годы, то не жалею, что избрал своей специальностью изучение истории. Больше того, все мои жизненные впечатления не только в дооктябрьский период, но и в советское время подтверждают ту неоспоримую истину, что проникновение в глубины исторического процесса составляет основу изучения и осмысления современности, что без понимания уроков истории невозможно разобраться в сложном лабиринте общественных отношений, что предвидение будущего, а следовательно, избрание человечеством правильного пути — главное условие успешного продвижения вперед. Чем сложнее структура общественного строя, тем важнее конкретно-историческое исследование его непреложных законов и меняющихся форм, его возникновения, развития и отмирания. Каждый строй, несмотря на господство определенных руководящих начал, заключает в себе пережитки прошлого, иногда очень живучие и сильные, с которыми необходима упорная борьба; для того чтобы преодолеть их вредное тормозящее влияние, необходимо вскрыть их глубокие, еще не исчезнувшие корни, проследить их переплетение с ростками закономерного прогрессивного развития. С другой стороны, каждый народ хранит в своей жизни богатое наследие своих вековых хозяйственных и культурных усилий; необходимо их знать и использовать, чтобы, опираясь на исторический опыт сменявшихся поколений, облегчить сознательное построение более совершенных жизненных отношений. Нужно учиться не только у собственного народа, вдумываясь в исторические особенности его жизни, трудовых навыков, национального характера, надо систематически и внимательно изучать исторический опыт других народов, улавливая сходные и отличительные черты в их развитии, чтобы легче ориентироваться и в

международном положении, и в росте собственного народа. Так поступал В. И. Ленин, вооруженный богатым запасом исторических знаний, когда он вырабатывал стратегию и тактику революции (вспомним его «Государство и революция»), принимал ответственные внешнеполитические решения (например, при заключении Брестского мира), когда он нащупывал лучшие методы хозяйственного строительства; достаточно сослаться на его мнение о тенденциях «прусского» и «американского» путей аграрно-капиталистического развития и особенно его анализ возникновения и роста империализма.

Но историческая наука имеет не только указанное практическое значение; расширяя умственный кругозор, обогащая знанием развития человечества и собственной Родины, заставляя размышлять и оценивать действия отдельных людей и борющихся между собой классов, история повышает моральный уровень современников, воспитывает в них чувство здорового патриотизма и укрепляет сознание интернационального братства трудящихся. В этом смысле она служит противовесом и узкой специализации, все более и более усиливающейся в науке, и забвению высоких гуманистических идеалов, которые нередко заслоняются погоней за личными выгодами и удобствами.

Хорошо прочитанная историческая лекция или искусно написанная историческая брошюра всегда находят себе сочувственный отклик в народных массах и среде учащейся молодежи. Но такая популяризация, так же как умелое преподавание учителя, должны опираться на предварительное научное исследование; работа ученого, который разрабатывает недостаточно освещенную тему, собирая источники и оценивая имеющуюся литературу, оплодотворяет и работу педагога, и просветительную

деятельность в массах. Если сводные обобщающие труды облегчают читателю сравнительно быстрое знакомство с ходом исторического процесса, то настоящими двигателями научной мысли являются специальные монографические исследования; именно они ставят новые проблемы, используют новые источники и приводят к новым, ранее неизвестным выводам. Классическим примером служит для всех нас создание «Капитала» К. Маркса, который стал доступен широким пролетарским массам и даже среднеразвитым интеллигентам путем многочисленных популяризаций. Со стороны ученых именно углубленная исследовательская работа составляет необходимую «отдачу» народу, которая вполне компенсирует денежные средства, ассигнуемые Советским государством.

В этом отношении деятельность ученых-историков не отличается от деятельности специалистов естественных и технических наук.

Как бы ни были важны достижения физики, химии, геологии и прикладных технических дисциплин, с точки зрения марксистско-ленинского мировоззрения проблемы социальной жизни имеют не меньшее значение. Будущее человечества зависит не только от степени проникновения в тайны природы и уменья управлять ее силами, но также от успехов в руководстве стихийно складывающимися взаимоотношениями между людьми, от повышения политического и нравственного развития человека. История уступает естественным наукам в точности своих методов и выводов, но она имеет перед ними другое преимущество: являясь синтезом всех гуманитарных наук, она раскрывает законы развития общества в разнообразных условиях природы и человеческой жизни, на разных уровнях материального и духовного роста, но в

одном и том же направлении — к осуществлению лучших идеалов человечества. Вот почему XXV съезд КПСС мобилизует нас на «дальнейшее расширение и углубление исследований закономерностей природы и общества» [7].

Характеризуя свою научно-исследовательскую деятельность, я должен подробнее рассказать, как я работал над своими основными трудами по истории. Исходным моментом научного исследования, как и у других историков моего времени, был самостоятельный выбор монографической темы. Я всегда считал, что при таком выборе нельзя руководиться случайными обстоятельствами (например, наличием доступного компактного фонда источников) или стихийно проявившимся интересом. Конечно, живой интерес к намеченному явлению, так же как предварительная подготовка к его изучению, всегда являются условиями успеха. Если тема навязана извне и не встречает глубокого отклика в мыслях и чувствах исследователя, его работа рискует стать вымученной и поверхностной. С другой стороны, при усиливающейся научной специализации предварительная подготовка ученого, сумма его сложившихся знаний и навыков приобретает громадное значение: каждый историк становится специалистом определенного профиля, сосредоточивается на изучении явлений определенного периода и определенной области жизни — в соответствии с накопленным исследовательским опытом; поэтому степень эффективности его труда в данных наметившихся рамках значительно выше и, следовательно, общественно продуктив-

---

[7] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 213.

нее. Однако очерченные границы достаточно широки и допускают возможность разнообразного выбора. А выбрать необходимо то, что имеет в данный момент наибольшее научное и политическое значение. Если тема вовсе не изучена или изучена очень слабо, если ее научное исследование делает яснее и правильнее наше представление о ходе исторического процесса, если результатом задуманной работы будет опровержение искажающей действительность вредной концепции, выбор темы будет оправдан и оплодотворит движение коллективной научной мысли. Конечно, исследователь должен быть уверен, что его замысел не явится холостым выстрелом, что в его распоряжении имеются соответствующие источники, которые действительно прольют свет на выдвинутую проблему.

Когда в юбилейные дни 1925 г., в обстановке широкого интереса и внимания к движению декабристов, я избирал своей темой жизнь и деятельность Никиты Муравьева, я исходил именно из этих мотивов: мне представлялось, что очередной задачей в изучении декабристов — при наличии сменяющих друг друга абстрактных предвзятых схем — является максимально конкретное исследование отдельной человеческой единицы, но такой единицы, которая сыграла крупную историческую роль и отразила в себе основные этапы в развитии тайного общества со всеми закономерностями и особенностями этого процесса. Таким образом, неизученность темы, наличие нетронутого фонда и предварительные занятия вопросом были усиливающими, но не основными условиями выбора темы.

Такой же ход мыслей был у меня в 1933 г. при выборе темы докторской диссертации. Работа над университетским докладом о киселевской реформе 1837—

1838 гг. убедила меня в том, что государственные крестьяне имели огромный, до сих пор не оцененный удельный вес в земледельческой массе крепостной России, но при этом оставались открытыми вопросы об историческом месте реформы и об ее влиянии на дальнейшее социально-экономическое развитие деревни. Только архивные документы Министерства государственных имуществ могли подтвердить или опровергнуть господствующую либеральную версию о киселевских преобразованиях. Перенесение центра тяжести на исследование жизни трудящихся масс, так же как марксистское учение о смене социально-экономических формаций, сами собой подсказывали необходимость изучить внутренние отношения между государством и его феодальными подданными в переломный момент от феодального строя к капиталистическому. Конечно, знакомство с темой и пробужденный ею исследовательский интерес были дополняющими стимулами к началу работы. Однако прежде чем утвердиться в своем намерении, я решил произвести архивную разведку и отправиться в Ленинград, чтобы проверить наличие необходимых рукописных фондов. Поездка сопровождалась просмотром описей ленинградских исторических архивов, изучением структуры киселевского министерства и отчасти знакомством с его делопроизводством. Разведочная командировка подтвердила мое прежнее предположение о существовании богатых неиспользованных материалов, которые обеспечивали всестороннее исследование намеченной мной проблемы.

Конечно, самостоятельный выбор исторической темы не противоречит возможности и необходимости широко задуманных плановых заданий в форме коллективных трудов или серии индивидуальных монографий по заранее разработанному плану. От искусства и такта научно-

го руководства зависит гармонически сочетать очередные задачи государственного плана с наклонностями и знаниями отдельных ученых. Я работал позднее над главами коллективной «Истории Москвы» с неменьшим интересом и увлечением, чем над исследованиями о Никите Муравьеве и о реформе Киселева. Но, по-моему, если кандидатская и докторская диссертации должны быть показателями научной зрелости подготовленного ученого, его способности самостоятельно овладевать всеми приемами научной работы, то следует поощрять и воспитывать вполне самостоятельный продуманный выбор исторической темы.

Когда тема намечена, необходимо прежде всего составить если не исчерпывающую, то основную библиографию, которая сама собой распадается на два основных раздела — историческую литературу (книги, статьи, заметки) и опубликованные источники. Я держался такого метода начиная с университетских лет и применял его во всех своих работах. При этом я старался охватить в первом разделе не только сочинения, непосредственно относящиеся к теме, но и те, которые дают общее представление об эпохе и об ее важнейших событиях и деятелях. Историческое исследование, в котором нет общеисторического фона, отсутствует понимание и ощущение изображаемого периода, не может считаться полноценной работой. В дальнейшем, по мере изучения темы, библиография должна пополняться новыми названиями и рубриками.

В соответствии с произведенным учетом литературы и источников я старался определить последовательность чтения, варьируя его в зависимости от содержания темы и ценности зарегистрированных книг. Я всегда начинал с чтения литературы, стараясь параллельно знакомиться

с эпохой и сочинениями по избранной мной теме. Итогом работы над историографией «Государственных крестьян» были мои статьи о внутренней политике Николая I (для первого варианта многотомника «История СССР») и статья «Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского», представленные в Институт истории АН СССР в 1937 г. по предложению его дирекции. Попутно я составлял себе — для личного пользования — синхронистическую таблицу экономических, социально-политических, культурных явлений второй четверти XIX в.; она служила мне настольным пособием, помогавшим осмыслить взаимную связь событий и отношений (такой же прием я применял и раньше, при разработке темы о Никите Муравьеве).

Итогом работы над историографией были сжатые конспекты и собственные оценки предшествующих исследований. Впоследствии они ложились в основу историографического введения к монографии и давали возможность ориентировочно наметить проблематику собственного изучения темы. И самому себе, и своим аспирантам я всегда советовал различать три круга проблем, которые вытекают из предварительного изучения литературы: 1) проблемы, поставленные и разрешенные прежними авторами, 2) проблемы, поставленные, но не разрешенные или разрешенные неверно, 3) проблемы, которые должны быть поставлены и разрешены, но выпали из поля зрения прежних авторов.

Конечно, необходимость предварительного знакомства с литературой не исключает последующего привлечения книг и статей — и вновь появившихся, и ранее изданных, не внесенных в первоначальную картотеку, но по ходу исследований оказавшихся необходимыми (например, справочного материала об упоминаемых деятелях,

уточняющих сведений о затронутых событиях и т. д.). Однако основные работы по теме должны быть продуманы и оценены раньше, чем исследователь обратится к самостоятельному изучению источников: если историк не отдает себе отчета в проблематике своей темы, он будет не способен самостоятельно и всесторонне извлечь необходимые данные из документов.

Я всегда находил необходимым сначала вчитаться и вдуматься в опубликованные источники, а уже потом отправляться в архивы и поднимать неизданные фонды. Работая над своей первой диссертацией, я начинал с воспоминаний, писем и напечатанных показаний декабристов, с их сочинений и, в частности, конституционных проектов. Приступая к самостоятельному изучению реформы Киселева, я прежде всего знакомился с его опубликованными письмами, проектами, циркулярами, законодательными актами, официальными отчетами, мемуарами и перепиской современников. Я считал и считаю, что большую ошибку делают молодые исследователи, которые спешат в архивы, не изучив имеющихся публикаций, и, открывая давно открытую Америку, напрасно тратят время и силы, вместо того чтобы создать для себя прочную основу в дальнейших исследованиях. Приступать к архивным источникам имеет смысл только тогда, когда историк хорошо ориентирован и в характере соответствующей эпохи, и в развитии исторической мысли, и в имеющейся документации; только тогда исследователь хорошо знает, какие задачи выдвигает перед ним его тема, что именно он должен искать и в каком направлении он должен осмысливать новый, еще нетронутый материал. Если прежние публикации были неисправны или неполны, историк, вооруженный полученными знаниями, сумеет позднее сопоставить печатные тексты с оригинальными и обнару-

жить все дефекты, допущенные публикаторами (так попытался я сделать в рецензии на неудачное издание второго варианта конституции Н. Муравьева)[8].

Работа над источниками, особенно архивными, имеет свои особенности, на которых я остановлюсь ниже. Сейчас, несколько забегая вперед, скажу, что в соответствии с продвигающимся исследованием мало-помалу проясняются темные пятна, углубляется первоначальная характеристика изучаемых явлений и отдельные выводы по частным вопросам начинают связываться в единую и цельную концепцию. Это наиболее важный этап работы; его успех зависит не только от методологической вооруженности и от объема собранных знаний, но также от соблюдения некоторых организационно-технических приемов. Очень полезно на протяжении всего исследования набрасывать на бумагу приходящие мысли, заметки и пожелания, время от времени пересматривать их и проверять на конкретном материале; не менее важно на определенном этапе работы приступить к составлению развернутого плана будущей монографии с обозначением не только последовательных глав, но также их основного содержания. В практике моей работы план играл роль первоначального костяка, который в дальнейшем обрастал дополнениями, подвергался коррективам, направлял умственные поиски и помогал находить ответы на выдвинутые вопросы. Иногда отдельные наброски вырастают в научные эскизы — доклады и статьи на частные темы, которые можно вынести на обсуждение коллектива.

Готовя свою первую диссертацию, я читал несколько подобных докладов — в секции по изучению декабри-

---

[8] Каторга и ссылка, 1927, кн. 7, с. 223—227.

стов, в РАНИОН, в Музее революции СССР — о творческой истории конституции Н. Муравьева, о масонстве Н. Муравьева и Пестеля и пр. Такие же доклады я делал в секторе Института истории, работая над своей второй диссертацией,— о дворянских и правительственных проектах реформы, о мировоззрении Киселева, о государственных крестьянах Сибири. Высказывания коллектива всегда помогали работе моей собственной мысли, проверке ее направления и выводов.

После того как собран весь фактический материал, сложилась определенная концепция и уточнен план монографии, необходимо систематизировать материал, исходя из намеченных обобщающих точек зрения. В процессе такого распределения накопленных записей и копий документов через сознание историка еще раз проходят все факты и выводы, уточняется взаимная связь явлений, устанавливается последовательность будущего изложения. Я всегда придавал этому этапу решающее значение: здесь все должно быть продумано, взвешено и окончательно выяснено; тысячи заполненных карточек, конспекты, машинописные и фотографические копии должны быть разложены в определенном порядке, и этот порядок, являясь продуктом длительного творческого процесса, должен превратиться в организующий фактор литературного оформления. Результат такой систематизации закреплялся мной на бумаге или в форме детального плана каждой главы, или — при большом объеме и сложности содержания — в форме ее развернутого проспекта.

Имея такие готовые подборки материала, исследователь может легко и быстро изложить его на бумаге, не отвлекаясь поисками своих записей, книжных цитат и архивных копий. Материал, творчески преображенный

в сознании, ведет историка за собой, и он в состоянии сосредоточить все внимание на литературной форме, стараясь максимально точно и образно отразить ход своей мысли, воплощенный в подборе и связи конкретных фактов. Я не всегда собственноручно писал подготовленные главы, иногда в силу тех или иных причин я диктовал их стенографистке или референту, но в таком случае требовалось еще раз самостоятельно пройтись по написанному тексту, внося стилистические, а иногда более серьезные поправки (впрочем, проверка и исправление необходимы всегда, даже в случае самостоятельного процесса писания).

Последние этапы работы — составление тезисов и ответы на возражения оппонентов, безразлично на диссертационных диспутах или на коллективных обсуждениях,— не отнимали у меня много времени: если выводы были выношены и достаточно обоснованы, защита выполненной работы не представляла больших затруднений.

Таким образом, исследовательская работа всегда складывалась у меня из определенных этапов, которые сменяли друг друга в строгой последовательности: выбор темы, составление библиографии, изучение литературы, извлечение материала из источников (сначала опубликованных, потом архивных), составление ориентировочного плана, систематизация собранных данных, развитие и уточнение плана отдельных глав, литературное оформление. Опыт убедил меня, что такая система, несмотря на частичные отклонения (например, в случае появления нового солидного исследования, влияющего на содержание концепции, или открытия нового важного источника на последней стадии работы), обеспечивает не только ясное и стройное движение мысли, но и более быстрое

осуществление научного замысла. Меня особенно убедили в этом наблюдения над работой некоторых ученых, которые спешили изложить свои мысли раньше, чем взаимные связи явлений окончательно улеглись и окрепли в сознании; результатом такого метода было создание множества лишних, неиспользуемых вариантов или — что еще хуже — неполная и недостаточно глубокая обработка конкретного исторического материала.

Бесспорно, работа над источниками занимает центральное место в исследовании историка. От удачного подбора и правильного анализа источников зависит успех обобщения, а следовательно, основных выводов всей работы. Каждый историк нащупывает собственные методы самостоятельной обработки источников. Обмен опытом в этом отношении особенно важен и плодотворен.

Привлечение нужных источников, как я уже говорил, определяется продуманной и ясно формулированной проблематикой темы. При этом чем богаче и разнообразнее используемые источники, тем больше шансов, что выводы исследования максимально приблизятся к изучаемой действительности. Поэтому понятно, отчего историки, особенно более поздних периодов, не могут ограничиться печатными публикациями и стремятся начать поиски новых материалов в архивных фондах. К сожалению, не всегда и печатные источники используются в полной мере; и здесь необходимы активные, иногда трудоемкие поиски, которые могут закончиться неожиданными открытиями и бросить новый свет на изучаемое явление. Когда я впервые приступил к теме

о государственных крестьянах и реформе Киселева, меня не могли не заинтересовать социально-политические взгляды этого деятеля, его место в окружающем обществе и отношение к нему современников. Не ограничиваясь библиографическими справками и чтением зарегистрированных мемуаров и писем, я решил пересмотреть все упоминания о Киселеве, содержащиеся в старых исторических журналах («Русском архиве», «Русской старине», «Историческом вестнике», «Голосе минувшего»). Наличие ежегодных именных указателей в этих изданиях облегчило мою задачу и обогатило меня запасом новых и чрезвычайно интересных данных. Я получил возможность сопоставить различные характеристики и оценки, подойти к решению задачи шире и самостоятельнее. Лучше стал ощущаться «воздух эпохи», конкретнее обрисовались черты самого Киселева, его поклонников и противников. В свете этих живых субъективных впечатлений иначе воспринимались сухие и на первый взгляд объективные нормы законодательных и административных актов. Насколько полезно обследование старых, в частности хозяйственных, журналов, таящих в себе ценнейшие сведения и незаслуженно забываемых, показала мне в 1952 г. работа над плановой темой «Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 г.»[9]

Извлечение материалов из архивных фондов сопровождается для историка рядом затруднений. К счастью, в наше время положение существенно изменилось: сотрудники архивов стали ближайшими товарищами и помощниками исследователей; в распоряжении историка

[9] Вопросы истории, 1954, № 7, с. 56—76.

имеются прекрасно составленные путеводители по архивам с характеристиками хранящихся фондов; к его услугам — устные консультации заведующих отделами, по его просьбе выдаются не только печатные, но и неизданные описи интересующих его фондов. Совершенно иное положение было в 20-х — начале 30-х годов. Когда я начал работать над фамильным фондом Муравьевых и Бибиковых, мне отказались выдать его инвентарную опись и стали понемногу присылать интимные письма из обширного эпистолярного наследства дочери декабриста, известной среди его товарищей и друзей под именем Нонушки. Если бы я продолжал занятия в таком направлении и темпе, то никакого исследования о руководителе Северного общества у меня не получилось бы. После настойчивых просьб мне выдали на один день опись интересующего фонда, и я почти «контрабандой» выписал из нее названия ценнейших документов — черновиков сочинений Н. Муравьева, конспектов прочитанных им книг и рукописей, его писем к матери и жене и т. д. Эта «домашняя» опись служила для меня путеводной нитью, направлявшей работу по основному руслу исследования. Еще важнее были для меня описи фондов Министерства государственных имуществ, когда я приступал к детальному изучению административной деятельности Киселева. К этому моменту архивные описи стали доступными для обозрения историков. Наряду с печатной описью V отделения царской канцелярии, я получил многочисленные, испещренные прочеркиваниями и отметками фолианты описей Архива внутренней политики, культуры и быта и Архива народного хозяйства (после войны оба хранилища слились в Центральный государственный исторический архив в Ленинграде — ЦГИАЛ). Месяцами я просматривал эти старин-

ные памятники архивного делопроизводства, выписывая на карточки все интересовавшие меня дела. Постепенно я извлекал из получившейся объемистой картотеки наиболее важные «единицы хранения», регулируя их чтение в соответствии с планом исследования. Помню единственный случай, когда мне в 1938 г. отказали в выдаче описи Особенной канцелярии министра финансов, засекреченной 100 лет назад; но и тут, хотя обходным путем, мне удалось выяснить шифр интересовавшей меня докладной записки Канкрина. Моя картотека служила мне верой и правдой в течение всей работы над «Государственными крестьянами». Она помогала мне разыскивать ответы на возникавшие вопросы, пропорционально распределять свое время на изучение разных разделов темы и, что особенно важно, определять, какие из них требуют исчерпывающего изучения, какие — только выборочного.

Я понимал, что было бы утопией рассчитывать на полное ознакомление со всем делопроизводством Министерства государственных имуществ за несколько десятков лет управления Киселева. Такая задача была бы непосильной для одного исследователя и ненужной для успеха его работы. Если законы о государственных крестьянах или волнения в казенной деревне должны были освещаться с исчерпывающей полнотой, то текущая повседневная переписка департаментов заключала в себе много типового, повторяющегося из месяца в месяц, из года в год, и допускала выборочный метод просмотра и суммарной характеристики. Думаю, что этот вопрос о различении категорий источников и их обработки стоял не только передо мной; он неизбежно возникает у историка более поздних периодов, богатых сохранившейся обширной правительственной перепиской.

Очень важное значение имеет и другой вопрос — о соотношении фондов различных архивов. Избрав главный объект источниковедческого изучения (для первой работы — декабристские фонды ЦАОР, для второй — правительственные фонды ЦГИАЛ), я знал, что неизбежно потребуются дополнения из других архивов. Постепенно выяснилось, что бумаги из личного фонда Н. Муравьева находятся не только в ЦАОР, но и в других хранилищах — в Пушкинском доме, в Рукописном отделении Ленинской библиотеки, в Музее революции СССР; что личные бумаги Киселева тоже сосредоточены в разных архивах и необходимы предварительные разведки и поиски часто крупнейших и ценных для темы документов. Иногда в ходе исследования вставали вопросы, требовавшие исследовательских экскурсов в новые области. Когда я выяснял экономическое положение семьи Н. Муравьева, то не мог обойтись без материалов Межевого архива, а работая над вопросом о формировании взглядов Н. Муравьева, я столкнулся с вопросом о составе его личной библиотеки. Из данных фамильного фонда я узнал, что мать декабриста в 1840-х годах пожертвовала книжные богатства умерших мужа и сына Московскому университету. Это сообщение было подтверждено данными университетских отчетов, но оказалось, что пожертвованные книги не образовали особого личного фонда, а растворились в общей книжной массе университетской библиотеки. Мне приходилось наудачу, руководясь общим каталогом, заказывать книги по общественным вопросам — Вольтера, Монтескье, Руссо, Бенжамена Констана, Радищева и других, пересматривать сотни томов и — о счастье! — находить отдельные томики не только с желанным ex libris'ом «Из книг М. Н. и Н. М. Муравьевых», но и с личными, соб-

ственноручно сделанными заметками декабриста. Так обнаружился новый источник для освещения важной стороны в биографии крупного деятеля тайного общества.

Иногда открытие новых источников требует более сложных и тонких исследовательских методов. Выясняя процесс зарождения и эволюции революционного проекта Н. Муравьева, я разыскал среди его черновых набросков перечень конституционных актов различных штатов Североамериканской федерации. У меня возникло предположение, что эти в свое время демократические нормы послужили материалом при составлении статей проекта самого Муравьева. Внимательное сопоставление текстов показало иногда полное, иногда частичное совпадение многих статей, самостоятельно скомбинированных автором — в соответствии с его собственным замыслом. Так обнаружился новый важный источник для понимания творческой эволюции одного из первых идеологических памятников русской революционной мысли.

Одним из затруднений, тормозящих работу исследователя, является пространственная разбросанность архивов по обширной территории СССР. Это неудобство особенно испытывают на себе историки СССР, изучающие процессы XIX — начала XX в.: правительственные фонды высших государственных учреждений императорской России (Государственного совета и его многочисленных комитетов, Сената, Синода, министерств) сосредоточены в Ленинграде; обычные краткосрочные командировки туда явно недостаточны для извлечения нужного материала для крупной монографической работы. Я ощутил это затруднение, когда приступил к собиранию материала о государственных крестьянах. Сначала я обратился к руководству ленинградского архива с просьбой выслать мне в Москву источники первой очереди —

материалы правительственной ревизии 1834—1837 гг. Моя просьба была удовлетворена, и в течение первых лет я занимался этим обширным фондом в Центральном архиве Октябрьской революции. Но пересылка архивных дел сопровождалась организационно-техническими неудобствами, ставила в трудное положение ленинградских историков и ограничивала масштабы моих занятий. Ленинградский архив отказался от этой практики, и я старался возместить образовавшийся пробел поездками в Ленинград во время зимних и летних каникул.

В 1937—1938 гг., как я говорил, мне дали годичную творческую командировку без сохранения содержания, в 1948 г. я получил от Института истории АН СССР право на тех же условиях провести в Ленинграде 4 летних месяца. Эти поездки очень помогли мне ориентироваться в фондах, пересмотреть много дел и извлечь большую часть материала для двух томов второй монографии. Но материала все-таки не хватало, и пришлось прибегнуть к приему, широко практиковавшемуся некоторыми из моих московских коллег,— на основании составленной мной архивной картотеки доверить подготовку копий и частью составление конспектов ряда архивных материалов опытным ленинградским товарищам. Сейчас благодаря широко внедряемому микрофильмированию и фотографической съемке документов трудная задача извлечения иногородних материалов как будто разрешается. Однако некоторые историки делают отсюда неправильный вывод: они утверждают, что исследователю нет нужды сидеть над оригиналами архивных документов и что начальная стадия его работы — собирание материала — может быть целиком переложена на помощников. Такой радикальный вывод не выдерживает критики: непосредственное созерцание документа, посте-

пенное вчитывание, вдумывание, я бы сказал больше — вчувствование, в его содержание обогащают исследователя лучшим познанием эпохи и изучаемого явления; наблюдения над формальными особенностями источника — почерком, форматом, бумажными знаками — необходимое условие исторической критики; отобрать нужные единицы хранения, отыскать дополнительные уточняющие сведения, извлечь важные цитаты, придать ту или иную форму выпискам может вполне точно и эффективно только сам исследователь в соответствии с выработанной им проблематикой и намеченным планом. Поскольку идеал полного извлечения материала собственными силами ученого недоступен, приходится прибегать к содействию достаточно подготовленных помощников, давая им точные указания, снабжая инструкциями и образцами конспектов, устанавливая, какие документы нужно использовать и копировать и т. д.[10] При всех условиях наиболее важные источники, так же как описи, должны быть непосредственно изучены самим автором задуманного труда.

Первый этап обработки выявленных источников — проверка их подлинности и исторической достоверности. К сожалению, до сих пор в научном обиходе бытуют исторические подделки, которые на веру принимаются неопытными историками и легковерными издателями: достаточно вспомнить нашумевшие в советское время «Дневник Вырубовой» и «Солдатские письма с фронта» (времени первой мировой войны). В практике моей собственной работы был один поучительный эпизод, потре-

[10] Я имею в виду не только процесс труда крупных исследователей, но и молодых историков, участников коллективных трудов, зачастую обращающихся к помощи иногородних архивных работников.

бовавший критики подлинности источника. Когда я работал над темой о Н. Муравьеве, в секции по изучению декабристов была доложена рукопись «Записок Лаврентьевой»: это были живые интересные воспоминания, написанные от имени молодой девушки, жившей в семье Н. Муравьева и посвященной в политические планы декабристов. В «Записках» было много бытовых подробностей, давалась конкретная характеристика литературных и художественных интересов передового круга, был ярко очерчен образ самой Лаврентьевой, разделявшей взгляды и вкусы членов тайного общества. Однако условия происхождения рукописи были неясны, а некоторые описанные ситуации сомнительны. На основании фамильных записей матери декабриста я установил, что «Записки Лаврентьевой» повторяют случайную ошибку послужного списка Н. Муравьева, напечатанного в первом томе следственных материалов издания Центрархива: единственный малолетний сын Н. Муравьева (позднее умерший) был назван в обоих источниках не Михаилом, а Александром. Более внимательный анализ «Записок Лаврентьевой» (их предполагалось напечатать в известной серии Сабашниковых) убедил меня в том, что увлекательные мемуары передовой девушки начала XIX в.— позднейшее сочинение, написанное в советское время. К этому выводу вскоре присоединилась и сама обладательница оглашенной рукописи.

Гораздо чаще перед историком встает другой вопрос — о достоверности имеющегося источника, о его соответствии исторической истине. Искажение событий, неточность цифровых данных, прикрашивание или, наоборот, очернение изображенных лиц под влиянием социальных и личных мотивов — так же часты, как невольные ошибки памяти в позднейших воспоминаниях совре-

менников. Было бы наивно без сопоставления с другими источниками судить о восстании 14 декабря 1825 г. по записям Трубецкого 50-х годов[11] или принимать без критики изложение Н. Муравьевым его конституционного проекта, данное на предварительном следствии. Не менее наивным было бы считать безошибочными блестящие отчеты Киселева о деятельности его министерства и состоянии государственных крестьян, представлявшиеся ежегодно Николаю I. Во всех этих случаях я должен был сопоставлять изучаемый источник с другими материалами, взвешивать условия происхождения документов, анализировать мотивы составителей и стараться отделить историческую правду от намеренной лжи, замаскированных умолчаний и неосознанных ошибок.

Очень часто документу недостает или имени автора, или даты его возникновения. Между тем оценка степени достоверности и самого содержания источника невозможна без предварительного решения этих вопросов. В Пушкинском доме я нашел протокол литературного общества «Арзамас» с собственноручными подписями его членов в форме условных образных псевдонимов. Хорошо знакомый с почерком Н. Муравьева, я без труда установил, что именно он скрывается под именем «Статного лебедя»; таким образом была найдена точка опоры для освещения роли крупного декабриста в передовом литературном течении его времени. Еще важнее было определение почерков комментаторов второй редакции конституции Н. Муравьева, сделавших свои замечания на полях рукописи: они помогли определить, какие группировки складывались в Северном обществе и в каком направлении шло развитие их политической

---

[11] См.: Декабристы и их время, М., 1932, т. II, с. 9—43.

мысли. Зная характерный почерк Киселева, я мог определить его многочисленные, часто весьма откровенные оценки деятельности собственного министерского аппарата в годы реализации реформы. Таким образом, атрибуция безымянного исторического документа, а иногда части документа — так же необходима, как атрибуция анонимного художественного произведения.

Для всестороннего и правильного освещения фактов нужно знать не только автора документа, но также место и время возникновения этого документа. Топографическая и хронологическая датировка проекта Н. Муравьева покрыть Россию густой сетью каналов помогла мне понять социально-экономическую направленность его мысли в годы сибирского поселения.

Конечно, критика подлинности и достоверности источника, так же как его атрибуция и датировка, играют подсобную, вспомогательную роль при исследовании темы. Основная задача историка — максимально использовать содержание источника с точки зрения намеченной проблематики и в соответствии с принципами марксистско-ленинской методологии. Когда я работал над темой «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», то старался извлечь из источников все необходимые факты, чтобы решить поставленные вопросы — о возникновении реформы, т. е. о породивших ее хозяйственных предпосылках и движущих силах, об ее социально-экономической направленности, об условиях и итогах ее реализации, об ее историческом значении. Начиная собирать материалы под этим основным углом зрения, я стремился отрешиться от всяких предвзятых точек зрения, искать историческую истину в фактах самой действительности; перед моими глазами были отрицательные стороны научной деятельности М. Н. Покров-

ского, который строил широкие предвзятые схемы, не утруждая себя систематическим анализом всех основных источников. К сожалению, такая методика пережила М. Н. Покровского и до сих пор встречается в отдельных исторических работах. Подлинное научное историческое исследование может быть результатом только самостоятельного длительного упорного труда; факты, и только факты, проверенные, сопоставленные и органически связанные друг с другом, могут быть прочной основой широкого обобщения; чем шире искомый ответ на поставленную проблему, тем насыщеннее фактическим материалом, а следовательно. объективнее и правдивее должно быть изображение жизни, возникающее в сознании историка.

Однако в распоряжении исследователя должен быть правильный критерий для отбора и толкования фактов. Таким надежным орудием исторического познания является учение марксизма-ленинизма, помогающее найти дорогу из лабиринта безграничного фактического материала. Изучая то или иное явление, историк должен показать его возникновение и развитие, исходя из экономических условий эпохи, осветить его во всех жизненных опосредствованиях, раскрыть его внутренние противоречия и в результате исследования найти ему закономерное место в ходе исторического процесса. Исходя из этих методологических предпосылок, я стремился анализировать собранные источники, чтобы представить себе события, отношения и людей не в статичных закостеневших формах, а в процессе их непрерывного движения, развития, изменений. Это одинаково относилось и к положению крестьянских масс, и к позиции правительства, и к деятельности отдельных лиц, в частности к таким явлениям, как конституционный проект Никиты Муравь-

ева или реформа управления государственной деревней, проведенная Киселевым.

Изучая историческое явление в опосредствовании других смежных явлений, я старался прежде всего извлечь из своих источников все, что раскрывало его экономические корни, связывало общественные события и отношения с глубокими социально-экономическими сдвигами данного периода. Для первой половины XIX в. в истории России таким определяющим процессом был переход от феодальной формации к капиталистической; поэтому естественно, что я старался решить вопрос о закономерностях и особенностях разложения и кризиса феодально-крепостнического строя как основе буржуазных тенденций, по-разному проявившихся в деятельности Никиты Муравьева и в неудавшейся реформе Киселева.

Однако было бы ошибкой, если бы я последовал вульгарно-материалистическим советам моих оппонентов, высказанным на диспуте 1929 г., и начал отрицать обратное воздействие надстройки на базис или пытался давать экономическое объяснение «каждому надлому и каждому высказыванию» изображаемых деятелей. Я придавал и придаю большое значение эволюции права и развитию идеологии. Поэтому при отборе и изучении источников я старался отвести определенное место и законодательному материалу, и формированию социально-политических взглядов. Больше того, признавая руководящее значение за массами, я старался вместе с тем избежать сухого обезличивания исторического процесса и в меру своих сил дать характеристики живых людей, творивших историю своими сознательными или неосознанными усилиями.

Для того чтобы историческая действительность предстала в правильном свете, особенно важно изучить и

показать классовую борьбу как главный двигатель происходивших событий. Но внимательно прослеживая эту основную линию в общественных отношениях, не надо забывать важнейшего требования марксистской диалектики: объясняя поступательное движение жизни, искать и раскрывать внутренние противоречия во всех изучаемых явлениях. Общественное развитие идет не прямыми, а сложными, зигзагообразными путями. С этой точки зрения необходимо учитывать и фракционные течения в среде господствующего класса, и противоборствующие тенденции правительственной политики, и наличие различных элементов в мировоззрении одного и того же деятеля. Я стремился извлечь из источников все, что говорило об этих живых противоречиях и в истории тайного общества, и в конституции Н. Муравьева, и в проектах реформы государственной деревни, и в попытках преобразований Киселева. Но основным противоречием, которое напоминало о себе при изучении источников, оставался конфликт между ростом производительных сил и феодальными отношениями, находивший свое отражение в классовой борьбе крестьянства.

Таковы основные, но не единственные примеры влияния марксистско-ленинской методологии на отбор, анализ и обобщение исторического материала в практике моей работы.

В заключение скажу об одном техническом приеме, который связан с этой стороной исследовательского труда. Подходя с указанной точки зрения к отобранным и прочитанным источникам, я старался каждый отдельный документ разложить на составные не разложимые далее части — в соответствии с разными аспектами намеченной проблемы. Каждую частицу — в форме цитаты или конспективной выписки — я заносил на особую карточ-

ку имея в виду последующую систематизацию материала. Когда на основе сложившейся концепции и выработанного плана монографии я начинал комбинировать материал по главам и разделам, я мог свободно оперировать подготовленными карточками, располагая их в группы и придавая им ту или иную последовательность. Если весь документ в целом составлял неразложимую часть источника, он приобретал роль отдельной карточки: подложенный в определенном месте, он составлял такую же неделимую единицу в общей сумме материала. Иногда приходилось делить на части снятую машинописную копию документа, сохраняя на отдельном листке сжатое изложение его содержания в целях контроля. Я убедился на опыте, что подобный технический прием не только облегчает систематизацию собранных данных и литературное оформление монографии, но также обеспечивает полное и стройное использование всех источников.

Какие советы я мог бы дать молодым историкам, исходя из оценки положительных и отрицательных сторон своего научного опыта?

Я не стану повторять прекрасных призывов — любить науку и служить ей бескорыстно и преданно, которые с такой искренностью и силой прозвучали в обращении к молодежи нашего великого физиолога И. П. Павлова. Я остановлюсь на других вопросах, которые непосредственно относятся к нашей научной специальности, к изучению исторического прошлого.

Интерес к истории может быть продиктован различными мотивами. Реакционно настроенные историки уходили в прошлое, чтобы отрешиться от настоящего, кото-

рое они презирали и ненавидели. Они духовно разрывали свою связь с современностью, идеализируя отжившие институты и отношения, поднимая на пьедестал авторитарную власть папы, «артистизм» и рыцарскую красоту средневековья, патриархальные нравы феодального быта. Наоборот, передовые историки всегда сохраняли внутреннюю связь с обновляющейся жизнью и служили ей силой своей мысли и слова. Такие историки не уходили от действительности, а сливались с ней глубоко и органически: они изучали прошлое, чтобы лучше понять и освоить настоящее; они учились на конкретном материале прежних веков, стараясь увидеть в них глубокие корни современности и создать опору для более точного предвидения будущего.

Наша задача — воспитать в себе и в других именно такое живое и действенное отношение к исторической науке. Лучшее средство для этого — установить тесную связь теории с практикой, соединить восприятие событий и отношений с непосредственным участием в политической и культурной жизни. Поэтому мой первый и главный совет молодым историкам — никогда не удаляться от «вечно зеленеющего древа жизни». Конечно, связи с современной действительностью могут быть многообразными в зависимости от личных способностей, внешних условий и специального исторического профиля. Благо тому ученому, который может совместить сосредоточенную исследовательскую работу с активной политической деятельностью. Гораздо чаще занятия наукой могут быть соединены с политико-просветительной, научно-организационной или преподавательской работой. Здесь нет и не может быть никаких заранее установленных рецептов: вопрос о гармоническом сочетании теории с практической деятельностью должен быть разрешен

самим ученым в соответствии с его личными данными и определившимися наклонностями. Конечно, специализация по вопросам новейшего периода обеспечивает историку более тесное и плодотворное соприкосновение с действительностью, особенно в наше время величайших дерзаний в области науки, техники и общественной жизни. Но для всякого, разделяющего марксистско-ленинские взгляды, должно быть ясно, что последовательные звенья всемирно-исторического процесса нерасторжимы, что подлинное исследовательское проникновение в неосвещенные глубины исторического прошлого необходимо для правильного понимания современного, переживаемого нами периода. Научное исследование всемирного пути человечества, так же как нашей отечественной истории, должно быть непрерывным и всеохватывающим, не прекращаться ни на минуту, становиться все углубленнее и ближе к истине. Этого требуют и практические задачи дня — не только воспитание новых поколений, повышение умственного и морального уровня широких кругов советского общества, но и другие актуальные задачи современности. Изучение ранних стадий исторического процесса непосредственно помогает развитию отсталых народностей, которые стремятся к освобождению от колониального гнета и к быстрому усвоению передовых общественных форм. Марксистско-ленинское исследование европейского средневековья, его религиозных и государственных институтов помогает нашей борьбе с усиливающимся западноевропейским клерикализмом, этой духовной и политической опорой реакционных империалистических кругов. Раскрытие сложных процессов эпохи капитализма, особенно ее последней, империалистической фазы, помогает лучше понять и осветить закономерные предпосылки социалистической революции не толь-

ко у нас, но и в других странах. Нам нужны историки — специалисты по всем периодам всемирно-исторического процесса, нам нужно, как подчеркивается XXV съездом КПСС, «повысить роль общественных наук в наступательной борьбе против антикоммунизма, в критике буржуазных и ревизионистских теорий, разоблачении фальсификаторов идей марксизма-ленинизма»[12]. И каждый из наших историков-специалистов найдет в своем арсенале необходимое оружие, чтобы отстаивать на международной арене подлинную историческую истину. Перед всеми историками открываются возможности приобщиться к борьбе за коммунистические идеалы и найти себе широкое поле для реального применения научно-теоретических выводов.

Стремление связать историческое знание с практикой его массового распространения и воплощения в действительности выдвигает перед историком другую задачу — не замыкаться в рамки избранной узкой специальности, а овладеть широким кругом исторических и жизненных представлений. Плох тот историк, который в известных границах не знает всего хода исторического процесса, не обогащает себя сведениями по смежным дисциплинам — философии, экономике, праву, не впитывает в себя художественных богатств, накопленных человечеством. Историк, как всякий ученый, должен быть широко образованным человеком, следить за успехами не только собственной дисциплины, но и других наук. Только тогда его мысль будет способна глубоко проникать в существо исторических явлений, всесторонне анализировать намеченные объекты и делать широкие обобщения в собственной области. Вот почему я дал бы

---

[12] Материалы XXV съезда КПСС, с. 214.

совет каждому молодому историку не превращаться в сухого педанта, подобного гётевскому Вагнеру, а воспитывать в себе великое фаустовское начало — неустанного искания, личного совершенствования, овладения широкими просторами духовного мира. Оговариваюсь,— это стремление вперед не должно убивать принципа научной специализации, оно должно дополнять и углублять специальные знания и навыки в пределах, устанавливаемых личными способностями и внешними условиями жизни.

Я считаю, что успеху в осуществлении этой задачи очень способствуют не только энергия и целеустремленность, но и выработка в себе способности самостоятельно, без всякой опеки, вести научно-историческую работу. Конечно, консультации руководителей и сообщение справок помогают беспрепятственному и быстрому продвижению вперед, но они не должны превращаться в постоянные подпорки, которые устраняют необходимость личных, иногда трудных усилий в преодолении возникающих препятствий. Принцип самодеятельности должен пронизывать всю подготовку начинающего историка, иначе он не приобретет той творческой самостоятельности, без которой немыслим настоящий ученый, смелый искатель истины, способный находить и отстаивать собственные, им самим выношенные выводы. Я желаю нашим молодым историкам включить этот принцип в свой «символ веры», не отступать от него во имя личных практических соображений, не поддаваться дурному обычаю — избирать легкие, «общепринятые» темы, подгонять факты под известные, давно утвердившиеся положения и, страхуя себя от возможных осложнений, оперировать безобидными, «обтекаемыми» формулировками. Духовные искания всегда связаны с возможностью ошибок даже в том случае,

если автор обладает хорошей методологической подготовкой и превосходным знанием предмета.

Требование проявлять максимум самостоятельности нисколько не исключает тесной связи с научным коллективом, внимания и уважения к искренне выраженному мнению товарищей. Наоборот, оно предполагает самое активное участие в научных дискуссиях на принципиальные исторические темы, уменье обосновывать и стойко защищать свои взгляды при совместном обсуждении спорных вопросов. За последнее время такие плодотворные диспуты на специальных сессиях, симпозиумах, конференциях начинают широко входить в обиход нашей научной жизни. Все больше изживается бытовавший обычай поражать своих соперников вырванными цитатами из классиков марксизма и наклеивать неугодному сопернику одиозные политические ярлыки. Борясь за свои выводы, надо одновременно учиться у своих противников, если их аргументы и положения несут в себе что-нибудь ценное, и не отказываться признать их правоту, если она доказана убедительными доводами. Принцип самодеятельности должен умело совмещаться с принципом коллективности, одной из важнейших основ социалистического строя. Молодым историкам (не в меньшей мере, чем старым, выросшим в условиях индивидуалистических форм труда) нужно вырабатывать в себе способность согласованно и дружно работать в научном коллективе, в частности при выполнении плановых коллективных заданий. Самостоятельность, личная инициатива, воспитание навыков самодеятельности вовсе не означают общественной изоляции, превращения ученого в замкнутого анахорета, который наедине с собой — и только с собой — обособленно созидает собственное произведение.

Мое последнее пожелание молодым историкам — при достижении поставленных исследовательских задач вырабатывать для себя систему планомерного, упорного, настойчивого труда. Какие бы дарования ни отличали ученого, какая бы замечательная работоспособность ни была его счастливым природным качеством, рассчитанная систематическая работа, строго осуществляемая в жизни, является обязательным условием научных успехов. Каждый подлинный ученый в известной степени должен быть подвижником: он вынужден жертвовать личными удовольствиями и благами своему основному научному призванию. Ученый — это одинаково относится и к историкам — не может строить своего научного здания только на вдохновенных порывах и окрыляющей интуиции. Может быть, историку больше, чем всякому другому ученому, нужно затратить огромный предварительный труд на освоение накопленной литературы и громадных пластов неисследованного архивного материала. Здесь необходимы и строгий расчет своих сил, и упорная выдержка в выполнении черновой работы. Было бы неразумно навязывать сложившуюся технику своего трудового опыта всем остальным историкам, и не в этом моя задача. Мне хочется только подчеркнуть, что тот, кто хочет стать подлинным и полезным научным работником, не должен смотреть на свою профессию как на «легкое» занятие, открывающее дорогу радостной безоблачной жизни. Нет, профессия историка связана с напряженным трудом и требует от человека суровой и длительной школы. Но если историк любит свою науку, если он находит радость в творческих исканиях, если его труд двигает вперед познание прошлого и служит лучшим идеям человечества, он будет вознагражден сознанием своих плодотворных усилий и достигнутых результатов.

В заключение я хотел бы пожелать, чтобы работа историков велась дружно и научные разногласия никогда не превращались в личные столкновения. Творческий труд, основанный на марксистско-ленинской идеологии и чувстве товарищества,— лучший залог успеха всего коллектива и каждого сотрудника в отдельности.

Настоящую книжку я рассматриваю как публичный отчет в своей научной деятельности: моей задачей было поделиться своим рабочим опытом не только с историками, но и с более широким кругом читателей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ
(Ответ М. Н. Покровскому)

В № 63 «Правды» за настоящий год помещена статья М. Н. Покровского «О научно-исследовательской работе историков»[1]. Давая в этой статье общую оценку Институту истории, автор попутно касается моей работы «Журнал землевладельцев»[2]; извлекая из нее отдельные цитаты, он приписывает мне определенную общественно-политическую квалификацию — апологета дворянско-крепостнических поползновений дореформенного периода. Считая, что статья М. Н. Покровского дает неправильное представление о моей работе и порочит мое имя как историка, прошу Вас напечатать на страницах Вашего органа мое настоящее разъяснение.

Исследование о «Журнале землевладельцев», написанное мною в 1923 г. и напечатанное два года тому назад, преследовало определенную задачу: на конкретном анализе сословно-дворянских мнений подтвердить правильность новой материалистической концепции о крестьянской реформе 1861 г. В свете этих данных начавшаяся

---

[1] Правда, 1929, 17 марта, № 63. (Эта и последующие сноски Приложения 1 сделаны редакцией.)

[2] *Дружинин Н. М.* «Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. 1.— Тр. Ин-та истории РАНИОН, 1926, т. I, с. 463—518; то же, ч. 2.— Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН, 1927, т. II, с. 251—310.

ликвидация крепостных отношений объясняется не «гуманной политикой внеклассовой государственной власти», а экономическими интересами господствующего сословия: процесс капитализации неуклонно толкал заинтересованных помещиков на отмену барщины и «внеэкономического принуждения». Эта новая точка зрения на реформу (излагаемая и М. Н. Покровским во всех его работах) разрывает со старой либерально-идеалистической традицией и заставляет под иным углом зрения пересмотреть старые характеристики и оценки. Изучив «Журнал землевладельцев», автор инкриминируемой работы пришел к выводу, что прежнее определение этого журнала как «крепостнического органа» поверхностно и неверно, так как исходит из наивного противопоставления «крепостников» «либералам» и совершенно игнорирует руководящую тенденцию дворянских проектов. «Журнал землевладельцев» — не «крепостнический орган» прежде всего потому, что он не является журналом определенного и строго выдержанного направления: это своеобразная журнальная трибуна, к услугам которой обращались представители разнообразных оттенков дворянской мысли, начиная от тверских либералов и кончая откровенными крепостниками. «Журнал землевладельцев» — не «крепостнический орган» и потому, что преобладавшее в нем течение стремилось не к удержанию крепостных отношений, а к их планомерной ликвидации — в интересах буржуазно-капиталистического развития помещичьего хозяйства.

Правильна ли такая характеристика? И действительно ли эти выводы так далеки от взглядов марксистской историографии? Чтобы ответить на эти вопросы, позвольте разобрать по пунктам обвинения М. Н. Покровского и сопоставить их с его же собственными утверждениями. Подспорьем для этой цели могут служить не только общеисторические труды М. Н. Покровского, но и его специальная работа «Крестьянская реформа», переизданная «Пролетарием» в том самом 1926 г., когда печаталась моя статья о «Журнале землевладельцев» в «Трудах Института истории».

Отвергая старую либеральную характеристику журнала как

«крепостнического органа», я поставил это определение в кавычках, что вызывает явное осуждение М. Н. Покровского. Он предпочитает назвать журнал — без кавычек — «органом крепостнического крыла русской публицистики эпохи крестьянской реформы», очевидно противополагая это другому, некрепостническому, т. е. прогрессивно-либеральному. Если мы просмотрим прежние высказывания М. Н. Покровского, посвященные крестьянской реформе, то узнаем, «как наивно обычное разделение помещиков конца 50-х годов на «крепостников» и «либералов» (Русск[ая] история, т. IV, с. 72): «Если мы часто встречаем упоминание о «крепостниках» в губернских комитетах, если мы слышим, что «либералы» всюду, кроме тверского комитета, составляли меньшинство, то это значит лишь, что комитеты более или менее последовательно проводили классовую помещичью точку зрения на реформу, причем, как мы увидим, «либералы» отличались от «крепостников» более в собственном воображении и изображении, чем объективно» (Крестьянская реформа, с. 47). Исходя из этой правильной мысли, которую разделяет и автор инкриминируемой статьи, М. Н. Покровский неизменно сопровождает слово «крепостник» кавычками, оттеняющими условное и далеко не точное значение этого термина в применении к помещикам 1850-х годов (напр[имер], Крестьянская реформа, с. 42, 44; Очерк истории русской культуры, ч. I, с. 120; Русская история, т. IV, с. 81)[3].

Подведя итоги обмену мнениями на страницах «Журнала землевладельцев», я приходил к выводу, что «наиболее активное и вдумчивое большинство помещиков» прекрасно разобралось в своих классовых интересах и выдвинуло соответствующую продуманную «программу». Такая квалификация помещиков также вызвала явное

---

[3] *Покровский М. Н.* Русская история с древнейших времен. 7-е изд. Т. IV. М.— Л., 1925; *он же.* Крестьянская реформа. [Харьков], 1926; *он же.* Очерк истории русской культуры. 5-е изд. Ч. I. Пг., 1923.

осуждение М. Н. Покровского, который сопроводил слово «вдумчивое» двумя восклицательными знаками. Как же он сам оценивает дворянское большинство кануна «эмансипации»? В свое время, охарактеризовав социально-экономические проблемы, связанные с крестьянской реформой, М. Н. Покровский дал этому большинству следующую характеристику: «Все эти вопросы нашли себе в губернских комитетах очень компетентных и тонких судей: легенда, пущенная в ход тогдашним чиновничеством о неспособности и невежестве большинства заседавших в комитетах помещиков, должна быть окончательно оставлена». (Далее следует длинная цитата из А. Корнилова, которая подчеркивает сознательность и активность дворянского большинства, прекрасно уживавшуюся в нем с сословным и классовым эгоизмом. — Крестьянская реформа, с. 49—50). Этот правильный вывод подтверждается неопровержимыми фактами и вполне согласован с материалистическим взглядом на крестьянскую реформу 1861 г.

Давая общую характеристику «Журнала землевладельцев», я опирался на всесторонний анализ его содержания, выясняя не только взгляды сотрудников на все вопросы крестьянской реформы, но и принципиальные предпосылки этих взглядов (что особенно важно). М. Н. Покровский предпочитает игнорировать эту аргументацию: оказывается, все дело — в подсчете статей за выкуп и против выкупа. Но, прибавляет Покровский, «писать прямо в защиту крепостного права после рескриптов Александра II было нецензурно», а «под выкупом земли фактически скрывался выкуп личности»; следовательно, ссылка на выкупное течение — не аргумент против «крепостничества» журнала.

Так ли это?... Прежде всего ссылка М. Н. Покровского на мои собственные справки о цензуре («см. стр. 262») крайне неудачна; я утверждаю как раз то, что он пытается теперь опровергнуть, но что он сам в 1926 г. признавал и обосновывал в своей специальной работе: «Правительство всячески стесняло наиболее прогрессивные проекты — выкупа наделов в собственность крестьян — порою даже

запрещало суждения об этом,— и потому немногие высказавшиеся в этом смысле комитеты должны были преодолеть значительное сопротивление» (Крест[ьянская] реф[орма], с. 53). М. Н. Покровский не ограничился тогда краткой характеристикой правительственного «гонения»: он рассказал и об отставке Кавелина, и о цензурном циркуляре против статей о полном освобождении, и о гибели журнала «Сельское благоустройство». «Влачил свое существование,— и то с затруднениями — только защищавший интересы помещиков «Журнал землевладельцев» (Крест[ьянская] реф[орма], с. 33—34). Все эти факты показывают, что в период губернских комитетов нецензурным было «выкупное» течение, а не «крепостническое». Если М. Н. Покровский потрудился прочесть мою работу, то он должен был убедиться, что открытые крепостники, составлявшие меньшинство сотрудников «Журнала землевладельцев» (Мещеринов, Налетов, Протасьев и др.), свободно высказывались на его страницах: цензура их не стесняла, но она очень мешала в течение всего 1858 г. проявиться выкупному течению, представленному Унковским, Кавелиным и пр. (ср. т. II, с. 262; т. I, с. 480—481).

Почему цензура мешала им — об этом подробно рассказал когда-то сам М. Н. Покровский: отсталым помещикам-феодалам, которых поддерживало вначале правительство, он противопоставил передовое течение помещиков-буржуа, которые стремились ликвидировать «внеэкономическое принуждение» и руководились манчестерскими воззрениями. «Этой категории передовых помещиков совсем неинтересна была барщина, осужденная и экономической наукой, и их собственными опытами. Они желали начать новое хозяйство на чисто новых началах. Густота населения, удобные пути сообщения, близость рынков сбыта давали, по их мнению, полную объективную возможность этого, но им нужен был к а п и т а л. Единственное средство получить его они видели в выкупе за деньги тех самых повинностей, которые были обещаны помещикам рескриптом — в форме выкупа надела» (Крест[ьянская] реформа, с. 52—53). Совершенно правильно М. Н. Покровский видит наиболее яр-

кое выражение этого передового, буржуазно-капиталистического (а следовательно, антикрепостнического) течения в Тверском комитете,— в том самом комитете, который придумал градацию повинностей, маскировавшую выкуп личности. «Что под выкупом земли фактически скрывался выкуп личности, это знает каждый студент», но каждый студент должен помнить и то, о чем всегда говорил М. Н. Покровский: что выкупное течение наиболее последовательно отразило в себе буржуазную идеологию тех землевладельцев, которые стремились перейти от крепостного хозяйства к хозяйству капиталистическому. Преобладание выкупного течения в «Журнале землевладельцев» вполне гармонирует с его буржуазно-манчестерскими статьями — о развитии «коммерческого земледелия», о поднятии сельскохозяйственной техники, о необходимости капиталов, о непроизводительности барщинного труда, о развитии личной предприимчивости и т. д.

Если мы примем во внимание этот основной доминирующий тон журнальных статей, то несколько иначе воспримем «цитаты, из которых прет крепостнический дух». М. Н. Покровский искусно скомбинировал отдельные выдержки, которые раскрывают мотивы помещиков, требовавших ограничения земельного надела. Но он предпочел умолчать, что это мнение одного из течений по одному из вопросов предпринятой реформы. Правда, это течение было численно преобладающим, а затронутый вопрос — одним из наиболее важных; но указанные desiderata (кстати сказать, формулированные наименее прогрессивными сотрудниками — Чарыковым, Н. Никифоровым, Башкатовым) далеко не исчерпывают «программы» дворянского большинства, как это можно было бы подумать из упрощенного изложения М. Н. Покровского.

Чтобы оценить ту или иную цитату, необходимо взять ее в окружающем контексте. По мнению М. Н. Покровского, приведенных цитат совершенно достаточно, чтобы поразить автора инкриминируемой статьи: как же не «крепостнический орган», если он требовал «нерасторжимо скрепить крестьянина с землей»?... Нам думается,

что такое умозаключение было бы крайне неточным и что научный анализ требует подробного раскрытия экономических мотивов, в какую бы фразеологию — либеральную или крепостническую — они ни облекались. Куда же направлялись эти мотивы сотрудников «Журнала землевладельцев» — к увековечению крепостного режима или к замене отжившего крепостного хозяйства более прогрессивным капиталистическим?

С точки зрения марксизма крепостная система основана на принудительном барщинном труде и характеризуется четырьмя основными условиями: 1) господством натурального хозяйства, 2) прикреплением производителя к земле, 3) личною зависимостью крестьянина от помещика («внеэкономическим принуждением», по выражению Маркса) и 4) низким состоянием техники (*Ленин*, 1-е изд., т. III, с. 143—144)[4]. Если мы вчитаемся в содержание «Журнала землевладельцев», то убедимся, что некоторые сотрудники (составлявшие ничтожное и наименее влиятельное меньшинство) действительно вдохновлялись этим отжившим хозяйственным идеалом (что и было подчеркнуто автором работы). Наоборот, подавляющее большинство открыто осуждало эту систему — не из гуманных, а из чисто классовых материальных соображений: сотрудники журнала наперебой доказывали вредное влияние барщинного труда и требовали замены его трудом вольнонаемным; приветствовали расширение денежного оборота и строили расчеты на его дальнейшем развитии; видели спасение и расцвет помещичьего хозяйства в поднятии сельскохозяйственной техники и быстром изживании рутины; расписывались под идеей личной свободы крестьянина, так как считали «патриархальные связи» отяготительными для помещика и тормозящими хозяйственное развитие; наконец, высказывались против юридического прикрепления крестьян к земле, которое Маркс

---

[4] См.: *Ленин Н. (Ульянов В.).* Собрание сочинений. Т. III. Развитие капитализма в России. М.— Л., 1925; ср.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 3, с. 184—185.

называл «прикреплением к земле в качестве придатка последней, принадлежностью в настоящем смысле этого слова» (Капитал, т. III, гл. 47)[5]. Такова была основная позиция преобладающего течения, которая бросает яркий свет на движущие силы крестьянской реформы. По своему содержанию это была не крепостническая программа, а программа развивающегося аграрного капитализма, который подрывал устои не только принудительной барщины, но и шире — отработочной ренты. Исходя из этих,— далеко не крепостнических мотивов,— практики-землевладельцы выискивали наименее рискованные пути для реализации буржуазной программы. Руководствуясь не крестьянскими и не «общегосударственными», а классово-помещичьими интересами, они упирались в недостаток капиталов и рабочей силы, без которых невозможно никакое капиталистическое предприятие. Отсюда их сомнения и попытки экономического компромисса, которые толкали вправо и мешали принципиальной выдержанности руководящей линии. Отсюда зигзаги и непоследовательность Желтухина, который при всех своих тактических маневрах оставался убежденным противником крепостного режима. Отсюда и проект земельных «отрезков», который должен был, с точки зрения большинства сотрудников, обеспечить заводимое вольнонаемное хозяйство, с одной стороны, дешевой рабочей силой, с другой стороны, некоторым излишком в виде получаемой земельной ренты. По мнению помещиков, ощущение земельной нужды должно было стимулировать производительность труда юридически свободного крестьянина — другими словами, гнать его в барскую экономию в качестве вольнонаемного батрака, так же как оно гнало его на городскую фабрику и превращало в наемного пролетария. Такая постановка вопроса вносила ограничивающий корректив в первоначальную антикрепостническую программу, звучала известным противоречием манчестерской доктрине,

---

[5] *Маркс К.* Капитал, т. III, ч. 2. 3-е изд. М.— Л., 1928, с. 266—267; ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 25, ч. II, с. 354.

и автор работы не скрыл этого от своего читателя (т. I, с. 507; т. II, с. 276). Объективно такая постановка привела к частичному сохранению отработочной системы, которая сильно тормозила последующее капиталистическое развитие: таков был неизбежный результат «прусской системы» аграрного капитализма,— может быть, менее жестокой, чем английская, но поставившей в мучительные условия крестьянские массы «пореформенной России». Однако, учитывая этот несомненный исторический факт, необходимо помнить два обстоятельства. Урезывая наделы и, следовательно, объективно удерживая отработочную систему, преобладающее течение исходило не из крепостнического преклонения перед патриархальной барщиной (как это делали открытые или замаскированные крепостники вроде Мещеринова, Налетова и пр.), а из стремления преодолеть отжившую барщину приемами капиталистического хозяйства (картину этого последующего преодоления, как известно, дал Ленин в своем «Развитии капитализма»). С другой стороны, экономическая история показывает, что отработки, издольщина, кабальные сделки — очень живучие явления, что они долго удерживаются как пережитки прошлого на почве развитого капиталистического хозяйства. Несмотря на радикальный «американский» путь развития, Соединенные Штаты сохраняли издольщину не только на бывшем рабовладельческом юге, но и на передовом промышленно-капиталистическом севере (*Ленин*, 1-е изд., т. IX, с. 204—205, 259)[6]. Этот пример лишний раз подчеркивает правильность положения, которое было установлено Марксом и неоднократно подчеркивалось Лениным: капитал застает разнообразные формы землевладения и землепользования, подчиняет их своему влиянию; преобразует — частью разрушает, частью использует, иногда сохраняя и даже восстанавливая отсталые отношения, если это обещает ему несом-

---

[6] См.: *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собр. соч. Т. IX. Аграрный вопрос. М.— Пг., 1923; ср.: *Ленин В. И*. Полн. собр. соч., т. 27, с. 142—143, 210.

ненные реальные выгоды (*Ленин*, т. IX, с. 201, 234, 259) [7]. Соответственно варьируется идеология носителей капитала, которая может впадать в противоречия, выдвигать архаические точки зрения, но в основном остается антикрепостнической, поскольку систему барщинного труда и внеэкономического принуждения она стремится заменить системой вольного найма и свободных юридических отношений. Именно такую позицию занимало большинство сотрудников «Журнала землевладельцев», которые вдохновлялись идеей рационального капиталистического земледелия, освобожденного от оков патриархального правового института.

Мне остается ответить на последний пункт обвинения моего критика. Подводя итоги изучению журнала, я даю заключение, которое очень искусно цитирует М. Н. Покровский — искусно с точки зрения поставленной им задачи: доказать крепостнические устремления разбираемого автора. Он вырывает из контекста две строки, которые относятся к характеристике изученных мною статей: «Перед нами выступал великорусский центр как некоторое экономическое единство, как цельный комплекс хозяйственных отношений». Эти строки М. Н. Покровский снабжает собственным комментарием, который гласит следующее: «Не то, чтобы выступала классовая борьба и лютое эксплуататорство. Нет, просто «комплекс» добрых великоруссов: все равно, как вот теперь у французов и негров в Конго — комплекс». Смысл комментария ясен: под «экономическим единством» автор работы разумеет доброе согласие между эксплуатирующими помещиками и эксплуатируемыми крестьянами; он отрицает всякий классовый антагонизм и в «Журнале землевладельцев» видит не отражение классовой помещичьей программы, а торжество великорусского национального начала! Достаточно бегло просмотреть предыдущие и последующие строки, смежные с цитатой, чтобы убедиться в полном извращении моей мыс-

---

[7] См.: *Ленин Н. (Ульянов В.)*. Собр. соч. Т. IX. Аграрный вопрос. М.— Пг., 1923; ср.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 27, с. 138, 180, 211.

ли: весь абзац посвящен выяснению той группы землевладельческого класса, которая отразила свои стремления и взгляды в «Журнале землевладельцев». Определяя состав этой группы, автор сопоставляет помещиков промышленного района и черноземной полосы и совершенно ясно раскрывает понятие «экономического единства, как цельного комплекса хозяйственных отношений». «Помещики промышленной нечерноземной полосы и помещики хлебородного черноземного центра были спаяны между собой единством внутреннего рынка, связью денежного оборота, общностью новых капиталистических отношений и нового предпринимательского духа. При всех многообразных местных различиях они исходили из одних и тех же предпосылок и приходили к одним и тем же выводам» (из каких предпосылок и к каким выводам, ясно из предыдущего изложения: из стремления капитализировать свое помещичье хозяйство — к программе ликвидации крепостных отношений на определенных условиях, наиболее выгодных для того же помещичьего хозяйства). Продолжая классовый анализ разобранного журнала, я приходил к выводу, что перед нами — средние землевладельцы определенной хозяйственной полосы Европейской России: по формально-национальному признаку это был великорусский исконно исторический центр, по экономическому признаку (который и лег в основание моих выводов)— это был район наибольшего развития крепостных отношений, в котором взаимно зависели друг от друга индустриальный север и хлебородный юг (ср. т. II, с. 309; т. I, с. 475—477). Тем самым разобранное течение отмежевывалось от других параллельных и противоборствующих течений, которые одновременно принимали участие в обсуждении крестьянского вопроса. Не только заключение, но и все содержание работы проникнуто одной основной идеей: «Журнал землевладельцев»—«сословно-классовый орган», его сотрудники — яркие носители классовой точки зрения, «которые откровенно апеллировали к своим материальным интересам», более откровенно, чем их левые соседи — либеральные помещики Тверского и прочих комитетов (см., напр[имер],

т. I, с. 483—484). В этом смысле трактованы все статьи журнала, выступающие перед читателем как момент классовой борьбы в определенный период исторической жизни. Если автор не употреблял слов «лютое эксплуататорство» и вообще не прибегал к агитационным приемам, то это вполне понятно по самому характеру его работы: научное исследование убеждает логическими доводами и фактическою обоснованностью, а не бьющею хлесткостью своего внешнего стиля.

М. Н. Покровский не ограничился опровержением моей характеристики «Журнала землевладельцев»,— он сделал определенный вывод, на котором построил общественно-политическую оценку моего научного выступления: «...Дружинин комплексируется с помещиками, которые сознательно готовили в 1861 году систему земельного ростовщичества. Какое торжество комплексного метода!» Смысл этого места тоже достаточно ясен: через несколько строк моя работа названа «апологией Журнала землевладельцев». Апология предполагает полное согласие апологета с восхваляемым объектом; следовательно, Дружинин исходит из тех же крепостнических воззрений, симпатий и оценок, из каких исходили ростовщики-эксплуататоры.

Спрашивается, на каких фактах построено такое неожиданное умозаключение? В каком месте своей статьи я одобрял не только крепостнические, но и какие-либо другие мнения изучаемого органа? Разве отвергать квалификацию «Журнала землевладельцев» как «крепостнического органа» значит восхвалять противоположное буржуазно-капиталистическое течение? Разве прекращение крепостной эксплуатации прекращает всякую другую эксплуатацию, а «земельное ростовщичество» свойственно только крепостному хозяйству?...

Утверждать, что помещики «искусно комбинировали факты и понятия, умели содержательно и точно аргументировать», не значит солидаризироваться с самыми понятиями и аргументами: не забудем, что М. Н. Покровский тоже признает помещиков «компе-

тентными и тонкими судьями». Находить в рассуждениях определенной части помещиков прогрессивно-буржуазные тенденции (конечно, прогрессивные для своего времени) не значит писать им какую-то «апологию»: не забудем, что мой критик тоже считает представителей выкупного течения «передовыми» авторами «прогрессивных проектов». Смелое заключение М. Н. Покровского о моем умонастроении напоминает аналогичные выводы народника Кривенко, в свое время неудачно полемизировавшего с марксистами: этот добродетельный критик полагал, что если признать прогрессивные тенденции капиталистического развития, то останется только одно — стараться о развитии кулачества, не стесняться «ни открытием лавок и кабаков, ни иною нечистоплотною деятельностью» (цитирую по Плеханову). Я знаю, что М. Н. Покровский мыслит иначе, чем мыслил Кривенко, но ход его рассуждения в данной критической статье построен буквально по той же логической схеме.

Автор инкриминируемого исследования был бы благодарен за указание каждой допущенной ошибки, тем более что статья о «Журнале землевладельцев» была его первой работой в программе научно-исторической подготовки. Но автор имеет право требовать от оппонентов, чтобы они соблюдали элементарное условие всякой критики: чтобы они правильно передавали его мысли и не приписывали ему таких выводов, которые абсолютно чужды его научным и политическим воззрениям.

Н. Дружинин

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Н. М. ДРУЖИНИНА

1922

Лекционная работа.— Вестн. просвещения, 1922, № 9, с. 248—258.

1924

Марфино.— В кн.: По окрестностям Москвы.— М., 1924, с. 67—71.

Музей Революции.— Вестн. просвещения, 1924, № 10, с. 183—187.

Русские мореплаватели в старой Японии.— Л.: Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1924.— 143 с.

Царицыно.— В кн.: По окрестностям Москвы.— М., 1924, с. 79—85.

1925

Кто были декабристы?— Беднота, 1925, 31 дек.

Кто были декабристы и за что они боролись?— М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925.—112 с.

Петербургский Совет рабочих депутатов 1905 г.— М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925.—32 с.

Самообразовательные экскурсии. Серия листовок Б. № 8. Листовки к экскурсии в Царицыно.— М.: Труд и книга, 1925.—11 с.

То же — № 10. На выставку 1905 года.— М.: Труд и книга, 1925.— 20 с.

1906 год. Вступ. статья.— В кн.: Григорович Е. Ю. Зарницы: Наброски из истории революционного движения 1905—1907 гг.— М., 1925, с. 7—19.

Там же.— Примечания.— М., 1925, с. 106—113.

Рец. на кн.: Аксельрод Л. И. Этюды и воспоминания.— Л., 1925.— Каторга и ссылка, 1925, кн. 8, с. 279—260.

1926

Выставка 1905 г.— Наука и искусство, 1926, № 1, с. 177—180.

Деятельность секции по изучению декабристов и их времени при Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев: (Отчет).— Каторга и ссылка, 1926, кн. 5, с. 296—297.

«Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. 1. Тр./Ин-т истории РАНИОН, 1926, т. 1, с. 463—518.

Кто были декабристы и за что они боролись? — 2-е испр. и доп. изд.— М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1926.—128 с.

Музей Революции СССР как объект экскурсионного изучения.— На путях к новой школе, 1926, № 1, с. 111—115.

От составителей.— В кн.: По революционной Москве: Историко-топограф. справочник-путеводитель.— М., 1926, с. 9—16.

Революционное движение в Москве. Ввод. очерк.— Там же.— М., 1926, с. 17—60.

Член Исполнительного комитета партии «Народная воля» Анна Васильевна Якимова (Кобозева).— М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1926.— 48 с.

Экскурсия на выставку «1905 г.» — В кн.: 1905 год в экскурсиях по Москве.— М., 1926, с. 63—83.

Обзор журнала «Красный архив», тт. 13—14.— Каторга и ссылка, 1926, кн. 5, с. 266—267.

Сост.: Русская революция в произведениях изобразительного искусства.— Выставка картин, рисунков и скульптур: [Каталог].— М.: Музей Революции СССР, 1926.—52 с. (Совместно с В. В. Журавлевым и Н. М. Щекотовым.)

Рец. на кн.: Вакар В. Накануне 1905 г. в Киеве (июльская стачка 1903 г.).— Киев, 1925.— Каторга и ссылка, 1926, кн. 6, с. 251.

Рец. на кн.: Иренин М. Первый Совет рабочих депутатов.— Л., 1925; Воспоминания членов СПб. Совета рабочих депутатов.— Л., 1926.— Каторга и ссылка, 1926, кн. 5, с. 277—278.

Рец. на кн.: Манилов В. Вооруженное восстание в частях киевского гарнизона (ноябрь 1905 г.).— Киев, 1926; Манилов В. Киевский Совет рабочих депутатов в 1905 г.— Киев, 1926.— Там же, 1926, кн. 7-8, с. 355—356.

Рец. на кн.: Романовская Н. Подпольная типография в Миусском районе в 1905 г.— М., 1926.— Вестн. просвещения, 1926, № 5—6, с. 222—223.

Рец. на кн.: Рожков Н. 1905 год: Ист. очерк.— Л.; М., 1926.— Каторга и ссылка, 1926, кн. 2, с. 259—261.

Рец. на кн.: 1905 год в Иваново-Вознесенском районе.— Иваново-Вознесенск, 1925.— Там же, 1926, кн. 1, с. 260—262.

Ред.: По революционной Москве: Историко-топограф. справочник-путеводитель.— М.: Изд-во Моск. коммун. хоз-ва, 1926.— 335 с.

1927

В страну туркмен и узбеков: (Туркмено-Хивинская экспедиция Н. Н. Муравьева).— Л.: Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1927.— 118 с.

«Журнал землевладельцев» 1858—1860 гг., ч. 2.— Уч. зап. / Ин-т истории РАНИОН, 1927, т. 2, с. 251—310.

Методическое введение.— В кн.: Октябрь в экскурсиях по Москве.— М., 1927, с. 7—22.

Методы историко-революционной экспозиции.— В кн.: Музей Революции СССР.— М., 1927, сб. 1, с. 23—33.

Письмо в редакцию (по поводу рецензии А. Аросева на справочник «По революционной Москве»).— Печать и рев., 1927, № 8, с. 215—217.

Рец. на кн.: Декабристы: Сб. материалов.— Л., 1926.— Каторга и ссылка, 1927, кн. 7, с. 223—227.

Рец. на кн.: Полосин И. И. Крестьянская революция (XVII век).— М., 1926.— Там же, 1927, кн. 2, с. 286—287.

1928

Конституция Никиты Муравьева: (Происхождение и различия вариантов).— В кн.: Декабристы и их время.— М., 1928, т. 1, с. 62—108.

Рец. на кн.: Декабристы: Сб. материалов.— Л., 1926.— Сев. Азия, 1928, № 1, с. 112.

Ред. и предисл.— В кн.: Альбом по истории ВКП(б). 1874—1917.— М.: Изд. Музея Рев., 1928.—144 с.

1929

Масонские знаки П. И. Пестеля.— В кн.: Музей Революции Союза ССР. Сб. статей.— М., 1929, сб. 2, с. 12—49.

Музей Революции СССР: К 5-летию со дня основания.— Красная нива, 1929, № 23, с. 13.

Приключения капитана Головнина.— 2-е изд.— Л.: Изд-во Брокгауз — Ефрон, 1929.—189 с.— Загл. 1-го изд.: Русские мореплаватели в старой Японии.

1930

Анна Васильевна Якимова — член Исполнительного комитета партии «Народная воля».— 2-е изд., испр. и доп.— М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930.—48 с.

Инструкция научным работникам Музея Революции СССР.— В кн.: Справочник Музея Революции СССР.— М., 1930, вып. 1, с. 17—19.

Инструкция по собиранию материала Музеем Революции СССР.— Там же.— М., 1930, вып. 1, с. 19—22.

Музей Революции СССР.— МСЭ, 1930, т. 5, с. 440—441.

О предстоящем музейном съезде.— В кн.: Справочник Музея Революции СССР.— М., 1930, вып. 1, с. 4—6.

Обмен опытом между историко-революционными музеями.— Там же.— М., 1930, вып. 1, с. 6—8.

Принципы экспозиции музейного материала.— Бюлл. Центр. совета Всес. о-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930, № 5-6, с. 12—14.

Производственная работа Музея Революции СССР в 1929/30 г.— В кн.: Справочник Музея Революции СССР.— М., 1930, вып. 1, с. 42—45.

Путеводитель по Музею Революции СССР: Отд. 1—2, 3, 5—6, 7, 8—9.— М.: Изд. Музея Рев., 1930—1931.

Работа Музея Революции СССР.— В кн.: Справочник Музея Революции СССР.— М., 1930, вып. 1, с. 45—47.

Семейство Чернышевых и декабристское движение.— В кн.: Ярополец: Сб. статей.— М., 1930, с. 17—47. (Тр. О-ва изуч. Моск. обл., вып. 8).

1931

История Пролетарской (б. Рогожско-Симоновской) большевистской организации (1906—1916).— М.; Л.: Моск. рабочий, 1931.—128 с.

Классовая борьба как предмет экспозиции историко-революционного музея.— Сов. музей, 1931, № 1, с. 32—50.

Материалы по реэкспозиции отдела «Народная воля».— В кн.: Справочник Музея Революции СССР.— М., 1931 вып. 3, с. 21—30.

Пятидесятилетие 1 марта 1881 г. в Музее Революции СССР.— Там же.— М., 1931, вып. 3, с. 14—21.

Этикетаж историко-революционного музея.— Сов. музей, 1931, № 3, с. 63—76.

Les musées de la révolution dans l'USSR.— Volks, 1931, № 10-12, p. 126—132. Журн. выходит также на англ. и нем. яз.

Рец. на кн.: Крепостная Россия.— Л., 1930.— Каторга и ссылка, 1931, кн. 1, с. 239—242.

Рец. на ст.: Розенталь Л. В. Печатное слово в массовой работе музея («Научный работник», 1930, № 5-6).— Сов. музей, 1931, № 1, с. 118—119.

Рец. на кн.: Шмит Ф. И. Музейное дело. Вопросы экспозиции.— Л., 1929.— Там же, 1931, № 4, с. 124—127.

1932

Декабристы: [Текст к диапозитивам].— М.: Ф-ка учеб. пособий, 1932.—10 с.

Записи С. П. Трубецкого: (Из архива Якушкиных). Публ. и коммент.— В кн.: Декабристы и их время.— М., 1932, т. 2, с. 9—22.

Крестьянские восстания XVII века.— М.: Союз учеб. пособий, 1932.— 10 с.

Музей Революции СССР во второй пятилетке.— В кн.: Музей Революции СССР.— М., 1932, сб. 4, с. 52—64. (Совместно с Н. М. Барсовой и А. В. Шестаковым.)

Народная воля.— М.: Ф-ка учеб. пособий, 1932.— 10 с.

Работа по учету и охране памятников революционного движения.— В кн.: Справочник Музея Революции СССР.— М., 1932, вып. 4, с. 39—41.

Рогожская организация РСДРП(б) в 1906—1916 гг.: Автореф.— В кн.: Музей Революции СССР.— М., 1932, сб. 3, с. 48—58.

С. П. Трубецкой как мемуарист.— В кн.: Декабристы и их время.— М., 1932, т. 2, с. 23—43.

Н. Г. Чернышевский и его время.— В кн.: Лернер Н. Н. Чер-

нышевский и Александр II. Пьеса: (Программа).— М., 1932, с. 3—13.

Рец. на кн.: Мансуров А. А. Техника музейного дела.— М., 1931.— Сов. музей, 1932, № 2, с. 124—126.

1933

Декабрист Никита Муравьев.— М.: Изд-во О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1933.—404 с.

В. Г. Перов и его картина «Суд Пугачева».— В кн.: Музей Революции СССР.— М., 1933, сб. 5. с. 48—90.

1934

Как собирать революционные материалы.— В кн.: Справочник Музея Революции.—М., 1934, вып. 6, с. 115—122.

То же.— М.: Изд. Музея Рев., 1934.—17 с.

Революционное движение в Москве: (от декабристов к народовольцам).— Борьба классов, 1934, № 7-8, с. 80—88.

Целеустановки центрального обществоведческого музея.— Сов. музей, 1934, № 3, с. 5—21.

Рец. на журн.: «Советский музей» — журнал сектора науки Наркомпроса.— М., 1933, № 1, 2, 3.— Плакат и худож. репродукция, 1934, № 2, с. 18—21.

Рец. на журн.: «Советский музей» — издание Музейного отдела Наркомпроса и Изогиза.— М., 1934, № 1, 2.— Там же, 1934, № 10, с. 13—17.

1935

Научная подготовка музейной экспозиции.— В кн.: Методика музейной работы.— М., 1935, с. 17—40. (Тр. Музея Революции СССР, сб. 7).

30-я годовщина «Кровавого воскресенья».— Плакат и худож. репродукция, 1935, № 2, с. 11—13.

14 декабря 1825 г. в Петербурге.— Борьба классов, 1935, № 7-8, с. 37—49.

Рец. на кн.: «Русская правда» по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому.— М.; Л., 1934.— За большевист. книгу, 1935, № 3, с. 16—18.

Рец. на журн.: «Советский музей» 1934, № 4.— Обзор искусств, 1935, № 4, с. 21—22.

Рец. на журн.: «Советский музей», 1935. № 2. — Там же, 1935, № 8, с. 17—18.

Рец. на кн.: Шушканов Н. Крепостной Златоуст. — Свердловск, 1935. — За большевист. книгу, 1935, № 11-12, с. 16—17.

1936

Каховский Петр Григорьевич. — БСЭ, 1936, т. 32, с. 39.

Киселев Павел Дмитриевич. — Там же, 1936, т. 32, с. 441.

Схема программы по истории СССР на 2 курсе ист. фак.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1936. — 9 с.

Рец. на кн.: Восстание Емельяна Пугачева: Сб. документов.— Л., 1935. — Книга и пролет. революция, 1936, № 4, с. 50—52.

1937

Кузьмин Анастасий Дмитриевич. — БСЭ, 1937, т. 35, с. 400.

Какими должны быть исторические практикумы: Постановка практ. занятий по истории СССР на ист. фак. ун-тов. — Высш. школа, 1937, № 2, с. 85—89. (Совместно с др.)

Рец. на кн.: Драницын С. Н. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. — Л., 1937. — Историк-марксист, 1937, кн. 5-6, с. 213—216.

1938

Лорер Николай Иванович.— БСЭ, 1938, т. 37, с. 415.

Лунин Михаил Сергеевич. — Там же, 1938, т. 37, с. 496.

Музей Революции СССР.— МСЭ, 2-е изд., 1938, т. 7, с. 170—171.

1939

Восточная война (1853—1856).— Историк-марксист, 1939, № 2, с. 112—128.

Николай I.— БСЭ, 1939, т. 42, с. 130—133.

Разложение феодально-крепостнической системы в изображении М. Н. Покровского.— В кн.: Против исторической концепции М. Н. Покровского.— М.; Л., 1939, ч. 1, с. 337—386.

1940

Государственные крестьяне в дворянских и правительственных проектах 1800—1833 гг.— Ист. зап., 1940, т. 7, с. 149—181.

История СССР: (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов). Т. 2. Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной.— М.: Соцэкгиз, 1940.—792 с.

То же.— Киев: Наук. думка, 1941.—789 с. укр. яз.

То же.— [Тетр. 1—2].— Тарту: Науч. лит., 1947—1948.— 448 с.; 496 с. эст. яз.

Авт. след. гл.: гл. 10. Углубление кризиса крепостных отношений в России в 20—50-х годах, с. 166—186; гл. 11. Монархия Николая I. Внутренняя политика 1826—1847 гг., с. 186—203; гл. 15. Восточный вопрос (1826—1847 гг.), с. 256—274; гл. 18. Россия и революция 1848 г., с. 307—328; гл. 19. Восточная война (1853—1856 гг.), с. 328—342.

Чл. редкол.: Очерки по истории Московского университета.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1940.— 96 с. (Уч. зап. / Моск. ун-т, вып. 50).

1941

Декабрист И. Д. Якушкин и его ланкастерская школа.— Уч. зап. / Моск. гор. пед. ин-т, 1941, т. 2. Каф. истории СССР, вып. 1, с. 33—96.

1942

Выставка «Отечественная война 1812 г.»— Казахст. правда, 1942, 17 февр.

Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны: Метод. пособие для учителей сред. школ КазССР. Ч. 1. История СССР.— Алма-Ата: НКП КазССР, 1942.—136 с.

Авт. след. разделов: Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII века. с. 34—39; Петр I и его реформы, с. 39—44; Великий полководец Суворов, с. 50—54; Оборона Севастополя, с. 63—66; Великие русские просветители (Герцен, Белинский, Чернышевский), с. 76—83.

Преподавание истории в условиях Великой Отечественной войны: Метод. пособие для учителей сред. школ УзССР. Вып. 4. История СССР.— Ташкент: Узгиз, 1942.—180 с.

То же.— Ташкент: Узгиз, 1943.— 200 с. узб. яз.

Авт. след. разделов: Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII века, с. 51—55; Петр I и его реформы, с. 55—62; Великий русский полководец Суворов, с. 70—75; Оборона Севастополя, с. 83—87; Великие русские просветители (Герцен, Белинский, Чернышевский), с. 87—94.

1943

Гениальный русский полководец А. В. Суворов.— М., 1943.— 59 с.

Национально-освободительное движение казахского народа в конце 1850-х годов.— В кн.: История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней.— Алма-Ата, 1943, т. I, с. 242—257.

Фельдмаршал Кутузов.— Казахст. правда, 1943, 27 апр.

Le général Bagration.— Lit. intern., 1943, № 12, p. 53—57.

Рец. на кн.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 1.— М.; Л., 1941.— Ист. журн., 1943, № 7, с. 79—84. (Совместно с А. М. Панкратовой.)

1944

Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: Автореф. [дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук].— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1944, № 5, с. 225—226.

Синопский бой.— М.; Л.: Военмориздат, 1944.— 40 с.

Рец. на кн.: Тарле Е. В. Крымская война. Т. 2.— М., 1943.— Ист. журн., 1944, № 12, с. 64—68.

1945

Государственная деревня накануне реформы 1837—1838 гг. (Нечерноземный район).— Ист. журн., 1945, № 4, с. 51—63.

С. И. Мицкевич: (Некролог).— Там же, 1945, № 3, с. 93—95.

Русская культура и ее национальные особенности.— Пропагандист, 1945, № 13, с. 23—36.

Синопский бой.— Докл. и сообщ. ист. фак. Моск. ун-та, 1945, вып. 2, с. 31—33.

Спорные вопросы Крымской войны: [по поводу статьи акад. Е. В. Тарле о Крымской войне. Письмо в редакцию].— Ист. журн., 1945, № 4, с. 113—120.

Рец. на кн.: Тарле Е. В. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг.— М., Л., 1945.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1945, № 6, с. 451—452.

Ред.: Айдарова Х. Г. Чокан Валиханов.— Алма-Ата: КазОГИЗ, 1945.—198 с.

1946

Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.—635 с.

Заседание памяти декабристов.— Вопр. ист., 1946, № 4, с. 149—151.

Приуральское возмущение 1834—1835 гг.— Уч. зап. / Моск. ун-т, 1946. вып. 87. История СССР, с. 139—155.

Русская культура и ее национальные особенности.— В кн.: Историческая роль русского народа в Великой Отечественной войне.— М., 1946, с. 29—50.

Сектор истории СССР XIX — нач. XX в. Института истории АН СССР.— Вопр. ист., 1946, № 8-9, с. 154—155.

Социально-политические взгляды П. Д. Киселева.— Там же, 1946, № 2-3, с. 33—55.

Рец. на кн.: Нечкина М. Следственное дело о А. С. Грибоедове.— М.; Л., 1945.— Сов. книга, 1946, № 3-4, с. 78—81.

1947

Москва в годы Крымской войны.— Вестн. АН СССР, 1947, № 6, с. 49—63.

Москва накануне реформы 1861 года.— Вестн. Моск. ун-та, 1947, № 9, с. 41—59.

Рец. на журн.: «Изв. Каз. фил. АН СССР. Сер. ист.» Алма-Ата, 1946, вып. 2.— Вопр. ист., 1947, № 5, с. 150—152.

Рец. на кн.: Нечкина М. В. А. С. Грибоедов и декабристы.— М.; Л., 1947.— Там же, 1947, № 12, с. 101—106.

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 22—24.— М.: Изд-во АН СССР, 1947.

1948

Московское дворянство и реформа 1861 года.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1948, № 1, с. 62—78.

Рец. на кн.: Рштуни В. Крестьянская реформа в Армении в 1870 г.— Ереван, 1947.— Сов. книга, 1948, № 1, с. 62—64.

Рец. на кн.: Туманян О. Е. Развитие экономики Армении с начала XIX в. до установления Советской власти.— Ереван, 1947.— Там же, 1948, № 1, с. 59—62.

Ред.: Славянский сборник: Славянский вопрос и русское общество в 1867—1878 гг.— М.: Гос. б-ка им. Ленина, 1948.— 207 с.

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 25—27.— М.: Изд-во АН СССР, 1948.

1949

Выступление на заседании сессии АН СССР, посвящ. истории отечественной науки.— Вестн. АН СССР, 1949, № 2, с. 123—124.

[Выступление на обсуждении докладов.] — В кн.: Вопросы истории отечественной науки. Общее собрание АН СССР, посвящ. истории отечеств. науки 5—11 янв. 1949 г.— М.; Л., 1949, с. 853—855.

История СССР: (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов).— 2-е изд., испр. и доп. Т. 2. Россия в XIX веке / Под ред. М. В. Нечкиной.— М.: Госполитиздат, 1949.— 871 с.

То же.— Вашингтон, 1953. англ. яз.

То же.— Варшава, 1954. пол. яз.

То же.— Киев: Рад. школа, 1950.— 823 с. укр. яз.

Авт. след. гл.: гл. 1. Государственные крестьяне, с. 35—37; гл. 7. Монархия Николая I. Массовое движение. Внутренняя политика самодержавия в 1826—1847 гг., с. 154—171; гл. 9. Социально-экономические изменения в Казахстане в первой половине XIX в. Казахские восстания 1830—1840-х годов. Культура казахского народа, с. 222—226; гл. 10. Внешняя политика царизма в «восточном вопросе». Россия и славянские народы (1826—1847 гг.), с. 234—252; гл. 13. Революционное движение в конце 1840-х годов — начале 1850-х годов. Россия и революция 1848 г., с. 312—330; гл. 14. Восточная война 1853—1856 гг., с. 331—349.

Казахстан в середине XIX в.— В кн.: История Казахской ССР.— 2-е изд., испр. и доп. Алма-Ата, 1949, т. 1, с. 298—336.

О периодизации истории капиталистических отношений в России.— Вопр. ист., 1949, № 11, с. 90—106.

То же.— Sov. veda. Historie, 1950, № 1—2, s. 49—62. чеш. яз.

То же.— Shigaku Zasshi, 1952, vol. 61, № 1, p. 77—86. яп. яз.

Отв. ред.: Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права. Ч. 1—2.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 366 с.

Отв. ред.: Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.— 392 с.

Отв. ред. и предисл.— В кн.: Шоинбаев Т. Ж. Восстание сырдарьинских казахов под руководством батыра Джанхожи Нурмухамедова (1856—1857).— Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1949.— 106 с.

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 28—30.— М.: Изд-во АН СССР, 1949.

1950

Отв. ред.: Мешалин И. В. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX в.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.—259 с.

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 31—35.— М.: Изд-во АН СССР, 1950.

1951

О периодизации истории капиталистических отношений в России: (К итогам дискуссии).— Вопр. ист., 1951, № 1, с. 56—85.

То же.— In: Zur Periodisierung des Feodalismus und Kapitalismus in der geschichtlichen Entwicklung der UdSSR. Diskussionsbeiträge.— Berlin, 1952, S. 54—77. нем. яз.

То же.— Zeszyty hist. «Nowych dróg», 1951, № 3, s. 153—190. пол. яз.

То же.— Sov. veda. Historie, 1951, № 6, s. 61—91. чеш. яз.

То же.— В кн.: О периодизации истории СССР.— Токио, 1958, ч. 1, с. 65—102. яп. яз.

Программа северных декабристов.— Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос., 1951, т. 8, № 1, с. 35—45.

Четыре этапа разработанной северными декабристами политической программы: [Реф. доклада].— Вестн. АН СССР, 1951, № 3, с. 126—138.

Отв. ред.: Сивков К. В. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в.: По материалам архива степных вотчин Юсуповых.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.— 249 с.

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 36—38.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.

1952

Государственные крестьяне.— БСЭ, 2-е изд., 1952, т. 12, с. 305—307.

Завершение присоединения казахских земель к России.— В кн.: История Казахской ССР.— 3-е изд.— Алма-Ата, 1952, т. 1, с. 263—282.

Киселевский опыт ликвидации общины.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия.— М., 1952, с. 351—372.

Творческий путь академика Б. Д. Грекова.— Изв. АН СССР, Сер. ист. и филос., 1952, № 3, с. 230—238.

Творческий путь академика Б. Д. Грекова: [Реф. доклада на заседании, посвящ. 70-летию со дня рождения акад. Б. Д. Грекова].— Вестн. АН СССР, 1952, № 6, с. 106—107.

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 39—41.— М.: Изд-во АН СССР, 1952.

1953

Чл. редкол.: Исторические записки, тт. 42—44.— М.: Изд-во АН СССР, 1953.

Чл. редкол.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.: В 2-х частях.— М.: Изд-во АН СССР, 1953, Ч. 1 (IX—XIII вв.). Древняя Русь: Феодальная раздробленность. 1953.— 981 с.; Ч. 2. (XIV—XV вв.) Объединение русских земель вокруг Москвы и образование русского централизованного государства 1953.— 809 с.

1954

История СССР: (Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов).— 3-е испр. и доп. изд. Т. 2. Россия в XIX в.: Кризис феодализма. Утверждение капитализма / Под ред. М. В. Нечкиной.— М.: Госполитиздат, 1954.— 848 с.

То же.— Будапешт, 1956.— 866 с. венг. яз.

То же.— Пекин, 1959.— 566 с. кит. яз.

То же.— Пхеньян, 1957.— 576 с. кор. яз.

Авт. след. гл.: гл. 1. Государственные крестьяне, с. 24—26; гл. 6. Внутренняя политика самодержавия в 1826—1847 гг. Массовое движение, с. 136—152; гл. 7. Внешняя политика царизма в 1826—1849 гг. «Восточный вопрос». Царизм и революция 1848—1849 гг., с. 153—178; гл. 8. Формирование революционно-демократического лагеря в общественном движении народов России, с. 197—203; Революция 1848 г. и отклики на нее в России. А. И. Герцен и революция 1848 г., с. 209—215; гл. 9. Крымская война (1853—1856 гг.), с. 216—234; гл. 11. Социально-экономические изменения в Казахстане в первой половине XIX в., с. 348—351.

Конфликт между производительными силами и феодальными отношениями накануне реформы 1861 года.— Вопр. ист., 1954, № 7, с. 56—76.

То же.— Zagadnienia nauki hist., 1955, № 1, s. 49—78. пол. яз.

Москва в годы Крымской войны.— В кн.: История Москвы.— М., 1954, т. 3, с. 728—783.

Москва и реформа 1861 года.— Там же.— М., 1954, т. 4, с. 13—57.

Предисловие.— В кн.: Очерки из истории движения декабристов: Сб. статей.— М., 1954, с. 3—14.

Проблема конфликта между производительными силами и феодальными производственными отношениями накануне 1861 г.— Докл. и сообщ. / Ин-т истории АН СССР, 1954, вып. 1, с. 62—76.

То же.— Сэкайси Кэн'кю, 1956, вып. 13, с. 1—14; 1957, вып. 14—15, с. 26—37. яп. яз.

Рец. на кн.: История Белорусской ССР. Т. 1.— Минск, 1954.— Правда, 1954, 4 окт. (Совместно с А. В. Ивановым, В. Д. Королюком и А. Н. Мальцевым.)

Ред.: История Москвы: В 6-ти томах. Т. 3. Период разложения крепостного строя.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 872 с. (Совместно с М. К. Рожковой.)

Ред.: Очерки из истории движения декабристов: Сб. статей.— М.: Госполитиздат, 1954.— 580 с. (Совместно с Б. Е. Сыроечковским.)

Чл. редкол.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 814 с.

1955

Вступительное слово [на науч. сессии Отд-ния ист. наук АН СССР, посвящ. столетию Севастопольской обороны в Крымской войне 1853—1856 гг.].— Докл. и сообщ. / Ин-т истории АН СССР, 1955, вып. 5, с. 5—7.

Генезис капитализма в России.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 78 с. (Доклады сов. делегации на 10 Междунар. конгрессе историков в Риме).

То же.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 78 с. фр. яз.

На 10 Международном конгрессе исторических наук.— Вестн. АН СССР, 1955, № 12, с. 52—57.

Чл. редкол.: Из истории социально-политических идей: Сб. статей к 75-летию акад. В. П. Волгина.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 749 с.

Чл. редкол.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Конец XV — нач. XVII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 960 с.

Чл. редкол.: Очерки истории СССР. Период феодализма: XVII век.— М.: Изд-во АН СССР, 1955.— 1032 с.

1956

Генезис капитализма в России.— В кн.: Десятый Междунар. конгресс историков в Риме. Сент. 1955 г.: Доклады сов. делегации.— М., 1956, с. 189—216.

Проблемы истории СССР на 10 Междунар. конгрессе историков в Риме.— Ист. зап., 1956, т. 55, с. 3—26.

Чл. редкол.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия во второй половине XVIII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1956.— 891 с.

1957

Выступление в прениях на 10 Международном конгрессе историков. Рим, 4—11 сент. 1955.— In: Atti del 10 Congresso internationale di scienza storiche. Roma, 4—11 sett. 1955.— Roma, 1957, p. 497, 590, 823.

Государственная деревня центрального промышленного района в 40—50-х гг. XIX в.— Докл. и сообщ. / Ин-т истории АН СССР, 1957, вып. 11, с. 3—24.

Государственная деревня центрального черноземного района в середине XIX в.— В кн.: Вопросы экономики, планирования и статистики: К 80-летию акад. С. Г. Струмилина.— М.; Л., 1957, с. 199—218.

Ответ крестьянства на реформу П. Д. Киселева.— В кн.: Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. статей в память акад. Е. В. Тарле.— М., 1957, с. 405—436.

Отв. ред.: Козьмин Б. П. Русская секция Первого Интернационала.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 410 с.

Чл. редкол.: Из истории общественных движений и международных отношений: Сб. статей в память акад. Е. В. Тарле.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 736 с.

Чл. редкол.: Очерки истории СССР. Период феодализма: Россия во второй четверти XVIII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.— 866 с.

Чл. редкол.: Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти томах. Т. 1—2.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.

1958

Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 2. Реализация и последствия реформы.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 619 с.

Наемный труд государственных крестьян накануне 1861 г.— В кн.: Из истории рабочего класса и революционного движения: Сб. статей.— М., 1958, с. 163—179.

Социально-экономические условия образования русской буржуазной нации.— В кн.: Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей.— М.; Л., 1958, с. 192—230.

Рец. на кн.: Рубинштейн Н. Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.— М., 1957.— Ист. СССР, 1958, № 3, с. 233—237.

Ред.: Вопросы формирования русской народности и нации: Сб. статей.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.— 387 с. (Совместно с Л. В. Черепниным.)

Отв. ред.: Алефиренко П. К. Крестьянское движение в России в 30—50-х гг. XVIII в.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 422 с.

Чл. редкол.: Из истории рабочего класса и революционного движения: Сб. статей памяти акад. А. М. Панкратовой.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.— 795 с.

Чл. редкол.: Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти томах. Т. 3—5.— М.: Изд-во АН СССР, 1958.

1959

История СССР. Т. 2. 1861—1917: Период капитализма. / Отв. ред.: А. Л. Сидоров.— М.: Соцэкгиз, 1959.—786 с.

То же.— Баку: Азеручпедгиз, 1963.—778 с. азерб. яз.

То же.— Рига: Госполитнаучиздат, 1963.— 696 с. лат. яз.

То же.— Вильнюс: Госполитнаучиздат, 1963.— 691 с. лит. яз.

То же.— Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1961.— 822 с. молд. яз.

То же.— Берлин, 1962.— 324—981 с. нем. яз.

То же.— Берлин, 1963.— 400 с. нем. яз.

То же.— Ташкент: Сред. и высш. школа, 1962.— 863 с. узб. яз.

То же.— Киев: Рад. школа, 1963.— 715 с. укр. яз.

То же.— Таллин: Эстгосиздат, 1963.—626 с. эст. яз.

Авт. след. разделов: Назревание революционной ситуации. Предпосылки отмены крепостного права, с. 8—15; Подготовка отмены крепостного права, с. 16—24; Отмена крепостного права, с. 24—36; Высший подъем революционной ситуации, с. 36—42.

Рец. на кн.: Мочалов В. Д. Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX в.— М., 1958.— Ист. СССР, 1959, № 4, с. 171—175.

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1890—1900 гг.: Сб. документов / Под ред. А. В. Шапкарина.— М.: Соцэкгиз, 1959.— 747 с.

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 3.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.— 494 с.

Чл. редкол.: Тарле Е. В. Сочинения: В 12 томах. Т. 6—10.— М.: Изд-во АН СССР, 1959.

1960

Рец. на кн.: У истоков русского книгопечатания: К 375-летию со дня смерти Ивана Федорова (1583—1958).— М., 1959.— Вестн. АН СССР, 1960, № 1, с. 122—125.

Ред.: Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 3.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— 526 с. (Совместно с В. И. Шунковым.)

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1881—1889 гг.:

Сб. документов / Под ред. А. С. Нифонтова и Б. В. Златоустовского.— М.: Соцэкгиз, 1960.— 964 с.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Тт. 19—20, кн. 1—2.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 4.— М.: Изд-во АН СССР, 1960.— 524 с.

1961

Введение.— В кн.: Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. документов / Под ред. С. Н. Валка.— М., 1961, с. 5—8.

Воспоминания и мысли историка. [Из цикла статей «Творческий опыт советских историков»].— Ист. СССР, 1961, № 6, с. 134—165.

Крестьянское движение 1857—1861 гг. по документам центральных исторических архивов СССР.— Вопр. архивоведения, 1961, № 1, с. 17—26.

Купчие земли крепостных крестьян (по данным Главного комитета об устройстве сельского состояния).— В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России.— М., 1961, с. 176—189.

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1826—1849 гг.: Сб. документов / Под ред. А. В. Предтеченского.— М.: Соцэкгиз, 1961.— 984 с.

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1796—1825 гг.: Сб. документов / Под ред. С. Н. Валка.— М.: Соцэкгиз, 1961.— 1048 с.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах Тт 21—25.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Чл. редкол.: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России: Избранные труды.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 766 с.

Чл. редкол.: Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти томах. Т. 11.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 882 с.

1962

Историческое значение Отечественной войны 1812 года.— Вопр. ист., 1962, № 12, с. 48—59.

По поводу рецензии С. С. Дмитриева.— Вопр. архивоведения, 1962, № 4, с. 117—120.

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1850—1856 гг.: Сб. документов / Под ред. С. Б. Окуня.— М.: Соцэкгиз, 1962.— 828 с.

Гл. ред.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР: Сб. статей.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 626 с.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 26.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 543 с.

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5: К 70-летию доктора ист. наук В. К. Яцунского.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 499 с.

Чл. редкол.: Тарле Е. В. Сочинения: В 12-ти томах Т. 12.— М.: Изд-во АН СССР, 1962.— 534 с.

1963

Государственные крестьяне.— Сов. ист. энц., 1963, т. 4, стб. 633—636.

Освободительная война 1813 г. и русское общество.— Вопр. ист., 1963, № 11, с. 34—46.

Открытое письмо итальянскому историку Франко Вентури. [По поводу опубликования в журн. «Rivista storica italiana», 1962, № 1 отклика на статью автора «Воспоминания и мысли историка» («История СССР», 1961, № 6)]. — Ист. СССР, 1963, № 4, с. 182—187.

То же.— Rivista storica italiana, 1963, № 4, 846—854. **ит. яз.**

Предисловие.— В кн.: Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века.— М., 1963, с. 3—12.

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1857 — мае 1861 гг.: Сб. документов / Под ред. С. Б. Окуня и К. В. Сивкова.— М.: Соцэкгиз, 1963.— 882 с.

Гл. ред.: Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История Западной Европы и Америки: Сб. статей.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 317 с.

Отв. ред.: Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма: [Комедия «из былого»].— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 432 с.

Пред. ред. комис.: Панкратова А. М. Формирование пролетариата в России (XVII—XVIII вв.).— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 489 с.

Ред.: Игнатович И. И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века.— М.: Соцэкгиз, 1963.— 465 с.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 27, кн. 1—2; т. 28; т. 29, кн. 1.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Чл. редкол.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: Сб. статей к 70-летию акад. М. Н. Тихомирова.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.— 483 с.

1964

[Выступление в прениях по докладу Б. Н. Пономарева].— В кн.: Всесоюзное совещание о мерах по улучшению подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам. Москва, 1962.— М., 1964, с. 135—139.

Крестьянский вопрос в ранних записках Сперанского.— В кн.: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей.— М.; Л., 1964, с. 254—263.

Ответ Альфредасу Титмонасу.— Ист. СССР, 1964, № 6, с. 201—202.

Ответ Франко Вентури.— Там же, 1964, № 5, с. 194—203.

То же.— Rivista storica italiana, 1964, № 4, p. 1072—1085. ит. яз.

Просвещенный абсолютизм в России.— В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей.— М., 1964, с. 428—459.

Рец. на кн.: Краткая история СССР. Ч. 1.— М.: Л., 1963.— Коммунист, 1964, № 7, с. 123—126. (Совместно с К. Н. Тарновским и Л. В. Черепниным.)

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1861—1869 гг.: Сб. документов / Под ред. Л. М. Иванова.— М.: Мысль, 1964.— 952 с.

Отв. ред.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.): Сб. статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научн. и пед. деятельности Б. Б. Кафенгауза.— М.: Наука, 1964.— 519 с.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 29, кн. 2; т. 30, кн. 1.— М.: Наука, 1964.

Чл. редкол.: Международные отношения. Политика. Дипломатия. XVI—XX вв.: Сб. статей к 80-летию акад. И. М. Майского.— М.: Наука, 1964.— 560 с.

1965

История СССР. Т. 2. 1861—1917 гг. Период капитализма.— 2-е изд., перераб.— М.: Мысль, 1965.— 733 с.

Авт. след. разделов: Назревание революционной ситуации. Предпосылки отмены крепостного права, с. 8—15; Подготовка отмены крепостного права, с. 15—23; Отмена крепостного права, с. 23—36; Высший подъем революционной ситуации, с. 36—42.

Освободительная война 1813 года и русское общество.— В кн.: Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства: Сб. статей.— М., 1965, с. 54—73.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 30, кн. 2.— М.: Наука, 1965.— 430 с.

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 6.— М.: Наука, 1965.— 470 с.

Чл. редкол.: Тарле Е. В. Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств (конец XV — начало XIX в.).— М.; Л.: Наука, 1965.— 427 с.

1966

Воспоминания о Курске.— Уч. зап. / Курский гос. пед. ин-т, 1966, вып. 26 (ист. цикл), с. 10—25.

Выступления.— В кн.: Проблемы советско-итальянской историографии. М., 1966, с. 186—192, 335—339.

Н. М. Лукин в большевистском подполье.— В кн.: Европа в новое и новейшее время. М., 1966, с. 49—54.

Об архивах и архивистах.— Сов. архивы, 1966, № 1, с. 25—30.

Сенаторские ревизии 1860—1870-х годов: (К вопросу о реализации реформы 1861 г.).— Ист. зап., 1966, т. 79, с. 139—175.

Школьный краеведческий кружок «Юные историки».— Ист. СССР, 1966, № 4, с. 224.

A. v. Haxthausen und die russischen revolutionären Demokraten.— In: Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehugen: Festschrift für E. Winter zum 70. Geburtstag. Berlin, 1966, S. 642—658.

Предисл. к ст. «Листая пожелтевшие страницы»: Беседа с историком-демографом В. М. Кабузаном / Записала И. Графова.— Комс. правда, 1966, 26 нояб.

Рец. на кн.: Лебедев А. Чаадаев.— М., 1965.— Коммунист, 1966, № 12, с. 119—128.

Отв. ред.: Гросул В. Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20—30-е годы XIX века).— М.: Наука, 1966.— 408 с.

Чл. редкол.: Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Справочный том.— М.: Наука, 1966.— 430 с.

Чл. редкол.: Города феодальной России: Сб. статей памяти Н. В. Устюгова.— М.: Наука, 1966.— 563 с.

Чл. редкол.: Европа в новое и новейшее время: Сб. статей памяти акад. Н. М. Лукина.— М.: Наука, 1966.— 687 с.

Чл. глав. ред. совета: История СССР. С древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях, в 12-ти томах. Сер. 1-я, тт. 1—2.— М.: Наука, 1966.

1967

Воспоминания и мысли историка.— М.: Наука, 1967.— 114 с., 1 л. портр.

А. Гакстгаузен и русские революционные демократы.— Ист. СССР, 1967, № 3, с. 69—80.

Кризис феодально-крепостнического строя.— В кн.: История СССР: В 12-ти томах.— М., 1967, т. 4, гл. 6, с. 218—255.

Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826—1852 гг.— Там же, гл. 7 (кроме § 6), с. 256—300, 306—314.

По правильному пути: Размышления о книгах.— Учительская газета, 1967, 3 окт.

Сергей Иванович Мицкевич: [Воспоминания].— Ист. СССР, 1967, № 2, с. 111—114.

Der Befreiungskampf von 1813 und die russische Gesellschaft.— In: Der Befreiungskrieg 1813.— Berlin, 1967, S. 59—82.

Чл. глав. ред. совета: История СССР. С древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях, в 12-ти томах. Тт. 3—4, 7—8.— М.: Наука, 1967.

1968

С. И. Лившиц.— Ист. СССР, 1968, № 6, с. 210—213.

Ликвидация феодальной системы в русской помещичьей деревне (1862—1882 гг.).— Вопр. ист., 1968, № 12, с. 3—34.

Мировые посредники 1860—1870-х годов: (К вопросу о реализации реформы 1861 г.).— Тр./Ин-т экономики и права АН ГрузССР, 1968, т. 15, с. 114—127.

Первый демократический подъем в России и отмена крепостного права.— В кн.: История СССР: В 12-ти томах. М., 1968, т. 5, гл. 1, с. 17—92. (Совместно с У. А. Шустером.)

Предисловие.— В кн.: Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.: Сб. документов.— М., 1968, с. 5—52.

Гл. ред.: Крестьянское движение в России в 1870—1880 гг.: Сб. документов / Под ред. П. А. Зайончковского.— М.: Наука, 1968.—613 с.

Чл. гл. ред. совета: История СССР. С древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях, в 12-ти томах. Сер. 1-я, тт. 5—6.— М.: Наука, 1968.

1969

Интервью с академиком Н. М. Дружининым: [О задачах ист. науки].— Вопр. ист., 1969, № 6, с. 96—111.

То же.— Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, 1969, № 12, S. 1205—1245. [Сокращ. вариант.]

Крестьянская община в оценке А. Гакстгаузена и его русских современников.— В кн.: Ежегодник германской истории: Сб. статей. 1968.— М., 1969, с. 28—50.

Чл. редкол.: Сыроечковский Б. Е. Из истории движения декабристов.— М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.— 372 с.

1970

Академик Сергей Данилович Сказкин.— Нов. и новейш. ист., 1970, № 5, с. 228—235 с портр. (Совместно с Е. В. Гутновой и А. Л. Нарочницким.)

Аргунов Павел Александрович.— БСЭ, 3-е изд., 1970, т. 2, с. 182.

Бывшие удельные крестьяне после реформы 1863 г. (1863—1883 гг.).— Ист. зап., 1970, т. 85, с. 159—206.

Важное исследование. Рец. на кн.: Гугушвили П. В. Развитие сельского хозяйства в Грузии и Закавказье в XIX—XX вв. Т. 1.— Тбилиси, 1968.— Экономика, Тбилиси, 1970, № 2, с. 393—397. рус. яз.

The emancipation legislation.— In: Emancipation of the Russian serfs/Ed. by T. Emmons.— N. Y., 1970, p. 19—25. Перевод на англ. яз. раздела кн.: История СССР. Т. 2. 1861—1917 гг. Период капитализма.— М., 1965. с. 23—36.

1971

Герой Социалистического Труда Сергей Данилович Сказкин.— Препод. ист. в школе, 1971, № 1, с. 10—19. (Совместно с А. Л. Нарочницким и Е. В. Гутновой.)

Главный комитет об устройстве сельского состояния.— В кн.: Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова.— Л., 1971, с. 269—286. (Труды ЛОИИ СССР АН СССР, вып. 12).

Исторические взгляды В. В. Берви-Флеровского.— В кн.: Проблемы истории общественного движения и историографии.— М., 1971, с. 312—329.

Н. М. Дружинин — М. Бензингу [Письмо].— Нов. и новейш. ист., 1971, № 1, с. 136—139.

Чл. редкол.: Проблемы истории общественного движения и историографии: К 70-летию акад. Милицы Васильевны Нечкиной.— М.: Наука, 1971.— 472 с.

Чл. глав. ред. совета: История СССР. С древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях, в 12-ти томах. Сер. 2-я, т. 9.— М.: Наука, 1971.— 552 с.

1972

Аграрная реформа 1866 г. и ее последствия.— В кн.: Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина.— М., 1972, с. 148—163, табл.

Больше творчества и самостоятельности. [Выступление в МГИАИ 28 октября 1970 г.: Сокр. стенограмма].— В кн.: Археографический ежегодник за 1971 г.— М., 1972, с. 231—239.

К 90-летию со дня рождения академика Б. Д. Грекова.— Ист. СССР, 1972, № 5, с. 105—108.

Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США.— Нов. и новейш. ист., 1972, № 4, с. 14—35; № 5, с. 59—65.

То же.— Social sciences, 1973, vol. 4, № 3, p. 80—107. англ. яз.

Помещичье хозяйство после реформы 1861 г.: (По данным Ва-

луевской комиссии 1872—1873 гг.).— Ист. зап., 1972, т. 89, с. 187—230.

Чл. редкол.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе: Сб. статей, посвящ. Льву Владимировичу Черепнину.— М.: Наука, 1972.— 439 с.

1973

К вопросу о подборе и обработке исторических источников.— В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей.— М., 1973, вып. 1, с. 145—170.

Моя работа в Музее революции СССР.— В кн.: Музейное дело в СССР.— М., 1973, с. 240—247.

Член-корреспондент АН СССР Яким Сергеевич Гросул.— Нов. и новейш. ист., 1973, № 4, с. 200—204, портр. (Совместно с Н. А. Моховым.)

Besonderheiten der Genesis des Kapitalismus in Rußland.— In: Genesis und Entwicklung des Kapitalismus in Rußland.— Berlin, 1973, S. 26—62.

Отв. ред.: Яцунский В. К. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв.: Избранные труды.— М.: Наука, 1973.— 302 с.

Чл. глав. ред. совета: История СССР. С древнейших времен до наших дней: В 2-х сериях, в 12-ти томах. Сер. 2-я, т. 10.— М.: Наука, 1973.— 782 с.

1974

К вопросу о генезисе капитализма в России.— Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы. Сер. обществ. наук, 1974, № 1, с. 3—13.

Der Aufgeklärte Absolutismus in Rußland.— In: Der Aufgeklärte Absolutismus / Herausg. von Karl Otmar Freiherr von Aretin.— Köln, 1974, S. 315—339.

Чл. редкол.: Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 8. М.: Наука, 1974.— 416 с.

1975

Влияние аграрных реформ 1860-х годов на экономику русской деревни.— Ист. СССР, 1975, № 5, с. 24—35; № 6, с. 22—43.

Декабристы в Москве: Письмо в редакцию.— Лит. газета, 1975, 9 июля, с. 6. (Совместно с М. В. Нечкиной, Л. В. Черепниным, Р. А. Киреевой и Я. Н. Щаповым.)

К семидесятилетию академика Л. В. Черепнина.— Ист. СССР, 1975, № 2, с. 224—228. (Совместно с В. Т. Пашуто.)

К семидесятилетию Л. В. Черепнина.— В кн.: Общество и государство феодальной России: Сб. статей. М., 1975, с. 3—8. (Совместно с В. Т. Пашуто.)

Чл. редкол.: Общество и государство феодальной России: Сб. статей, посвящ. 70-летию акад. Льва Владимировича Черепнина.— М.: Наука, 1975.— 351 с.

1976

Еще раз о дореформенной промышленности России: Ответ П. Г. Рындзюнскому [на статью «Мануфактура и фабрика в экономической истории России XIX века» («Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы. Сер. обществ. наук», 1975, № 1)] — Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. школы. Сер. обществ. наук, 1976, № 2, с. 19—33.

К 70-летию С. С. Дмитриева.— Ист. СССР, 1976, № 5, с. 250—252. (Совместно с И. Д. Ковальченко и Л. В. Кошман.)

Хранилище судеб людских: Несколько замечаний к статье об архивах.— Правда, 1976, 29 мая. (Совместно с др.)

Чл. редкол.: Проблемы истории общественной мысли и историографии: К 75-летию акад. М. В. Нечкиной.— М.: Наука, 1976.— 387 с.

1977

В Саратове в 1905 г. (Воспоминания).— В кн.: Поволжский край. Межвуз. науч. сб.— Саратов, 1977, вып. 5, с. 69—89.

Историк-борец: (К 80-летию со дня рождения акад. А. М. Панкратовой).— Вопр. ист., 1977, № 5, с. 104—114. (Совместно с Е. И. Дружининой.)

К 70-летию академика Е. М. Жукова.— Ист. СССР, 1977, № 5, с. 237—239. (Совместно с Б. А. Рыбаковым, И. Д. Ковальченко и В. А. Тишковым.)

Крестьянское движение в России в XIX веке.— Ист. СССР, 1977, № 4, с. 106—126. (Совместно с В. А. Федоровым.)

Молодым историкам.—В кн.: Будущее науки: Междунар. ежегодник.— М., 1977, вып. 10, с. 230—241.

1978

Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг.— М.: Наука, 1978.— 287 с.

Целеустремленный, размеренный любимый труд... [Интервью с акад. Н. М. Дружининым].— Наука и жизнь, 1978, № 12, с. 54.

Die Agrarreformen der sechziger Jahre des 19. Jahrhunderts und ihr Einfluß auf das russische Dorf.— In: Sonderband des Jahrbuchs für Wirtschaftsgeschichte: Studien zu den Agrarreformen des 19. Jahrhunderts in Preussen und Rußland. Berlin, 1978, S. 117—228.

Ratschläge für junge Historiker.— Sowjetwissenschaft. Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, 1978, № 4, S. 402—409.

1979

В Саратове в 1905 г.: (Воспоминания).— Вопр. ист. КПСС, 1979, № 10, с. 99—110.

Воспоминания и мысли историка.— 2 изд., доп.— М.: Наука, 1979.— 168 с. 1, л. портр.

Заключение из кн.: Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе: 1861—1880 гг.— М., 1978, с. 266—274.— Ист. СССР, 1979, № 6, с. 182—187.

Предисловие.— В кн.: Бадя Л. В. Академик А. М. Панкратова — историк рабочего класса СССР.— М., 1979, с. 2—3. (Совместно с Е. И. Дружининой.)

Работа в Военном комиссариате Москвы и ее области в 1919—1921 годах. М., 1979, с. 1—16. (Ротапринт. изд.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

ЛИТЕРАТУРА ОБ АКАДЕМИКЕ Н. М. ДРУЖИНИНЕ *

Дружинин Николай Михайлович.— БСЭ. 2-е изд. 1952, т. 15, с. 243.

Дружинин Николай Михайлович.— Энцикл. словарь. 1953, т. I, с. 583.

Дружинин Николай Михайлович.— МСЭ, 3-е изд. 1959, т. 3, стб. 720.

Дружинін Микола Михайлович.— Укр. рад. енц. 1961, т. 4, с. 353.

Дружинин Николай Михайлович.— Энцикл. словарь. 1963, т. I, с. 351.

Виленская Э. С. Николай Михайлович Дружинин.— Сов. ист. энц. 1964, т. 5, стб. 384—385.

Дружинін Микола Михайлович: [Биогр. очерк].— В кн.: *Гуржій І. О., Петренко В. С.* Видатні радянські історики. Київ, 1969, с. 67—69, с портр.

Дружинин Николай Михайлович.— БСЭ, 3-е изд. 1972, т. 8, с. 513.

Druzhinin N.— World Biography. 4-th ed. N. Y., 1948, vol. A-K, p. 1568.

Druzhinin Nikolai-Mikhailovich.— Biogr. Directory of the USSR. N. Y., 1958, p. 145.

Druzhinin Nikolay Mikhaylovich.— Who's Who in USSR. 1961—1962. Montreal, 1962, p. 190.

Druzhinin Nikolai Mikhailovich.— The Intern. Who's Who. 1962—1963. London, 1962, p. 270.

То же.— 1970—1971. London., 1970, p. 426.

То же.— 1973—1974. London, 1973, p. 450.

То же.— 1978—1979. London, 1978, p. 446.

---

* В книге, которую академик Н. М. Дружинин рассматривает как публичный отчет о своей научной деятельности, Редакция считает целесообразным, кроме списка его научных трудов, дать список литературы о нем. Данный список не является исчерпывающим.

* * *

Над чем работают советские историки.— Кн. и пролет. революция, 1938, № 12, с. 88.

Члены-корреспонденты Академии наук СССР, утвержденные общим собранием АН СССР 4 дек. 1946 г.: [Список].— Вестн. АН СССР, 1947, № 1, с. 100.

Майский И. М. Государственные премии.— Славяне, 1947, № 6, с. 15.

Работы академиков, членов-корреспондентов и научных сотрудников Академии наук СССР, удостоенные Государственных премий за 1946 г.: [Крат. аннот.].— Вестн. АН СССР, 1947, № 7, с. 23—24.

Лауреаты Государственных премий в области науки. 1939—1949: Материалы к библиогр. Л., 1949, с. 36, 54.

Академики, избранные общим собранием 23 октября 1953 г.: [Список].— Вестн. АН СССР, 1953, № 11, с. 14; Известия. 1953, 24 окт.

Академики, избранные общим собранием Академии наук СССР 23 октября 1953 г.: (Кратк. биогр.).— Вестн. АН СССР, 1954, № 1, с. 49.

Лауреаты Государственных премий в области исторических наук: Библиогр. указ. Харьков, 1954, с. 11—12, 36.

Выборы Национального комитета историков Советского Союза: [Об избрании акад. Н. М. Дружинина зам. председателя Нац. комитета историков СССР.]— Вопр. ист., 1955, № 12, с. 197.

Из истории крестьянства XVI — XIX веков: Сб. статей [Академику Николаю Михайловичу Дружинину ко дню его семидесятилетия. 1886—LXX—1956].— М.: Госкультпросветиздат, 1955.— 176 с.

Историки — лауреаты Государственных премий (1941—1952): Библиогр. указ. лит-ры для учителей средн. школы. Сост. М. Я. Чачуа. Тбилиси, 1955, с. 12—13.

Яцунский В. К. Николай Михайлович Дружинин.— Ист. зап., 1955, т. 54, с. 5—12. [Том посвящен 70-летию акад. Н. М. Дружинина, с портр.].

К 70-летию со дня рождения Н. М. Дружинина.— Вопр. философии, 1956, № 1, с. 213.

Шоинбаев Т. Ж. Юбилей акад. Н. М. Дружинина: (К 70-летию со дня рождения).— Вестн. АН КазССР, 1956, № 3, с. 108—109.

Рындзюнский П. Г. Творческий отчет академика Н. М. Дружинина.— Вопр. ист., 1960, № 9, с. 114—117.

Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России: Сб. статей к 75-летию акад. Николая Михайловича Дружинина.— М.: Изд-во АН СССР, 1961.— 433 с.— Из содерж.: *Яцунский В. К.* Творческий путь Николая Михайловича Дружинина, с. 5—13; Список науч. трудов акад. Н. М. Дружинина за 1922—1960 гг. Сост.: Н. Я. Крайнева, П. В. Пронина, с. 14—23.

К 75-летию Николая Михайловича Дружинина.— Ист. СССР, 1961, № 1, с. 108.

К 75-летию со дня рождения академика Н. М. Дружинина.— Ист. архив, 1961, № 1, с. 182.

Яцунский В. К. Академик Николай Михайлович Дружинин: [К 70-летию со дня рождения].— Вопр. ист. 1961, № 3, с. 110.

То же.— Ист. преглед, София, 1961, № 2, с. 107—108.

Подлящук П. Товарищ Инесса: Документ. повесть.— М.: Политиздат, 1963.— 167 с. О Н. М. Дружинине — с. 26—29, 39.

Генезис капитализма в промышленности и сельском хозяйстве: Сб. статей. К 80-летию академика Н. М. Дружинина.— М.: Наука, 1965.— 459 с.— Из содерж.: Список науч. трудов акад. Н. М. Дружинина за 1961—1964 гг. и литература о нем за 1938—1964 гг. Сост.: Н. Я. Крайнева, П. В. Пронина, с. 6—9.

Академику Николаю Михайловичу Дружинину — 80 лет.— Нов. и новейш. ист., 1966, № 1, с. 183—184.

Восьмидесятилетие академика Н. М. Дружинина.— Ист. СССР, 1966, № 1, с. 231—232, с портр.

80-летие академика Н. М. Дружинина.— Препод. ист. в школе, 1966, № 2, с. 28—29, с портр.

Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции.— М.: Наука, 1966.— 373 с. О Н. М. Дружинине — с. 59—61, с портр.

Ковальченко И. Д. Творческий путь Н. М. Дружинина: [К 80-летию со дня рождения].— Вестн. Моск. ун-та. История, 1966, № 3, с. 81—89, с портр.

Награждения ученых: [О награждении орденом Ленина акад. Н. М. Дружинина].— Вестн. АН СССР, 1966, № 3, с. 199, с портр.

Рындзюнский П. Г. Академик Николай Михайлович Дружинин: [Из цикла «Творческий путь советских ученых»].— Вопр. ист., 1966, № 7, с. 164—173.

Ученые записки Курского гос. пед. ин-та. Вып. 26. (Исторический цикл): [Посвящается 80-летию акад. Н. М. Дружинина].— Курск, 1966.— 235 с., 1 л. портр.— Из содерж.: *Медведская Л.* Николай Михайлович Дружинин, с. 5—8, с портр.

«Адрес» коллектива Московского завода им. Владимира Ильича Николаю Михайловичу Дружинину от 29 сентября 1922 г./

/Подгот. В. А. Кондратьев.— В кн.: Археографический ежегодник за 1969 г. М., 1971, с. 310—311.

Академик Николай Михайлович Дружинин.— Нов. и новейш. ист., 1971, № 3, с. 224—232, портр.

Анфимов А. М. Юбилей академика Н. М. Дружинина: [К 85-летию со дня рождения и 60-летию науч. и пед. деятельности].— Ист. СССР, 1971, № 4, с. 244—246.

Обмен мнениями между профессором М. Бензингом (ГДР) и академиком Н. М. Дружининым: [Переписка историков в связи с интервью Н. М. Дружинина, опубл. в журн. «Вопросы истории», 1969, № 6].— Нов. и новейш. ист., 1971, № 1, с. 129—139.

Освободительное движение России: Межвуз. науч. сборник. Вып. 1. Посвящается акад. Н. М. Дружинину к 85-летию.— Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1971.— 135 с., с портр.— Из содерж.: Юбилей академика Николая Михайловича Дружинина, с. 134—135.

Проблемы социально-экономической истории России: Сб. статей к 85-летию со дня рождения акад. Н. М. Дружинина.— М.: Наука, 1971.— 373 с., 1 л. портр.— Из содерж.: *Иванов Л.* К 85-летию академика Николая Михайловича Дружинина, с. 5—8; Список научных трудов академика Н. М. Дружинина за 1965—1970 гг. Сост.: Н. Я. Крайнева, П. В. Пронина, с. 9—12.

Паина Э. С. Н. М. Дружинин — археограф.— В кн.: Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972, с. 240—247, с портр.

Стецкевич М. Я. Академик Николай Михайлович Дружинин: (Обзор трудов).— Историографический сборник/Сарат. ун-та. Саратов, вып. 1(4), 1973, с. 182—199.

Андриканис Е. Хозяин «Чертова гнезда».— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Моск. рабочий, 1975.— 240 с. О М. Н. Дружинине — с. 26—27, с портр.

Рыбаков Б. А., Киняпина Н. С., Ковальченко И. Д. К 90-летию академика Николая Михайловича Дружинина.— Ист. СССР, 1975, № 6, с. 222—226.

Академик Николай Михайлович Дружинин: К 90-летию со дня рождения.— Нов. и новейш. ист., 1976, № 2, с. 203—205.

Вручение награды. [Сообщение ТАСС о награждении орденом Ленина акад. Н. М. Дружинина за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием Академии наук СССР].— Правда, 1976, 13 янв.; Известия, 1976, 13 янв.

Жуков Е. Выдающийся историк: [К 90-летию акад. Н. М. Дружинина].— Известия, 1976, 10 янв.

Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. статей к 90-летию акад. Николая Михайловича Дружинина.— М.: Наука, 1976.— 288 с., 1 л. портр.— Из содерж.: *Рындзюн-*

ский П. Г. Академик Николай Михайлович Дружинин и его «Воспоминания и мысли историка», с. 1—11; Список науч. трудов Н. М. Дружинина за 1970—1975 гг. и литература о его жизни и трудах. Сост.: Н. Я. Крайнева, с. 12—14.

Нифонтов А. С. 90-летие академика Н. М. Дружинина.— Вопр. ист., 1976, № 1, с. 128—133.

Юбилеи ученых: (90-летие со дня рождения акад. Николая Михайловича Дружинина).— Вестн. АН СССР, 1976, № 4, с. 126.

P. H. N. M. Družinin 90 Jahre.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, N 3, с. 338—339.

Освободительное движение в России: Межвуз. науч. сборник. Вып. 6. [Посвящается акад. Николаю Михайловичу Дружинину к девяностолетию].— Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977.— 136 с.

Николай Михайлович Дружинин.— В кн.: Будущее науки: Международ. ежегодник. М., 1977, вып. 10, с. 230.

* * *

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июня 1945 г. О награждении Н. М. Дружинина орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в развитии науки и техники в связи с 220-летием АН СССР.— Известия, 1945, 13 июня.

Постановление Совета Министров СССР от 6 июня 1946 г. О присуждении Государственных премий за выдающиеся работы в области науки за 1946 г.— Правда, 1947, 7 июня; Известия, 1947, 7 июня. [Премия II степени за кн.: Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. I.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.— 635 с.].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1954 г. О награждении Н. М. Дружинина орденом Ленина за выслугу лет и безупречную работу.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1966 г. О награждении академика Дружинина Н. М. орденом Ленина за выдающиеся заслуги в развитии отечественной истории. многолетнюю научно-педагогическую деятельность и в связи с 80-летием со дня рождения.— Правда, 1966, 13 янв.; Известия, 1966, 13 янв.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1975 г. О награждении орденом Ленина [акад. Н. М. Дружинина] за заслуги в развитии советской науки и в связи с 250-летием Академии наук СССР.— Приложение к Ведомостям Верховного Совета СССР, 1975, № 39; Нов. и новейш. ист., 1976, № 1, с. 58.

Николай Михайлович
Дружинин

Воспоминания
и мысли
историка

Издание второе,
дополненное

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
АН СССР

Редактор издательства
С. А. Левина
Художник
В. Н. Тикунов
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Технический редактор
Ю. В. Серебрякова
Корректоры
К. П. Лосева, Г. Г. Петропавловская

ИБ № 18305

Сдано в набор 10.07.79.
Подписано к печати 20.11.79.
Т-20601. Формат 70×108 1/32.
Бумага № 1.
Гарнитура академическая.
Печать высокая.
Усл. печ. л. 7,44. Уч.-изд. л. 7,2
Тираж 9900 экз. Тип. зак. 2294.
Цена 45 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер., 10

Исправление и опечатка

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
15	3 св.	организатора	агитатора
81	15 св.	Германий	Германией

45 коп.

